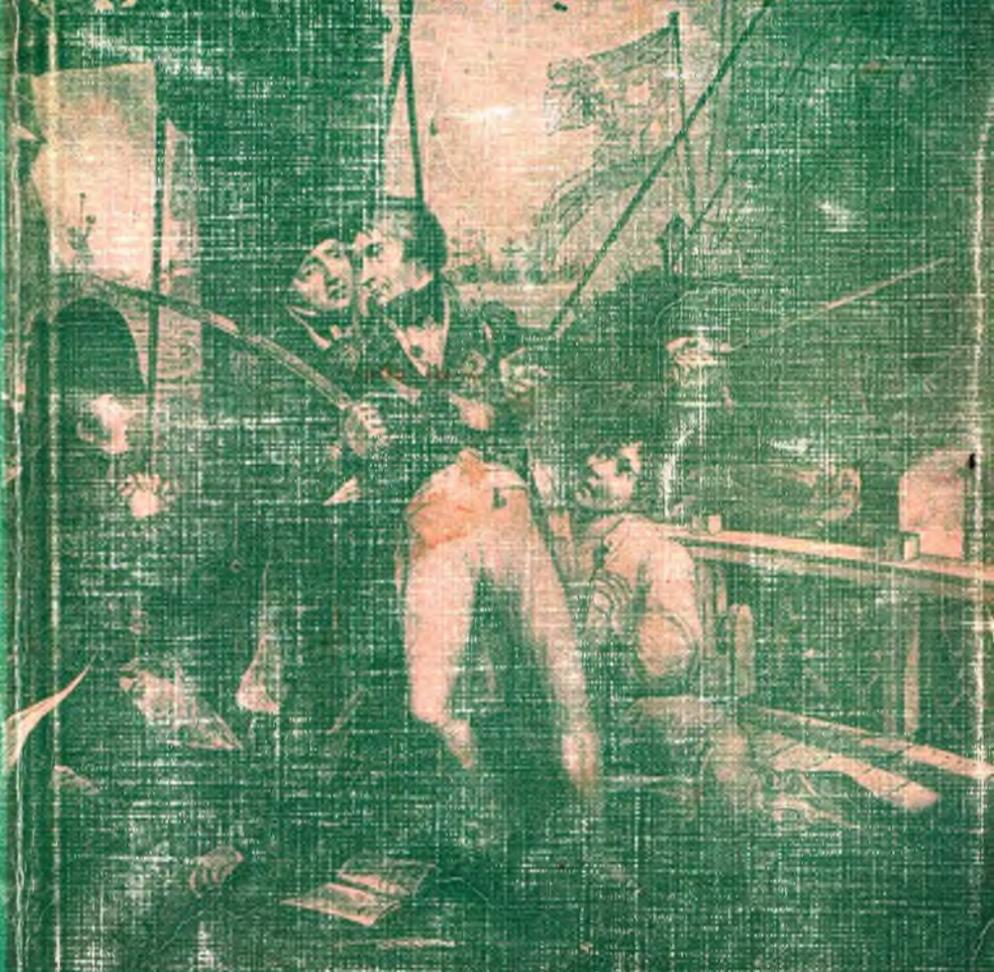
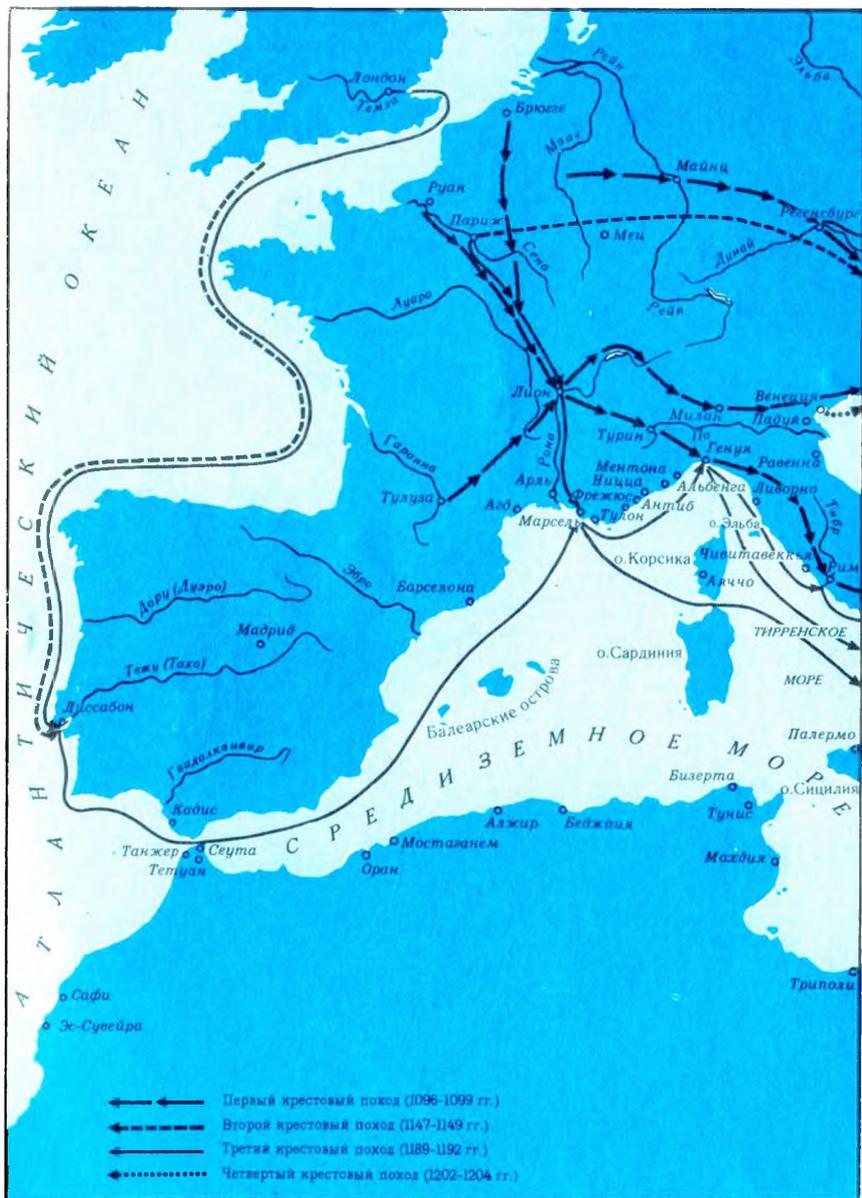

ЖОРЖ БЛОН

**ВЕЛИКИЙ ЧАС
ОКЕАНОВ**

● ● ● **СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ**

Путешествия
Приключения
Поиск

Жорж Блон

ВЕЛИКИЙ
ЧАС
ОКЕАНОВ

... СРЕДИЗЕМНОЕ
МОРЕ

Москва
«Мысль»
1982

26.89(9)

Б 70

Редакции
географической
литературы

Georges Blond

**La grande
aventure
des océans**

••• *La Méditerranée*
Paris, 1974

Перевод с французского
А. М. Григорьева

Печатается с некоторыми
сокращениями

Ответственный редактор
кандидат военно-морских наук
В. А. Дыгало

Послесловие
В. А. Дыгало, С. Г. Смирнова

Комментарии
А. М. Григорьева, В. А. Дыгало,
С. Г. Смирнова

Иллюстрации из оригинала

Художник А. А. Кузнецов

© Перевод на русский язык.
Послесловие. Комментарии. Оформление
Издательство «Мысль», 1982

I

Обсидиановые пластинки

Древнейшие цивилизации Земли родились на небольших территориях по берегам нескольких рек — Тигра, Евфрата, Нила, Инда, Янцзы. Периодические наводнения благоприятствовали развитию земледелия, а процветание государства создавало в свою очередь условия для изобретательства и совершенствования техники. Уже 5000 лет назад жители Месопотамии занимались сельским хозяйством, использовали колесо, плавил медь, обрабатывали металлы, изготавливали керамическую посуду, строили великолепные здания. Тысячу лет спустя их потомки — шумеры увеличили урожай зерновых культур благодаря искусственному орошению, изобрели клинопись, вывели новые породы скота, показали себя искусными ювелирами. На берегах Инда и одного из его притоков археологи раскопали развалины двух городов — Мохенджо-Даро и Хараппы, построенных за 3000 лет до нашей эры; в каждом из них действовала единая система канализации. В ту же эпоху китайцы занимались освоением бассейна Янцзы, его осушением, ирригацией. Они разводили шелковичных червей, ткали чудесные ткани, искусно обрабатывали бронзу. Первые властители Египта справились с разливами Нила, выстроив плотины и каналы, создали централизованное государство, возвели великолепные гигантские пирамиды. Эти немые свидетели удивительной цивилизации высяты до сих пор, поражая наше воображение своим величием и красотой. Перед громадными пирамидами в молчании застывает даже самый рассеянный турист, стоит гиду напомнить, что они сооружены пять тысяч лет назад.

Однако Великий час Средиземного моря пробил за четыре тысячи лет до возведения пирамид.

Еще несколько лет назад я не мог бы написать предыдущую фразу. Историки считали, что ни один житель Средиземноморья не выходил в открытое море ранее пятого тысячелетия до нашей эры. Конечно, люди плавали вдоль берега, но никто не решался совершить настоящее плавание — когда земля исчезает из виду и уходит за горизонт. Ни на Средиземном, ни на каком другом море земного шара.

Но вот во Фрахти, на Пелопоннесском полуострове, начались археологические раскопки—там была сделана находка, о которой стоит рассказать. Сомневаюсь, что хотя бы одна крупная французская газета обмолвилась о ней. А ведь речь шла о новом проникновении в глубь истории человечества.

Рыбацкая деревушка Фрахти стоит на берегу северного рукава залива Арголикос, неподалеку от Аргоса Атридов¹ и от Микен. Из деревни хорошо виден скалистый склон и громадная расщелина в нем. Это вход в пещеру: длина ее около 60 метров и ширина—50 метров.

Жители деревни частенько ходят туда за холодной родниковой водой. Весной 1967 года в деревушке появилась группа американских археологов. Их возглавлял профессор Томас Якобсен из Индианского университета. Экспедицию финансировал Индианский университет и Фонд Форда Пенсильванского университета. Археологическое управление Греции дало согласие на раскопки и приняло в них участие.

Археологи начинают работу в пещере. Нередко на раскоп приходят мальчишки-пастухи, глаза их сверкают от любопытства. Конечно, сейчас мало кто полагает, что археологи работают кирками, но и не многим известно, сколь тонкими стали их методы исследования. От их внимания не ускользает ни один кубический сантиметр почвы.

— Мы используем метод «водяного просеивания»,— объясняет профессор Якобсен.— Все, что представляет интерес, помещается в сосуд с чистой водой. Более тяжелые неорганические частицы оседают на дно, а органические вещества всплывают. Мы их вылавливаем с помощью тончайшей металлической сетки, затем собираем осадок.

Собранное вещество высушивается, взвешивается, измеряется, анализируется, идентифицируется, классифицируется. Так проводится послойное исследование почвы. Радиоуглеродный метод анализа органического вещества позволяет точно датировать его возраст. Раскопки во Фрахти продолжаются. Сейчас, когда я пишу эти строки, американские археологи достигли уровня, соответствующего двадцатому тысячелетию до нашей эры.

— Пещера,— продолжал профессор Якобсен,— была обитаемой уже с этого времени вплоть до третьего тысячелетия до нашей эры. Другими словами в позднем палеолите, мезолите и неолите. Уникальный случай в древней истории.

Находка, которая интересует нас, была сделана, когда археологи исследовали слой, относящийся к середине восьмого тысячелетия до нашей эры. С точки зрения профана в ней не было ничего необычного. Археологи наткнулись на обсидиановые пластинки.

Обсидиан представляет собой черный стекловидный материал вулканического происхождения. В каменном веке из него делали топоры, наконечники копий, ножи и прочие инструменты.

Как очутились эти пластинки в пещере Фрахти? Ответ мог дать любой сотрудник профессора Якобсена.

— В Средиземноморье есть одно-единственное месторождение обсидиана, и находится оно на острове Милос.

Пластинки отправили в Лондон для анализа. А через неделю пришел ответ: «Вне всяких сомнений, это милосский обсидиан».

Милос, или Мелос,—самый западный из Киклад; этот остров вулканического происхождения (именно там в 1820 году была найдена всемирно известная статуя Венеры) площадью 161 квадратный километр расположен в 140 километрах от континентальной Греции. Люди заселили его лишь в третьем тысячелетии до нашей эры. Но

Недавние находки obsидиановых пластинок в пещере Фрахти (в Греции) оказались очень важными с исторической точки зрения. Они доказывают, что люди путешествовали в открытом море уже в середине восьмого тысячелетия до нашей эры, то есть более чем за 4000 лет до строительства пирамид

месторождение obsидиана начало разрабатываться значительно раньше. Критяне, потом финикийцы тысячелетиями возили этот материал с Милоса в Грецию, Ливан, Египет, Сицилию. Рене Седийо считает, что критяне начали добывать obsидиан в пятом тысячелетии до нашей эры.

Находка во Фрахти отодвинула эту дату на две с половиной тысячи лет.

И перед археологами встал новый вопрос:

— А кто доставил эти пластинки с Милоса во Фрахти? Критяне?

Значит, они совершали дальние плавания в куда более ранние времена, чем считалось до сих пор?

— Я думаю,— сказал профессор Якобсен,— что за обсидианом плавали сами арголійцы. В середине восьмого тысячелетия до нашей эры у них уже были корабли.

На чем основывается такое утверждение? Пока еще не найдено остатков ни одного судна того времени. Однако справедливость слов профессора Якобсена подтверждается другими интересными находками в пещере Фрахти. В частности, рыбьими костями, которые свидетельствуют, что обитатели пещеры ловили рыбу и в доисторические времена. Тщательный анализ костей дал и другую важную информацию. Кости, найденные в более ранних слоях, были очень мелкими, поскольку «рыбаки» тогда обычно плескались у берега, как и все их современники.

— А в слоях, относящихся к середине восьмого тысячелетия до нашей эры, появились значительно более крупные рыбы кости — их толщина достигает четырех сантиметров. Возможно, это кости тунца. Люди стали ловить рыбу в открытом море. У них появились суда. Вот почему я и сказал, что за обсидианом на Милос плавали сами арголійцы.

Сто сорок километров в открытом море. Сегодня такое плавание грандиозным не назовешь, хотя капитаны яхт хорошо знают, как оно усложняется, если мельгем (так называют на Кикладах северный ветер) задует посильнее. Но за шесть с лишним тысяч лет до Троянской войны такой переход был подвигом. И даже если его совершили критяне, его значение не следует преуменьшать, поскольку Крит находится от Милоса на таком же расстоянии, как и Милос от континента.

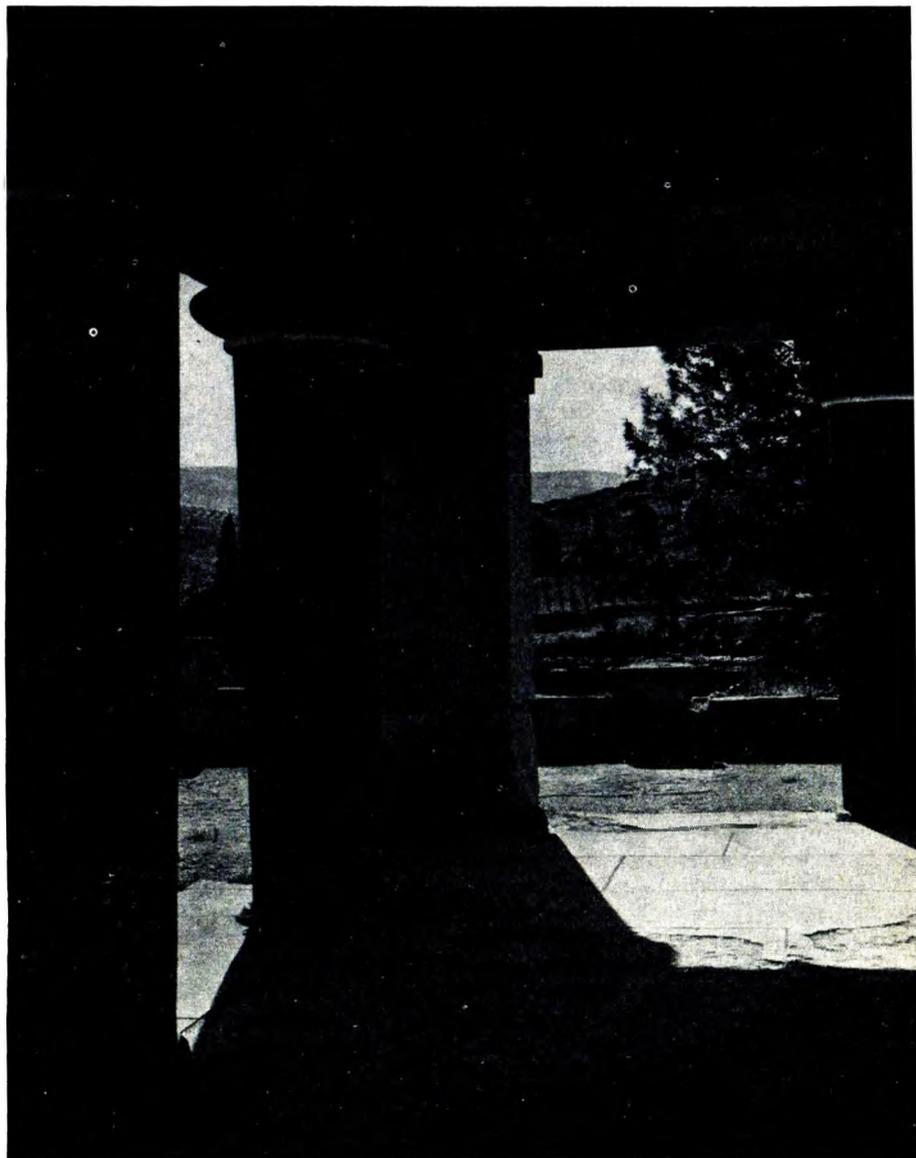
В те времена Средиземное море было наверняка богаче рыбой, чем другие моря, и к тому же оно довольно спокойно в определенное время года. И совершенно естественно, что именно оно стало колыбелью рыболовства и дальних плаваний. Рыба и климат. Взгляните на карту, и вам станет ясно, что все началось в Восточном Средиземноморье. Россыпь островов в Эгейском море благоприятствовала развитию мореходства, так же как и режим ветров, связанный с движением Солнца. Но ни одно путешествие, ни один подвиг нельзя объяснить одними только географическими условиями. В жилах древних средиземноморцев текла, наверное, более горячая и соленая кровь, чем у прочих жителей Земли. Они осмелились потерять из виду родные берега и двинуться навстречу неизвестности, которая леденила сердца даже самых отважных.

В одном из предыдущих томов* я рассказал о гипотезе, которую с блеском защищают принц Мишель де Грес и профессор Галананулос. По их предположениям, легендарный континент Атлантида есть не что иное, как Крит, памятники и города которого были разрушены землетрясением. Оно же уничтожило и часть острова Санторин

* Жорж Блон. Великий час океанов. Атлантический. М., «Мысль», 1978. (Прим. перев.)

Критская цивилизация относится к древнейшим и едва ли не самым блестящим цивилизациям Средиземноморья. Критяне и финикийцы были королями морской торговли в античном мире.

Портик Кносского дворца на о. Крит

(Тира)², где располагалась критская колония. Если это соответствует действительности, то морские подвиги критян не могут вызвать у нас удивления. Более того, они выглядят весьма скромными, если вспомнить о тоннаже описанных Платоном морских судов атлантов. Среди утлых суденышек критских мореходов нет ни одного столь крупного судна.

Подводные археологи не подняли из морских глубин ни одного критского судна той эпохи или каких-либо остатков подобных судов. В нашем распоряжении есть лишь несколько рисунков и небольших моделей, но правильно определить, что они изображают, не так-то легко. В музее Ираклиона³ выставлен небольшой продолговатый предмет (30 см) из глины, найденный в Палайкастро (Крит) и датированный третьим тысячелетием до нашей эры.

— Глиняная лампа!

Нет, приглядитесь внимательнее. Это судно с высоко поднятым скошенным носом и округлой кормой. А вот фрагменты сосудов (2800 лет до нашей эры, найдены на острове Скирос, Киклады), на которых выгравированы тысяченожки. Но нет, это вовсе не насекомые, это суда, а то, что кажется лапками,—весла или, быть может, гребки⁴. Если художник не преувеличил их количество, то суденышки имели около десяти метров в длину. Мачты нет. Специалисты по судостроению считают, что эти суда не были пирогами, выдолбленными из ствола дерева, а были шиты из досок, быть может обтянутых кожей.

Позже (второе тысячелетие до нашей эры) критяне стали строить более округлые суда с мачтой и парусом, но гребцы на них остались. Такие суда изображены на печатях и украшениях. Нам известно, какие грузы кроме обсидиана перевозили эти мореплаватели на своих судах. Предметы и изделия критского происхождения часто встречаются на островах и вообще в Средиземноморье. Критские гончарные изделия были найдены и в Македонии, и в Малой Азии, и в Египте, и на острове Сицилия. С развитием критской цивилизации товары становились все разнообразнее и ценнее — украшенное оружие, изделия из керамики, ювелирные поделки, цветные камни и, наконец, модные женские наряды.

Никакие античные изображения не вызывают столь сильного ощущения социальной утонченности, как фрески из музея Ираклиона, на которых мы видим очаровательных модниц в элегантных одеяниях почти современного покроя. И эта элегантность стала предметом экспорта: на многих египетских фресках изображены женщины в типично критских платьях со смелым декольте. Критские портные знакомили свою заграничную клиентуру с новинками, рассылая в качестве каталогов раскрашенные статуэтки.

Но мы слишком быстро перешагнули через многие века, расставшись с первыми смелыми моряками, возившими обсидиан. Критские моряки не были единственными мореплавателями Средиземноморья — их первые конкуренты подняли паруса задолго до апогея критской цивилизации.

Третье тысячелетие до нашей эры. Прибрежная деревушка где-то между Хайфой и заливом Искендерон. Ее обитатели живут в пещерах либо в глинобитных хижинах, крытых соломой; их нельзя назвать несчастными, ибо земля здесь плодородна, а жара не так уж невыносима — ветры с гор Ливана несут прохладу. Жители выращивают злаки, овощи, сажают фруктовые деревья, вокруг деревушки пасутся небольшие стада коз и овец. Отдельные смельчаки ловят рыбу вблизи берега с борта суденышек, похожих на критские суда. Возможно, критяне уже побывали здесь.

Жизнь течет с библейской размеренностью, и единственное достойное внимания событие — сезонный перегон овечьих стад. Каждое лето небольшие овечьи стада окрестных деревушек и их пастухи отправляются на вечнозеленые пастбища ливанских гор; осенью они возвращаются обратно. Рождения и смерти, иногда убийство, похищение женщины или скота, но такое случается редко, ибо жесткие социальные и религиозные барьеры сдерживают страсти; каждый делает лишь то, что делали до него.

Но однажды с юга приходят люди — мужчины, женщины, дети. Они гонят перед собой домашний скот. Они совсем не похожи на прибрежных жителей. Речь их непонятна, но языковой барьер быстро преодолен. Новоприбывшие объясняют, что пришли издалека, из страны песков и бесплодных гор — из Синайской пустыни. Так на побережье появились предки финикийцев.

Их приход не имеет ничего общего с вторжением. Пришельцы появляются то в одной, то в другой деревне побережья. Миролюбивое население принимает их, но браки с пришельцами редки, и последние сохраняют основную черту своего характера — предприимчивость, которой нет у земледельцев и пастухов. Со временем пришельцы становятся хозяевами страны.

Финикийцы — народ семитской расы — известны всему миру. Вначале они поселились на небольшом участке побережья. Финикийцы превосходно использовали географическое положение и природные богатства страны, об эксплуатации которых не помышляло ее первоначальное население.

Рыбная ловля. И не просто ловля рыбы у берега ради своих собственных нужд — в открытое море уходят суда, а не утлые лодочки, изготовленные из нескольких досок. Чтобы построить прочное судно, надо доставить с Ливанских гор знаменитый кедр, древесина которого не поддается гниению. Финикийцы создают морской флот. Рыба, которой кишат прибрежные воды (финикийское название Сидон означает «рыба»), перестает быть продуктом потребления только местного населения — финикийцы вскоре находят вещество, позволяющее хранить, а следовательно, транспортировать и продавать рыбу.

Это соль. Их робкие предшественники создали крохотные прибрежные соляные бассейны. А финикийцы снаряжают целые караваны для перевозки соли с Мертвого моря, один литр воды которого дает 200 граммов соли. Финикийцы ведут дело с размахом. Везде, где возникли их торговые колонии, то есть на всем побережье Сре-

диземного моря и на западных берегах Испании и Марокко, финикийцы занимаются засолкой рыбы.

Фортуна улыбается предприимчивым и смелым. Однажды вблизи Тира пастушья собака разгрызла раковину какого-то моллюска, и ее морда тут же окрасилась в невиданный красновато-фиолетовый цвет. Моллюска называли *тигех*, а краску пурпуром. Пурпур поразил воображение античного мира и стал символом величия и мощи. Каждый моллюск дает лишь две капли краски, и цены на нее невероятно высоки. В разных местах бывшего финикийского побережья найдены обломки раковин мурекса, разбитых одним и тем же способом. В Сидоне обнаружен целый холм таких осколков — сто метров в длину и семь в высоту. Финикийцы использовали и «заморский» мурекс, в частности из южной части Пелопоннеса. За это они получили от греков прозвище «красные люди».

Удивительный народ. Народ первооткрывателей, смелых и одновременно расчетливых. Умный народ, придумавший алфавит. Финикийцы умели извлечь пользу из любой ситуации, не упустив ни малейшей возможности. Стоило им создать флот, как все караваны Востока устремились в Финикию, ставшую важнейшим центром торговли. Богатый Египет желает экспортировать зерно, но нуждается в лесе — финикийцы везут ливанский кедр на Нил. Египтяне использовали древесину кедра для своих скульптур уже в середине четвертого тысячелетия до нашей эры. Самое древнее известное свидетельство о морском путешествии относится к эпохе фараона Снофру (IV династия, 2750 год до нашей эры), который праздновал прибытие *сорока* кораблей с грузом кедра из финикийского порта Библ (ныне Джебла, Ливан).

И финикийцы же развозят по миру египетское зерно. Они договариваются с критянами (или заставляют их соглашаться на это) о совместной добыче милосского обсидиана, они предоставляют свои суда и своих моряков любому, кто нуждается в их услугах. В порту Эзион-Гебер (ныне Эйлат), стоящем на берегу залива Акаба Красного моря, они строят суда для царя Соломона⁵. Потом финикийские моряки поведут эти суда в легендарную страну Пунт (ныне Эритрея). Строительство, продажа, фрахт, фрахт-продажа — все, что пожелает клиент.

Чаше говорят «финикийцы», но не «Финикия», поскольку побережье, где они жили, вряд ли можно считать их родиной. Десяток городов, более или менее зависимых от одного из трех важнейших *центров* — от Библа, от Сидона или Тира — и связанных общими интересами и торговыми соглашениями, — вот что такое Финикия. Нечто вроде «Союза ганзейских городов»⁶ при полном отсутствии ура-патриотизма и национализма.

Финикийская экспансия поражает. Вначале Восточное Средиземноморье, где в качестве конкурентов выступают критяне, вскоре, однако, попадающие (после гибели от землетрясения части острова Тира) под торговое владычество финикийцев; встреча финикийцев с греками, которые заимствуют алфавит пришельцев, ибо их успехи ошеломляют; затем мирная колонизация Кипра. С Кипра, при поддер-

же своих морских баз Библа, Тира и Сидона, финикийцы устремляются на запад. В 1100 году до нашей эры — рынок за Гибралтар и основание первой торговой колонии Гадес (ныне Кадис). Потом создаются торговые колонии на Мальте (VIII век до нашей эры), в Карфагене (начало VII века до нашей эры), на испанском побережье (600 год до нашей эры) и, наконец, в Эс-Сувейре⁷. Несомненно, финикийцы лучшие моряки того времени.

И более других в этом уверен фараон Нехо II. Не дать Египту замкнуться в своих границах, расширить обмен с иноземцами — таково основное направление его политики. Внешняя торговля египтян процветает благодаря финикийцам, но Нехо II желает превзойти финикийцев. Идет 600 год до нашей эры.

— Вы совершите великую экспедицию в мою честь. Выйдя из Красного моря, обогнете Ливию (прежнее название Африки), вернетесь в Северное (Средиземное) море, пройдя Геркулесовы столбы (Гибралтар), и придете в Египет.

К кому обращался с такой речью фараон — неизвестно, но такова была ее суть, если верить Геродоту, который посетил Египет полтора века спустя и интересовался этим путешествием.

«Эти финикийцы, — пишет он, — вышли из Красного моря и поплыли по Южному морю (Индийский океан). Когда наступала осень, они приставали к берегу Ливии, а после сбора урожая снова уходили в море и после трехлетнего отсутствия прошли Геркулесовы столбы и прибыли в Египет».

Выдающийся подвиг, но рассказ о нем столь краток, что вызывает скептицизм:

— Могли ли древние моряки пройти 13 000 миль без компаса, запасов питьевой воды и пищи? И зачем была нужна такая экспедиция? Если бы она состоялась, то были бы и другие экспедиции. Не нужно было бы ждать два тысячелетия, пока другой мореплаватель (Диаш) обогнет Африку в обратном направлении.

В наши дни все больше ученых склонны поверить в этот подвиг. Лаконизм Геродота не может удивить, поскольку известно, с какой тщательностью древние мореплаватели, и особенно финикийцы, хранили тайну морских путей. Мы еще узнаем, как жители Средиземноморья плавали по морю без компаса, а финикийцы, нанятые Нехо II, вполне могли без него обойтись, ибо плыли вдоль берега. Вытаскивать суда на берег осенью и вновь уходить в море с наступлением благоприятной погоды было в обычае у средиземноморцев, и эта их традиция сохранялась до конца средневековья. Так же как и обычай выращивать хлеб во время долгих остановок, чтобы обеспечить себя припасами для дальнейшего плавания. А ведь финикийцы умели еще и ловить рыбу. Срок путешествия правдоподобен. Правдоподобно и то, что Нехо II не стал снаряжать новых экспедиций, сочтя этот первый морской поход слишком долгим.

Ничто не вечно на нашей земле. Время развеяло величие финикийцев в тот день, когда упоенный победами Александр Македонский прибыл под стены Сидона и Тира. Это было в 331 году до нашей эры. Сидон сдался, Тир пал после семимесячной осады. Воспользовавшись благо-

приятной ситуацией, Карфаген заявил о своей независимости и вскоре завладел всеми торговыми колониями финикийцев в Западном Средиземноморье. Но и Карфаген не устоял под ударами Рима. Историки не раз рассказывали о судьбе Карфагенского государства, но в его истории остались «белые пятна»: ведь архивы карфагенян систематически уничтожались победителями.

Весна 1960 года. Ловец губок, турок, который выглядит старше своих лет из-за многочисленных морщин на лице и изъеденных солью глаз, объясняется с американцем через переводчика:

— Затонувшее судно лежит на скале на глубине тридцати метров. От него почти ничего не осталось, только несколько кусков дерева.

Американского археолога звали Питер Трокмортон. Когда он несколько месяцев назад услышал об остатках судна, он тут же вспомнил надпись на глиняной табличке, найденной в 1929 году среди руин финикийского города-государства Угарит (ныне Рас-Шамра в Сирии), к северу от Латакии. Этот текст, относящийся к началу второго тысячелетия до нашей эры, описывал античный морской путь из Финикии на Крит: мимо Кипра, затем вдоль побережья Малой Азии и около мыса Гелидонья, там, где, по словам турецких ловцов губок, и покоилось затонувшее судно.

Работы начались через несколько недель. Обычно ил, оседающий на обломках, предохраняет их от разложения. Здесь же, вблизи Гелидоньи, дело обстояло иначе. Дно было скалистым, и древоточцы съели большую часть корпуса.

Питер Трокмортон приказывает разбить место кораблекрушения на квадраты. Нырятьщики укладывают на дно конструкцию из пластмассовых труб поверх и вокруг судна— таким образом местоположение каждой находки определяется с точностью до сантиметра. С помощью детектора металлов и магнитометра устанавливается присутствие металлических предметов, заключенных в конкреции.

— Прекрасно!— говорит археолог.— Это доказывает, что мы имеем дело с очень древним объектом.

Затем исследователи отсасывают песок, пускают в ход молотки, подъемники (наполненные воздухом шары), сита. Каждую фазу работы фотографируют— составляется научный архив. Конкреции осторожно разбивают, предметы, заключенные в них, осматривают, измеряют, взвешивают. Деревянные обломки, пропитанные водой, подвергают специальной обработке, иначе они рассыплются в пыль, как только высохнут. Их опускают в ванну с полиэтиленгликолем. За шесть месяцев смесь пропитывает дерево и вытесняет воду. После сушки полиэтиленгликоль затвердевает, и обработанный предмет сохраняет свой объем. Вот резюме первого отчета Питера Трокмортон:

«Радиоуглеродный анализ остатков корпуса указывает на то, что судно было построено примерно в 2000 году до нашей эры. Груз состоит из 34 медных слитков весом до двух килограммов каждый; кроме того, имеются бронзовые и оловянные слитки, два каменных молота,

которыми финикийцы обычно обрабатывали металл, точильный камень и множество полировальных камней. Вряд ли можно считать все это товарами, скорее всего груз был частью оборудования плавучей кузницы.

Надписи на слитках и орудиях труда свидетельствуют, что их изготовили на Кипре в начале второго тысячелетия до нашей эры. Это же подтверждается возрастом деревянных частей корпуса. Найдено несколько предметов, принадлежавших кузнецу или членам экипажа: сирийская цилиндрическая печатка, каменные ступки и глиняная лампа того же происхождения; несколько наборов гирь из гематита (железная руда), которыми пользовались в Сирии, Малой Азии и на Крите». Благодаря разбивке дна на квадраты все поднятые предметы и части корпуса были уложены в том же порядке, в каком они располагались под водой. Затем археологи измерили длину плавучей кузницы: около девяти метров.

Финикийцы строили и более крупные суда. В послании царю Угарита царь хиттитов (XIII век до нашей эры) просит предоставить ему судно и экипаж для перевозки в два рейса 200 мер зерна, то есть примерно 250 метрических тонн за рейс. В другом послании к тому же властителю содержится просьба о снаряжении *ста пятидесяти* судов. Время и море расправились с великолепным торговым флотом финикийцев и не оставили нам ничего, кроме обломков скромного суденышка бродячего кузнеца, которое затонуло со всем своим грузом у мыса Гелидонья четыре тысячи лет назад.

Проследив путь корабля, мы обнаружим, что кормчий уводил суденышко в открытое море по меньшей мере дважды за рейс, а ведь в те времена плавали без компаса. Как и жители Океании, которые уходят в океан на своих пирогах, средиземноморские мореходы античности ориентировались днем по солнцу, а ночью по звездам и превосходно знали все течения. Мореплавание без помощи мореходных инструментов достигло в древние времена трудно вообразимого для нас совершенства.

Ветры Восточного Средиземноморья одновременно и переменчивы, и регулярны: известно, какие ветры дуют в каждом районе утром, днем и вечером; таким же образом обстоит дело и с течениями. И сегодня «Люция Эгейского моря» дает точные советы по использованию ветров и течений, а рыбацкие и каботажные суда здесь почти никогда не пользуются компасом, даже если земля скрывается за горизонтом.

Даже в Атлантическом океане с его самой высокой в мире плотностью движения судов вы можете плыть неделю за неделей и никого не встретить, если окажетесь в стороне от морских дорог. Но вблизи Нью-Йорка и мыса Лизард движение столь оживленно, что в плохую погоду столкновение судов может произойти в любую минуту. Античное Средиземноморье с его мелкими, едва видимыми на воде суденышками в большей своей части, за исключением традиционных морских дорог, тоже представляло собой пустыню. Наибольшую выгоду из этой оживленности морских путей извлекали пираты.

Пираты появились на заре мореплавания. Древнегреческий историк Фукидид называет полуполегендарного критского царя Миноса⁸ (третье

тысячелетие до нашей эры) «победителем пиратов» и сообщает, что для борьбы с ними был создан первый военный флот. В 1100 году до нашей эры финикийцы приняли такие же меры для защиты своих судов от одного из племен Малой Азии, единственным занятием которого было пиратство.

Рисунки на древних керамических изделиях позволяют подметить различия между торговыми и боевыми судами. Пузатые карго плавали под парусами, в то время как боевые суда были длинными и узкими, имели на корме площадку, нос их заканчивался тараном, а главную движущую силу составляли гребцы. Хотя они имели паруса, в бой суда шли на веслах. Так выглядела галера—судно, царившее в Средиземном море целых три тысячелетия.

Трудно сказать, кто изобрел галеру. Когда она появилась, критяне и финикийцы давно уже не были единственными мореходами, бороздившими просторы этого моря. Среди искусных моряков есть и те, кого история называет греками, хотя за этим общим именем скрывается смесь многих народов. Отвлечемся на несколько секунд, чтобы познакомиться хотя бы с примерной схемой происхождения греков. Эта схема поверхностна, абстрактна и спорна, поскольку человеческая реальность не укладывается ни в какие рамки. Но она поможет нам разобраться в этой пестрой античной сутолоке.

Аборигены, жители континента, которых древние называли пеласгами и о которых мы практически ничего не знаем, смешались с пришедшими с севера индоевропейцами—ахейцами, ионийцами, эолийцами; их потомки начали заселять острова. Ко второму тысячелетию до нашей эры самые отважные из завоевателей—ахейцы проникли на Крит. Затем на исторической арене появились дорийцы, которые смели своих предшественников и заняли господствующее положение.

У нас нет точных цифр. Мы не знаем, какое количество ахейцев, ионийцев, эолийцев и дорийцев прибыло с севера как целыми племенами, так и поодиночке. Талант поэтов—историков античного Средиземноморья, их мифотворческий гений часто придавал блеск и размах событиям, которые в глазах современных историков выглядят мелкими происшествиями в масштабе кантона.

Во время дорийского нашествия часть жителей подчиняется пришельцам и остается жить на привычном месте, но элита и самая активная часть населения покидают родину. Так, на Трое уходит войско под предводительством царя Микен Агамемнона. Мы знаем, что Троя—город в Малой Азии на берегу Геллеспонта (пролив Дарданеллы); город богат, поскольку собирает дань со всех проходящих судов. Царь Трои—Приам.

Ахейцы Агамемнона приступают к долговременной осаде Трои. Это происходило между 1300 и 1189 годами до нашей эры. А несколько веков спустя (VII век до нашей эры) на площадях греческих городов и селений бродячие певцы собирают себе на пропитание, распевая речитативом историю под названием «Илиада»—эпизод из Троянской войны, сочиненный неким Гомером. О Гомере ничего не известно. Предполагают, что он родился в середине девятого века до нашей эры. Под этим именем могут скрываться несколько авторов,

собранных, обработавших и пересказавших воспоминания древних воинов. Вполне вероятно, что имя Ахилл—производное от слова «ахейцы». Возможно, что общеизвестный троянский конь символизирует атаку ахейских колесниц на поле битвы. Но мы не знаем, как долго длилась осада (десять лет, согласно Гомеру) и сколько воинов участвовало в битвах.

Туристы, которые сегодня прилетают на самолете в Измир (Турция), должны проехать на автобусе всего двадцать километров, чтобы попасть в деревню Фоча, один из курортов Средиземноморья. На месте Фочи в VIII веке до нашей эры стоял город Фокея, основанный ионийцами, бежавшими из-под власти дорийцев. Вокруг Фокеи лежали сухие земли, но сама она располагалась в превосходной естественной бухте, и это благоприятствовало рыболовству и мореходству. И тогда, как и ныне, ветераны походов и воины-инвалиды собирались в порту и грели свои старые косточки на солнце, рассказывая всяческие истории.

- Гонимый ветрами, Колайос прошел Геркулесовы столбы и высадился в Тартессе...

Другими словами, где-то вблизи Гвадалквивира. Капитан Колайос был родом с Самоса, и старики либо лично знали его, либо были о нем слышаны. Этот моряк привез из путешествия груз, ценность которого увеличивалась с каждым рассказом и вскоре выросла до сказочной величины. Молодые фокейцы слушали рассказы, кто пожимая плечами, кто с неподдельным интересом. И вот однажды—это было примерно в шестом веке до нашей эры—молодые мореходы задумали отправиться в плавание на поиски Эльдorado, где побывал Колайос.

Географические знания той эпохи были весьма путанными. В поисках Геркулесовых столбов молодые фокейцы углубились в Адриатическое море, обогнули Италию, останавливались в устье Тибра, затем на Корсике. Вновь подняв паруса, они добрались до берегов нынешнего Прованса и пристали у лигурийской деревушки. Она лежала на берегу закрытой бухты, оказавшейся еще лучшей природной гаванью, чем Фокея. Местные жители встретили пришельцев радушно. С севера в деревушку привозили олово и другие редкие товары. Лигурийская деревня называлась Массалия. Отказавшись от поисков Эльдorado Колайоса, фокейцы решили остаться здесь и дали бухте имя на своем родном языке—Лакидон. Сейчас здесь расположен Старый порт Марселя.

В первом томе «Великого часа океана», посвященном Атлантике, я поведал историю Пифея, родившегося в 315 году до нашей эры в Массалии. Его предками были фокейцы, а сам он оказался исключительно искусным мореплавателем. До нас не дошло его сочинение «Об океане», где он поведал о своем долгом путешествии, но историки и географы античности оставили достаточное количество свидетельств, чтобы с приемлемой точностью восстановить его маршрут: нынешние Марсель, Барселона, Кадис, Лиссабон, Ла-Корунья, остров Уэссан, мыс Финистерр, остров Уайт и, наконец, Туле, «таинственный Туле», который, судя по всему, был Исландией. Далее Пифей прошел,

по-видимому, вдоль северного побережья Европы до Балтики. А его земляки за это время основали Никайю (Ниццу), Антиполис (Антиб), Агатэ (Агд), а также Росас и Ампориас (на испанском побережье). Морское путешествие фокеев от Ионии до Туле поражает куда сильнее, чем распространившаяся одновременно с «Илиадой» «Одиссея» Гомера. В ней повествуется о приключениях Одиссея (Улисса), одного из участников Троянской осады, который странствовал долгие годы после окончания войны и наконец счастливо возвратился на свою Итаку (один из ионийских островов). Как и «Илиада», «Одиссея» представляет собой причудливое смешение сказок, легенд и подлинных свидетельств очевидцев.

Лоуренс Аравийский⁹, который перевел «Одиссею» на английский язык, писал, что это «самая древняя приключенческая книга, которую следует прочесть каждому», а также «самый древний европейский психологический роман». И действительно, Одиссей — персонаж удивительно сложный, человечный и трогательный. Он воплощает собой миф (жадный до всего неизвестного человек, игрушка в руках судьбы, с радостью возвращающийся к семейному очагу). А для моряков «Одиссея» представляет особый интерес, потому что в ней в виде легенд и мифических рассказов содержатся сведения, которые ныне излагаются в лоциях.

Но Одиссея нельзя назвать воплощением морских традиций, сравнимых с традициями критян, финикийцев, эгейцев. Он дориец, прямой потомок арийцев, пришедших из степей Азии. То были охотники и скотоводы, и они употребляли в пищу мясо. Море представлялось им неизвестной, опасной и враждебной стихией. Их непосредственные предшественники на греческом (Балканском) полуострове жили в основном за счет моря, а дорийцы долгое время относились к нему с опаской. Современники Гомера охотились, не считали зазорным возделывать землю, но презирали рыбную ловлю. Взгляните на Одиссея — лишь его упрямый отказ употреблять в пищу дары моря вынуждает путешественников высаживаться на острова, где их поджидают всяческие неприятности.

Изучите гомеровские меню, и вы увидите, что каждое из них состоит только из даров земли. С точки зрения героев, рыба — пища отвратительная, которую можно есть лишь в крайнем случае, когда терпешь кораблекрушение. Со временем этот предрассудок исчезает, и более поздние авторы (Элиан, Немезиан и особенно Оппиан, II век до нашей эры)¹⁰ подробно описывают способы рыбной ловли и потребление рыбы в ту эпоху. Ибо именно тогда закончился долгий период (с XII по VII век до нашей эры) в истории континентальной Греции, когда отношение к морю было более чем недоверчивым. В конце концов цивилизация дорийцев ассимилировала культуру покоренных народов. И дорийцы открыли для себя морские пути своих предшественников и продолжили свою экспансию.

Как критяне и финикийцы, греки имели и торговый, и военный флот. Их торговые корабли известны нам по многочисленным изображениям

и остаткам нескольких судов, извлеченным со дна моря. Одно из них было найдено в районе Кирении.

В центре событий и на этот раз (1967 год) оказался американский археолог Майкл Кацев, а первые сведения вновь поступили от ловца губок.

Египтяне путешествовали лишь по Нилу. Их морскую торговлю обеспечивали финикийцы

— Небольшая кучка амфор на глубине тридцати метров. В миле к северу отсюда.

В Кирению, городок на северном побережье Кипра, Кацев прибыл с группой специалистов. Работа началась с установки металлических кольшков вокруг амфор, лежащих на песчаном дне. Таким образом уточнили контуры судна, засыпанного песком. Затем исследователи разбили дно на квадраты с помощью пластмассовых труб и приступили к раскопкам. В их распоряжении имелся десяток отсосов с регулируемой силой всасывания. Один из водолазов разгребал песок руками или ножом и отбрасывал к заборному отверстию отсоса все, что не представляло интереса. Вскоре показался корпус, вернее его нижняя часть. Вокруг сновали равнодушные к происходящему рыбы.

Было найдено 404 амфоры разного происхождения (различия в форме сосудов), двадцать девять каменных жерновов и большое количество миндаля. На судне сохранилась также посуда команды — почерневшие тарелки и кружки, четыре деревянные ложки, сосуды и кувшинчики из-под масла. Со дна подняли множество небольших свинцовых грузил.

— Это грузила от сетей,—сделал заключение Кацев.— Экипаж ловил рыбу для еды.

Ни сетей, ни мешков из-под миндаля не сохранилось. Судно имело длину 17—18 метров. Корпус из сосны был обшит свинцовыми листами, которые крепились медными гвоздями. Поднятое судно, а также деревянные части и миндаля (около 10 000 орехов) обработали полиэтиленгликолем. Радиоуглеродный анализ дал возможность уточнить время сооружения судна — между 433 и 345 годами до нашей эры. В душе Майкл Кацев был сыщиком:

— Надо выяснить, почему судно затонуло. На корпусе не видно следов пожара и нападения пиратов. Нет и следов столкновения с подводной скалой. И вообще весь северный берег Кипра безопасен для плавания. Рыбак из Кирении не согласился с ним.

— Мы совсем не защищены от ветров с гор Тавра в Турции. В конце лета и в начале осени бывают очень сильные бури. И тонет много рыбацких лодок.

Один из археологов обратил внимание на то, что свинцовые кольца, которые в древности использовали в такелаже, были найдены все вместе на корме.

— Парус спустили и уложили на корме. Мачта в гнезде отсутствует. Значит, ее извлекли до кораблекрушения.

Кацев размышлял вслух:

— Мы нашли всего несколько бронзовых монет. А где серебряные и золотые монеты? Странно, ведь капитан судна занимался торговлей и должен был платить команде. Посуду мы нашли, а личные вещи исчезли. Думаю, люди покинули судно во время бури, до того как оно затонуло, и унесли с собой все ценности. Эти люди либо достигли, либо пытались достичь берега.

— Как?

— Вплавь, на обломках рангоута или мачты.

Почему бы и нет? Археологи-детективы в раздумье рассматривали несколько бронзовых монет, найденных на дне. На них различались лица Антигона Одноглазого и Деметрия Полиоркета, двух диадохов¹¹ Александра Великого.

Дно моря не сохранило ни одного греческого военного корабля, но на множестве гончарных изделий уцелели их изображения. Встречаются суда с мачтами и парусами и без них, но на каждом множество весел и таран на носу.

Гребцы на галерах сидели в один или два ряда. К VI веку до нашей эры у греков появились *диеры* (римляне называли их *биремами*)—суда с двумя этажами весел. Чтобы гребцы не мешали друг другу, их рассаживали в шахматном порядке, то есть они сидели не друг над другом. В V—IV веках до нашей эры появились *триеры* (*триремы*) с

тремя рядами гребцов по высоте. Их число на одном судне доходило, судя по афинским текстам, до 170 человек. Заметим, что по некоторым свидетельствам римляне строили даже *квадриремы* и *квинкиремы*, а возможно, и галеры, где рядов гребцов было еще больше.

Хронистам тех времен свойственно некое лирическое безумие в области преувеличений. За один век было написано полсотни научных трудов, посвященных использованию четырех, пяти, шести и семи рядов гребцов, расположенных один над другим. Но ни один текст не содержит ясных и точных указаний относительно конструкции таких судов. К тому же не существует ни одного античного изображения триремы «во весь рост».

Известно, что первая классическая греческая галера называлась *пентеценторой* (50 гребцов на одном уровне), но затем всемогущей королевой Эгейского моря стала трирема — 40 метров в длину, 170 гребцов, сидящих в три этажа. Именно такой афинский флот трирем разгромил в конце сентября 480 года до нашей эры персидский флот Ксеркса во время Саламинской битвы¹².

Но давайте на миг остановимся. Мы видели, как на Средиземном море на заре человеческой цивилизации появились первые суденышки критян, затем финикийцев. Судов становилось все больше, росли их размеры и водоизмещение, происходили изменения как в торговом, так и в военном флоте. Позже к ним присоединились суда народов, образовавших греческую нацию. Морское дело развивалось с невиданной быстротой. Однако мы вдруг замечаем, что среди них отсутствует флот великой цивилизации, которая изобразила на своих памятниках множество судов. Я говорю о Египте. Куда же исчезли его суда?

«Пусти свои корабли по путям, ведущим туда, где произрастают благоуханные деревья. Кадильницы твоих жрецов пусты. Благовонный дым перестал подниматься к богам вместе с молитвами, и боги отвернутся от тебя. Почему ты не жертвуешь мне тех же благовоний, что и твои предки? Иди в страну, где солнце встает по велению могущественной волшебницы Пунта. Там можно наполнить трюмы судов ароматным деревом и прочими благовониями земли». С такими речами бог Амон обратился однажды к царице Хатшепсут, пришедшей на утреннюю молитву в храм Карнак. Царица Хатшепсут, вдова и регентша до совершеннолетия пасынка¹³, до самой смерти с твердостью правила страной, неустанно заботясь о процветании Египта и собственной славе. Барельефы и надписи в храме Дейр-эль-Бахри, который она возвела около Фив, отмечают важнейшие даты ее владычества. Экспедиция, снаряженная в страну Пунт по вежливой подсказке Амона, изображена с такой торжественностью, что многие историки с восхищением говорят о ней, как о величайшем морском путешествии всех времен. Немного хладнокровия, и мы сможем дать его истинную оценку.

Пунт (Эритрея) расположен на западном берегу Красного моря. Взгляните на карту, и вам станет ясно, что путь туда лежит через

пустыню. Именно этим путем и пошли пять тридцативесельных судов царицы Хатшепсут. Они двигались по каналу, который был прорыт в начале второго тысячелетия до нашей эры по приказу фараона Сенусерта I¹⁴ и начинался там, где ныне стоит Каир. Это водный путь длиной 150 километров, шириной от 25 до 30 метров и глубиной 3—4 метра. Канал подходил к северной оконечности большого Горького озера (ныне часть Суэцкого канала).

Корабли экспедиции, снаряженной Хатшепсут, изображены на барельефах Дейр-эль-Бахри. Они похожи на любые египетские суда, ходившие по Нилу. Специалисты называют их «корзины». Они имели малое водоизмещение и могли ходить по неглубокому каналу. Затем экспедиция двинулась вдоль берега Красного моря, каждую ночь вытаскивая суда на песчаное побережье.

Надписи в храме Дейр-эль-Бахри упоминают о подарках, которые по приказу царского двора экспедиция доставила в столицу Пунта: «Хлеб, медовые лепешки, вино, мясо, сушеные фрукты и прочие яства страны Египет». На барельефах изображены ответные подарки Пунта. Мы видим людей, сгибающихся под тяжестью слоновой кости и мирры, а также тюков, содержимое которых перечислено в комментарии: золотой порошок и зеленое золото, шкуры пантер, коричневое дерево, краска для глаз и, конечно, драгоценные благовония. Надписи превозносят выгоды этого обмена. Частью дани были также «люди с детьми», но неизвестно, прибыли ли эти люди по доброй воле.

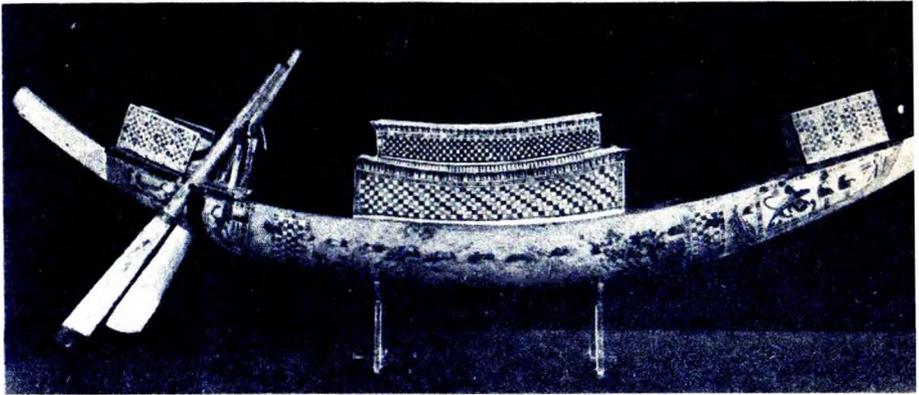
О деталях обратного путешествия говорится мало, но известно, что в головной части канала Сенусерта экспедицию поджидали вьючные животные, что наводит на мысль о невозможности прохода тяжело груженных судов по каналу. В надписях Дейр-эль-Бахри подчеркивается то обстоятельство, что египтяне уже давно не посещали Пунт и что до подвига флота Хатшепсут драгоценные товары доставлялись в Египет караванами. Трудно сказать, пользовались ли тогда в действительности каналом Сенусерта или регентша хотела приписать себе славу первооткрывательницы. Как бы там ни было, стоит привести заключительную часть рассказа.

Мореплавателей встретила в Карнаке ликующая толпа. Царица поздравила их, затем «собственноручно изготовила благоуханную мазь и натерла свое тело привезенными издалека благовониями. И исходящий от нее запах божьей росы долетел до самого Пунта. Кожа ее словно пропиталась золотом, а лицо ее сравнялось блеском с солнцем и осветило великий зал церемоний, и пало сияние от нее на всю землю». Конец цитаты. Столь напыщенный стиль призывает нас к весьма осторожной оценке рассказов античных авторов, а также фресок, рисунков и скульптур, изготовленных по приказу свыше. Известно, что египетские фараоны были начисто лишены самокритичности и при необходимости превращали в победы самые тяжкие поражения.

Полуморская экспедиция в Пунт не относится к Средиземному морю и является единственным документально подтвержденным плаванием египтян по морю, а не по рекам. Разумеется, на египетских росписях и барельефах показаны морские суда, но изображенные здесь морехо-

ды—не египтяне. Так, на фиванском саркофаге, относящемся к XIII династии (примерно 1600 год до нашей эры), изображено несколько морских судов—у них характерная форма и соответствующий такелаж. Судя по одежде и лицам их разгружают грузчики-египтяне. Но на палубе командуют другие люди, корабль принадлежит им. Нет

Царское судно, найденное в гробнице Тутанхамона (XVIII династия, XIV век до нашей эры). Вначале египетские суда строились из папируса, затем египтяне стали использовать для этого дерево

необходимости долго разглядывать их одежды и лица, чтобы убедиться, что на рисунке мы видим финикийцев.

Суда, изображенные на египетской керамике конца четвертого тысячелетия, имеют низкий корпус в виде серпа с двумя кабинами; несколько весел спереди и два—на корме. Рисунки настолько стилизованы, что археологи вначале решили, будто это изгороди или клетки для содержания страусов! На более поздних документах (Древнее царство, 2780—2280 годы до нашей эры) суда изображены с большей четкостью: видно, что они построены из камыша и папируса. Позже вместо этих материалов стали использовать дерево.

Количество рисунков и документов со временем растет. Но они относятся лишь к плаваниям по Нилу. Приводятся многочисленные подробности об экипажах, о рационах и т. п. Помню, что видел в Каирском музее модели нильских судов, найденные в гробнице знатного вельможи Мекет-Ре, погребенного в Фивах в 2000 году до нашей эры. Некоторые из них окрашены в ярко-желтый цвет и превосходно сохранились. На двух из них имеются паруса. Судя по размерам фигурок людей, стоящих на палубе, длина судов доходила до 12—15 метров. В эскорте были более мелкие суда, в частности плавучие кухни, груженные амфорами и мясными тушами. За четыре тысячи лет эти несравненные игрушки, сопровождавшие покойного

в плавании по загробной реке, несколько не утратили своей свежести.

Легко понять, почему древние египтяне не питали особой любви к морю. Нил давал им все, в том числе и рыбу, которую они предпочитали морской. А если люди не занимаются морской рыбной ловлей, у них нет и стремления покорять морскую стихию. Перестав применять для строительства судов папирус, египтяне не смогли добыть взамен достаточного количества дерева, и финикийцы тут же поспешили предложить им свои услуги—суда с экипажами для морских перевозок. В дельте Нила финикийцы устроили склады, а затем построили порты.

Я, конечно, знаю о современном морском подвиге, совершенном, чтобы доказать, что египтяне могли быть мореплавателями. Речь идет о переходе Атлантики на «Ра», папирусном судне, построенном Туром Хейердалом.

В свое время Хейердал посетил египетские гробницы Древнего царства, и его поразило сходство изображений папирусных судов с судами инков той же эпохи.

— Я тут же подумал о связях между двумя цивилизациями. Папирусные суда египтян плавали не только по Нилу. Они выходили в открытое море и пересекли Атлантику. Мне хотелось доказать это.

В 1968 году Хейердал, преодолев множество трудностей, построил в Египте папирусное судно длиной 15 метров и шириной 5 метров, взяв за основу египетские рисунки. В честь бога солнца судно нарекли «Ра». Из Египта судно доставили сначала в Танжер, затем в Сафи, а оттуда 25 мая 1968 года «Ра» ушел в плавание. Двигаясь на запад со средней скоростью 2,5 узла, он прошел по Атлантике 5000 километров, но затем экипажу (семь человек) пришлось покинуть сильно поврежденное бурями судно. Несколько месяцев спустя Тур Хейердал, учтя предыдущий опыт, пустился в путь на новом судне «Ра-II», которое отличалось от своего предшественника некоторыми деталями. Новое судно выдержало все испытания и прибыло в Бриджтаун, столицу Барбадосских островов, преодолев за 57 дней 3270 миль (более 6100 километров).

Сомнений нет—выдающийся морской подвиг. И все-таки вряд ли он может служить серьезным доказательством того, что на заре своей цивилизации египтяне были мореплавателями и плавали по Средиземному морю, а может быть, и дальше. Прежде всего потому, что писцы, художники и скульпторы Древнего Египта, всегда склонные (или обязанные) превозносить успехи и победы своих соотечественников, не оставили ни одного свидетельства о папирусном судне, которое плавало бы не по Нилу, а в других водах. С другой стороны, разве могла бы нация, родина великих мореходов (пересечь Атлантику!), совершенно отказаться от морских путешествий? Скорее всего египтяне не были истинными моряками—и не стали ими, потому что нашли превосходных наемников. Но нас еще ждет знакомство с честолюбивой и одаренной египетской царицей Клеопатрой, которая мечтала о военном флоте и создала его с помощью известного римлянина. Однако и в ее флоте было очень мало египтян.

В Римском государстве полтора миллиона обитателей. Морская гавань Остия выходит на широкую площадь, по другую сторону которой стоит длинное здание, где размещаются кушчи и портовые ремесленники: конопатчики и канатчики, торговцы деревом, скорняки, весовщики зерна, судовладельцы, чьи корабли совершают постоянные рейсы между Остией и заморскими странами. Здесь можно встретить и египетских арматоров¹⁵ из Александрии, и галлов из Нарбонны и Арля, и сардов из Кальери (Сардиния), и африканцев из Бизерты, Карфагена, будущих Сиди-Дауда и Сиди-Рекме—представлено все Средиземноморье, весь известный тогда мир, люди всех оттенков кожи, от белого до темно-коричневого. Они с утра до вечера толкуются в своих комнатушках, стучат на счетах, пишут, беседуют, отдают приказы. А сколько среди них римлян? Не скажем—всего один, но римлян действительно мало.

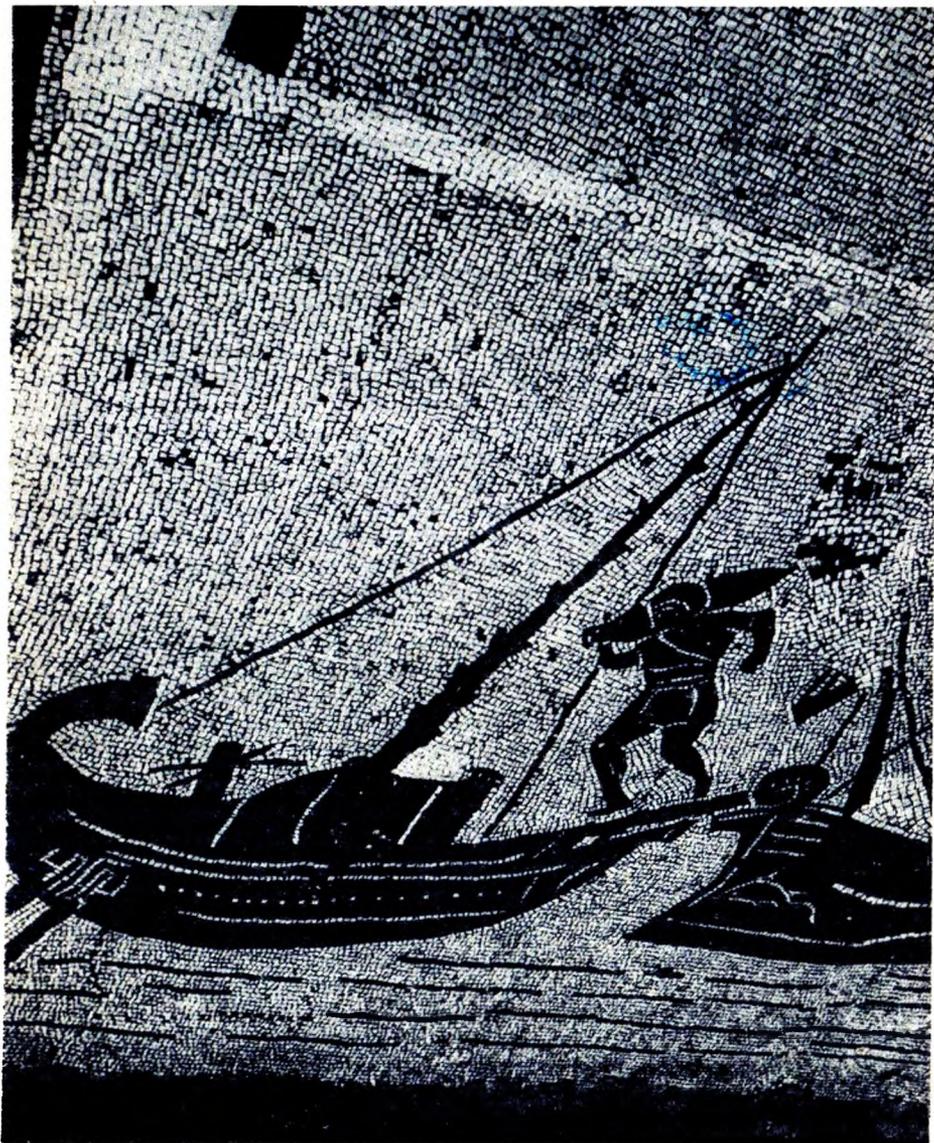
К причалам трех римских портов—Остии, Портуса, Эмпориума—пристают суда с винами, фруктами и овощами из Италии, с винами из Греции, с зерном из Африки и Египта, с испанским маслом, с шерстью, деревом и мясом из Галлии, с далматским и дакским золотом, с мавританской слоновой костью, с греческим и нумидийским мрамором, с арабским порфиром, с балтийским янтарем, с финикийским и сирийским стеклом и с драгоценными товарами из Азии—шелком, самоцветами, пряностями.

Среди грузов почетное место занимает рыба. Пристрастие древних римлян к рыбе превратилось в своего рода манию, не имеющую себе равных в истории. Богачи и граждане среднего достатка знают почти все виды съедобных рыб. Самые богатые предпочитают мурену, барабульку, губана. Поскольку итальянские рыбаки ловили рыбу только вблизи берега, прибрежным водам начинает грозить опустошение. Но предприимчивые римляне находят выход из положения. Они принимаются за строительство рыбных бассейнов, количество и размеры которых остаются непревзойденными до сегодняшнего дня. Одни садки расположены на берегу моря в естественных бухточках, перекрытых плотиной, другие строят специально, украшая их мозаикой; их глубина достигает двух-трех метров, в них проточная вода, а дно соответствует виду рыбы, для которой бассейн предназначен: ил, песок, камни, водоросли.

Рыб кормят хлебом, фигами, сыром и отходами от обработки рыб. Не верьте, если прочтете где-нибудь, что мурен подкармливали человеческим мясом. Любой римлянин знает, что случилось со всадником Асиниусом Поллионом, который однажды давал обед в честь императора Августа. Хозяин приказал бросить в бассейн с муринами неловкого раба, разбившего кубок. Август разгневался. Рабу дали свободу, а виллу Поллиона по распоряжению императора сровняли с землей, и до сих пор римляне показывают иностранным туристам место, где стояла злосчастная вилла.

Знаменитый гурман Лукулл, победитель Митридата¹⁶, велел пробить туннель для подачи свежей морской воды в свои садки неподалеку от Неаполя. Рыбу, которую содержали в общественных и частных бассейнах, либо разводили (доставляя мальков или оплодотворенную

Суда всего известного тогда мира приставали к причалам Остии, одного из трех римских портов. Мозаика изображает погрузку амфор на борт судна

икру с итальянского побережья), либо привозили в живом виде издалека, из разных уголков Средиземноморья в специальных деревянных судах-цистернах со свинцовой обшивкой. Из Галлии рыбу и устриц везли сухопутным путем в повозках с резервуарами, наполненными морской водой. На шестом ярусе монументального здания Центрального рынка Рима были оборудованы громадные садки, часть которых соединялась трубами с акведуками, доставлявшими пресную воду в город. Другие садки наполнялись морской водой, специально привезенной из Остии. Даже сегодня ни в Париже, ни в Риме, ни в Нью-Йорке вы не увидите столь огромных бассейнов с живой рыбой.

Подобная морская деятельность и «рыбная мания» особенно поражают, если добраться до их истоков. Забудем о легендах: о Реме и Ромуле¹⁷, о сабинянках¹⁸, о братьях Горациях и Куриациях¹⁹ — все эти мифы имеют общее индоевропейское происхождение. Уроженцы Лациума²⁰ всегда были пастухами и жили в деревнях. Одна из деревушек называлась Рим. Латиняне возделывали землю и добывали один из наиболее доступных для крестьян даров моря — соль. Земли по обоим берегам Тибра давали хорошие урожаи, и местные жители продавали продукты своего труда крестьянам, живущим в центральных областях, которым не хватало кормов для скота. Деревушка стала постепенно расти.

В III веке до нашей эры власть римлян распространилась уже на весь полуостров, кроме долины реки По, которая находилась в руках галлов, и Генуэзской бухты, принадлежавшей лигурийцам. Но государство по-прежнему остается сельскохозяйственным. Властители Рима — крупные землевладельцы, и уклад жизни остальных граждан Римского государства, в том числе и горожан, преимущественно сельский.

Но вскоре наступает перелом. Начиная с 264 года до нашей эры потомки латинян-крестьян колонизируют Сицилию и вступают в борьбу с могущественным Карфагеном. Так начались и продолжались более века Пунические войны²¹. Может быть, римляне превратились в моряков, чтобы воевать на море? Нет. Они искали и находили наемников, которые на протяжении всей истории Рима занимались снаряжением их флота.

Римляне никогда не были морской нацией, — писал Ла Варанд. — Но Рим наделил флот теми качествами, которые привели его к успеху на суше — методичностью и упорством. Риму флот требовался для проведения захватнической и колониальной политики, и он добился, когда понадобилось, такого же превосходства на море, как и на суше». Разгромив Карфаген, Рим оказался единственным властителем на море и стал управлять Средиземноморьем от западных до восточных его пределов. Это продолжалось до тех пор, пока четыре столетия спустя империя не распалась вначале на две, а потом на четыре части. Грандиозный исторический парадокс: выражение *Mare nostrum* (наше море) принадлежит нации, не имеющей ни собственных морских традиций, ни моряков: команды судов вербовались из иноземцев.

Греки, галлы, иберийцы, нумидийцы, мальтийцы и другие нанимались в римский флот на двадцать — двадцать пять лет. Они шли туда с охотой, поскольку им хорошо платили, а по завершении службы

давали римское гражданство со всеми вытекающими из него привилегиями.

Римский военный флот, созданный для борьбы с Карфагеном (264 год до нашей эры), просуществовал недолго. Кроме Пунических войн он участвовал лишь в битве у мыса Акции, когда флот Октавиана дал бой флоту Антония и Клеопатры (мы еще расскажем об этом сражении). Основным назначением военного флота была борьба с пиратами.

Слово «пират» (по-латыни *pirata*) происходит в свою очередь от греческого *πειρατής*, с корнем *peiran* («пробовать, испытывать»). Смысл этого слова, таким образом, «пытать счастья на море». Этимология слова свидетельствует, насколько зыбкой была с самого начала граница между профессиями мореплавателя и пирата.

Пираты — любители и профессионалы — подстерегают свою жертву у морских путей. Если желанная добыча не кажется слишком сильной, ее берут на abordаж среди бела дня. Но коли судно имеет многочисленный экипаж и, паче чаяния, вооружено, они выслеживают его и ждут темноты, чтобы захватить врасплох на ночной стоянке. Пиратство в известной мере способствовало прогрессу судостроительства, поскольку пиратам нужны были самые быстроходные суда. Они нападали также на прибрежные города и селения, став некоторым образом родоначальниками морских десантов.

Как я уже говорил, первые успехи в подавлении пиратства принадлежат полубогатому царю Крита Миносу, который для борьбы с пиратами основал (а в сущности изобрел: ранее даже не существовало такого понятия) национальный военный флот. Благодаря ему и некоторым его предшественникам средиземноморская торговля на некоторое время стала относительно безопасным занятием. Когда держава Миноса погибла под натиском ахейцев, море снова превратилось в место кровавых схваток и самых невероятных происшествий.

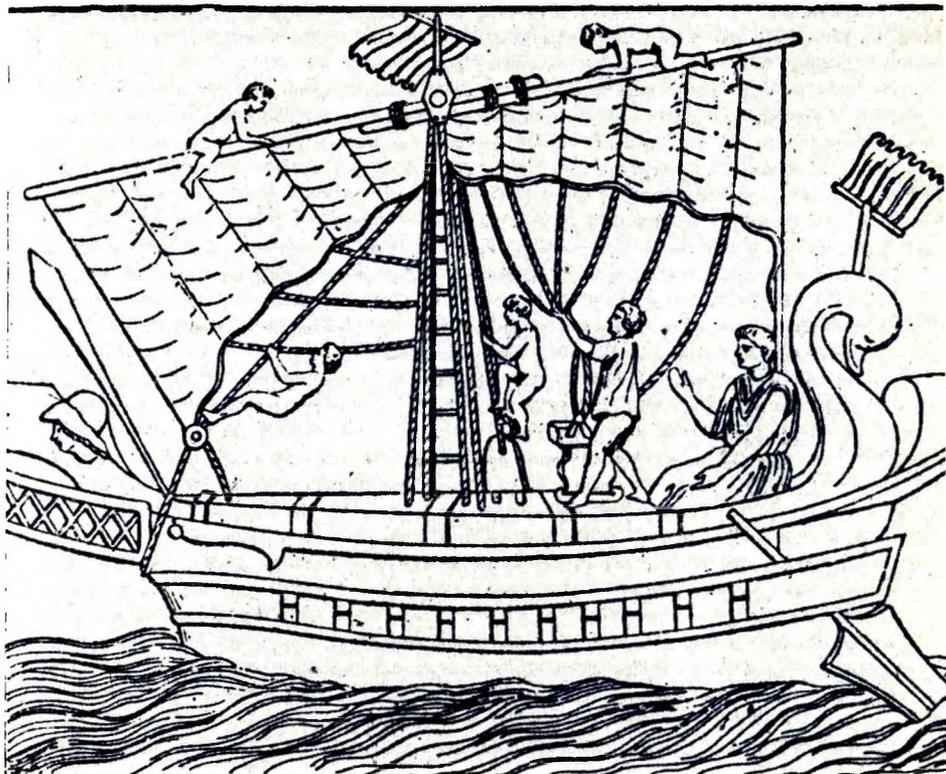
В VI веке до нашей эры самый предприимчивый пират Эгейского моря Поликрат владеет более чем сотней больших и малых судов. Он организует первый в истории морской *рэкет*: греки и финикийцы должны платить ему определенную сумму, чтобы обезопасить свои суда и грузы от нападения и грабежа, а моряков спасти от смерти, которая угрожает им при малейшем сопротивлении. Доход от пиратского предприятия столь велик, что Поликрат строит на острове Самос дворец, одно из чудес света той эпохи. Для его украшения и установки статуй и памятников в городе тиран-пират поступает так же, как намного позже будут поступать папы, короли и князья Ренессанса: он приглашает из разных стран самых известных художников и ученых и осыпает их золотом. Если нужно, он похищает их.

— Хочу, чтобы меня лечил лучший врач — Демокед.

Один из капитанов-пиратов похищает Демокеду из Афин, привозит его на Самос, где врач живет в роскоши, буквально купаясь в золоте. Знаменитый лидийский поэт Анакреон сам является ко двору (иного слова и не подберешь) Поликрата.

Но всему приходит конец. В 515 году до нашей эры морская мощь Поликрата слабеет, и персидский флот подходит к берегам Самоса. Тиран-пират яростно сопротивляется, но попадает в ловушку врага. Наместник Кира в Лидии предлагает Поликрату пакт о ненападении. Привыкший к своей роскошной жизни сатрапа, Поликрат, желая

Подъем реи и установка квадратного паруса на борту римского торгового судна. Обратите внимание на наличие бокового рулевого весла и выблинок (горизонтальных веревочных перемычек, служащих ступеньками) на вантах

сохранить себе рэкет, соглашается приехать на континент для подписания договора. Он схвачен и распят на кресте.

Но пиратская деятельность в Средиземноморье не угасает со смертью Поликрата.

Примерно четыре века спустя, в 78 году до нашей эры, из Афин в направлении Родоса отплыло грузовое судно с пассажирами. Оно проходило мимо островка Фармакус неподалеку от нынешнего побе-

режья Турции. Ветер ослабел, паруса безжизненно повисли, единственным звуком на судне был скрип четырех тяжелых весел в уключинах. Вдруг рулевой (он орудовал двумя рулевыми веслами, укрепленными на корме по каждому борту) позвал капитана и указал на темное, быстро растущее пятно слева по борту. Капитан с минуту вглядывался вдаль и, пожав плечами, сказал: «Там два судна». И действительно, вскоре пятно раздвоилось.

Ветер окончательно стих. Пиратские суденышки росли на глазах. Они шли на веслах без мачт и парусов, но пассажирам казалось, что они буквально летят по воде. На каждом судне ритмично взлетало и опускалось по десять пар весел.

Капитан отдал негромкий приказ. Паруса спустили, а весла уложили по борту. Бегство представлялось бессмысленным. Вскоре дюжина загорелых пиратов с кривыми кинжалами за поясом уже расхаживала по палубе захваченного судна. Каждый пассажир молча протягивал сумму, которую пираты показывали на пальцах. Главара пиратов сопровождал капитан судна, выполнявший по необходимости функции переводчика. Можно было подумать, что производится сбор таможенной пошлины, а капитан получает комиссионные. Но он знал, что сопротивление равносильно смерти, и хотел, чтобы дело закончилось мирно.

На корме — лучшее место на судне — сидел молодой, холеный пассажир в слишком элегантном для морского путешествия одеянии.

Он читал и нарочито, даже как-то презрительно, не обращал внимания на происходящее. Вокруг него толпились почтительные слуги. Подойдя к поглощенному чтением пассажиру, главарь пиратов прокричал хриплым голосом несколько слов. Молодой человек даже не поднял головы. Пираты потянулись за кинжалами, но один из слуг обратился к капитану:

— Имя моего хозяина Гай Юлий Цезарь. Я его врач.

Капитан перевел, и лицо главаря пиратов немного изменилось. Имя Цезаря было ему неизвестно, но то почтение, с которым его произнесли, наводило на мысль о больших деньгах.

— Я хочу назначить за него и его слуг приличную цену,—сказал он капитану.—Сколько они стоят?

Капитан пожал плечами. Любое сотрудничество имеет свои границы. Пират повернулся к своим людям:

— Сколько?

— Не меньше десяти талантов,—сказал один из них.

— Нет,—возразил главарь.—Этот тип презирает нас. Тем хуже для него. Двадцать талантов.

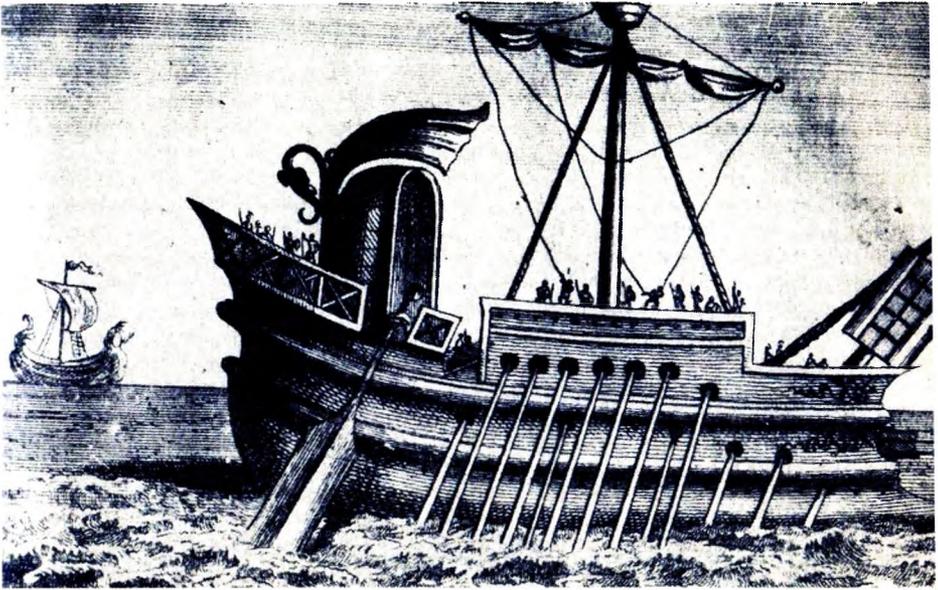
Капитан перевел. Тогда молодой человек соизволил прервать чтение.

— Скажите этому человеку, что он не знает своего ремесла. Я стою не менее пятидесяти талантов.

Не станем терять времени на выяснение соответствия означенной суммы с современным денежным курсом, поскольку мы даже не знаем, шла ли речь о серебряных талантах или о талантах золотых. Как был там ни было, выкуп огромный, и тщеславный Цезарь сам назначил его. Главарь пиратов долго комедию не ломал.

— По рукам. Деньги на борту? Нет? Тогда сюда.
Цезарь с прислугой перешел на борт одного из суденышек, и его доставили на берег. Ему пришлось провести в грязной пиратской деревушке тридцать восемь дней, пока два доверенных лица собирали выкуп, что, как известно, требует времени. Говорят, Цезарь сочинял

Римская галера времен Пунических войн. На носу видна машина, которая применялась при abordage

поэмы и занимался физическими упражнениями, мерялся силами с пиратами в беге и бросании камней. Он повторял им, что вернется и покарает их, распяв на кресте, но его слова вызывали у пиратов приступы хохота. Угрозы не мешали делам, и все произошло по правилам. Узнав, что выкуп находится у некоего милетского адвоката, который готов передать его пиратам, они переправили Цезаря с его слугами по указанному адресу и получили деньги.

Но столь мощное государство, как гордый Рим, не могло терпеть почти узаконенного пиратства. В 67 году до нашей эры сенат назначил Помпея временным диктатором и поручил ему ликвидировать пиратство. В свои тридцать девять лет сей потомок новоиспеченной аристократической семьи уже прославился как полководец, был наместником в Испании и приобрел широкую известность, раздавив в Италии последние остатки армии восставших рабов Спартака. Его морская экспедиция может служить образцом военной операции.

Он получил в свое распоряжение пятнадцать тысяч войска и пятьсот судов (реквизированных во всех римских и иностранных портах). Помпей разделил все Средиземноморье на тринадцать секторов (по-видимому, у римлян имелись более точные карты, чем обычно воспроизводимые карты той эпохи), поручил каждому из своих военачальников очистку одного сектора, а сам возглавил экспедицию на Родос. Он находился в самой гуще событий, там, где происходили основные сражения. Результат этой стратегической операции весьма внушителен: за три месяца захвачено 400 и уничтожено 1300 судов, более 10 000 пиратов погибло, 20 000 попали в плен; сотни пиратских деревень-убежищ римляне сожгли и сровняли с землей. Пиратам, которые сдавались без боя, разрешалось поступать на службу в римский флот или к его союзникам. Остальных приговорили к смерти.

Суда, участвовавшие в этой кампании, были взяты из разных мест и немного различались по форме, но все имели характерные черты галеры: удлиненная форма, таран, вспомогательные паруса, многочисленные гребцы на двух или нескольких уровнях. Основные суда, которые строились по заказу Рима, были триремы, усиленный и утяжеленный вариант греческой триеры.

На многих репродукциях видно, что палуба триремы оборудована abordажным мостиком, чисто римским изобретением. Его опускали на палубу вражеского судна, и пехота — тогдашние «морские пехотинцы» — устремлялась на приступ. Перед мачтой триремы располагалась башня, с которой атакующие бросали тяжелые камни и лили горящую смолу. Римляне использовали также либурны с одним рядом гребцов и биремы — с двумя рядами. Пока еще со дна моря не подняли ни одного боевого римского судна. Не сохранилось даже обломков. Но две галеры, поднятые со дна озера, приобрели широкую известность.

Летом 1928 года в окрестности озера Неми, «жемчужины гор Альбани» (Италия), царило необычайное оживление. Сюда стянули множество тракторов и грузовиков, доставили насосы и громадные трубы, разбили лагерь для сотен рабочих. Силы порядка отгоняли любопытных, желавших узнать подробности предстоящей операции. Итальянское правительство решило поднять со дна озера остатки двух громадных «галер Калигулы», покоившихся там уже более двадцати веков. О них было известно из устных рассказов. Чтобы добраться до галер, нужно было осушить часть озера. Работу возглавили инженеры и археологи разных национальностей. Работы продолжались с конца 1927 по 1931 год.

По мере того как насосы откачивали воду, из нее появлялись как бы два громадных призрака. Наконец из прошлого явились два корпуса. Одна галера имела в длину 71 метр 30 сантиметров и в ширину 18 метров, другое судно было чуть поменьше. Глазам исследователей предстали два самых крупных судна античности. Нырятьщики сообщили первые детали:

Большое судно похоже на военный корабль. На бортах видны

уключины для весел. Тридцать два гребца по каждому борту на одном уровне. Два боковых рулевых весла.

— На втором судне—четыре руля, два спереди и два сзади. Палуба была, по-видимому, сплошной из конца в конец, как на авианосце. Гребцов на нем скорее всего не использовали, поскольку не видно никаких уключин.

Изнутри оба корпуса были обшиты тонкими листами свинца. Надстройки не сохранились либо не существовали совсем. Галеры очистили от грязи, и тогда стали видны признаки утонченной отделки: верхняя часть рулей имела резные украшения, повсюду виднелись остатки мраморных и мозаичных полов. Монеты, найденные в трюмах, позволили установить, что поднятые суда плавали в период между началом царствования Калигулы (37 год до нашей эры) и восшествием на престол Траяна (98 год нашей эры). У археологов сразу возникла куча вопросов.

— Суда не могут быть боевыми, поскольку на озере длиной два километра сражаться не с кем. Какова роль этих галер?

— Быть может, галера побольше буксировала другую, без гребцов, но зачем? Или Калигула устраивал на ней водные празднества? А может, там происходили оргии?

— Галеры украшены изображениями голов волков, львов, леопардов. Может быть, суда имеют отношение к знаменитому храму Дианы, стоявшему на берегу озера? В древности озеро называли зеркалом Дианы. Возможно, на борту этих галер воздавали почести богине?

— И еще. Украшения в очень хорошей сохранности, а общий вид судов свидетельствует о том, что они затонули, будучи в превосходном состоянии, и уход за ними был отличный. Почему? Несчастный случай или преднамеренное затопление?

Более всего смущает тот факт, что ни в одном древнем тексте об этих великолепных, в своем роде исключительных галерах не упоминается. Ничего не говорит о них и Светоний²².

Для сохранения величественных судов построили музей, в нем побывали сотни тысяч посетителей. Потом началась вторая мировая война. В мае 1944 года авиация союзников бомбила район Неми, находившийся в руках немцев. Около музея размещалась зенитная батарея ПВО. В ночь с 31 мая на 1 июня здание было разрушено, и во время пожара обе галеры почти полностью сгорели.

Один из лучших знатоков античных судов — Жан Мейра, служивший во флоте во время второй мировой войны, слышал из уст Гвидо Учелли, итальянского историка и эрудита, другое объяснение случившемуся:

— В мае 1944 года в окрестностях Рима царил хаос, и во всем ощущался недостаток. Люди были вынуждены красть и торговать на черном рынке, чтобы выжить. Большую часть свинцовой обшивки с галер Калигулы сняли, а затем воры подогнали их. Классический прием сокрытия преступления.

В Неми был построен новый корабельный музей. В нем экспонируются репродукции галер Калигулы и кое-какие остатки от двух «призраков» озера Неми. И их происхождение, и их исчезновение окутано тайной...

В 1910 году два джентльмена из совета Лондонского графства наблюдали за работами по строительству Каунти-холла на южном берегу Темзы, около Вестминстерского моста. Уже был вырыт котлован под фундамент глубиной шесть метров. Вдруг один из наблюдавших заметил, что по дну котлована тянется какая-то «темная изогнутая линия». Это оказались остатки небольшого торгового судна длиной 25 и шириной 5—6 метров. Его происхождение стало понятно после того, как внутри корпуса были обнаружены римские монеты, а также обломки гончарных изделий и куски римских кожаных сандалий.

Колониальные завоевания приучили жителей Рима — исключая, разумеется, бедняков и рабов — к роскоши. Об этом свидетельствуют памятники, богатые жилища, одежды и драгоценности, изысканная кухня и «рыбная мания». Отсюда и широкая морская деятельность, и оживление в римских портах, о чем я уже упоминал. Я говорил, что как в торговом, так и в военном флоте римлян служило 80—90 процентов иностранцев, которые к тому же строили и большую часть судов. К таким судам принадлежало и римское судно, найденное на берегу Темзы. Исследования показали, что дерево, из которого его построили, происходило из Южной Галлии.

Были найдены остатки и других римских судов, затонувших в Средиземном море: вблизи острова Китира (Греция), Махдии (Тунис), Спакки (Сардиния), Альбенги (Италия), у южного побережья Франции — у острова Левант, у мыса Драмон... Познакомиться с обликом такого судна можно по множеству изображений и описаний. Широкий округлый корпус, с высокими бортами, прочность и хорошая маневренность; мачта, несущая прямоугольный или трапециевидный парус, над которым иногда ставили парус поменьше, нечто вроде марселя. Из-за своей корзинообразной формы судно получило название *корбиты*, откуда в свою очередь произошло слово «корвет». Многие суда были куда крупнее тех, что были найдены в Лондоне или на Средиземном море. Известны размеры торгового судна, обслуживавшего линию Египта (перевозка зерна, государственная монополия): 55 метров в длину, 19,5 метра в ширину, глубина трюма — 13 метров.

В один прекрасный осенний день 60 года нашей эры подобная корбита отплыла из Цезарии (в честь Цезаря назвали несколько городов) на палестинском побережье. На ней в Рим отправили под конвоем пятьдесят преступников. Охраной командовал центурион. У корбиты не было палубы, и преступники сидели по всему судну от носа до кормы, мешая работе команды. Их бранили и били и моряки и солдаты. У некоторых из преступников были связаны руки — их проступок носил более серьезный характер. Все они были римлянами по рождению и жили в колониях и протекторатах, за исключением одного еврея родом из Тарсы в Силиции (ныне Тарсус в Турции), семья которого получила римское гражданство. И в этом качестве он потребовал суда кесаря, то есть решил предстать перед римскими судьями. Это было его право.

Корбита направлялась вдоль берега на север. У нее была единственная мачта с трапециевидным парусом, который держался на шпринтове

(изогнутой рее). Арестанты знали, что они зайдут в Миру, где предстоит пересадка на более крупное судно. Мира расположена в 600 километрах к северу от палестинской Цезарии, на побережье (ныне турецком), недалеко от мыса Гелидонья (именно там было найдено впоследствии судно бродячего кузнеца, затонувшее за 2000 лет до нашей эры). Пузатая груженная корбита двигалась медленно — четыре с половиной узла, а ночью становилась на стоянку. Греческий кормчий знал все порты, где можно было пристать, хотя иногда приходилось останавливаться просто у песчаного берега. А утром арестованные, впрягшись в веревки, стаскивали судно на глубокую воду, и римские солдаты следили, чтобы никто не ленился. Отдых на голой земле в те времена никого не страшил. Арестанты усаживались перед сном в кружок, чтобы послушать еврея из Тарсы, прекрасного рассказчика и многоопытного путешественника, который всегда находил внимательных слушателей. Не раз возвращался он к истории некоего галилеянина, проповедовавшего новую религию и распятого римлянами на кресте по доносу своих соотечественников. Он был не только пророком, утверждал еврей из Тарсы, он приходился сыном богу, и его учение должно завоевать всю землю. Горячая убежденность рассказчика держала слушателей в постоянном напряжении.

По сравнению с корбитой судно, ожидавшее в Мире, выглядело настоящей громадиной. Это было *понтю* длиной более 60 метров. Таких кораблей было много, и они были окрашены в разные цвета — зеленый, желтый, фиолетовый и пурпурный. Каждый арматор пользовался своим цветом. Понтю, на которое пересаживали арестованных, имело две мачты, удерживаемых растяжками, и довольно современный такелаж с фалами, топенантами и брасами для управления парусами. Белые паруса по краям обшивались тюленьей кожей. Эта кожа, а также шкура гиены, как верили тогда, предохраняла от молний.

Судно готовилось к отплытию с 274 людьми на борту, считая и арестованных из Цезарии. Места тут было чуть больше, чем на корбите. Каждому полагалось пространство 1,5 на 0,5 метра. Этого едва хватало, чтобы улечься для сна. Капитан жил на корме в каютке из плетеной лозы. Каждый брал с собой запас пищи; вода, хранившаяся в амфорах, выдавалась во время плавания. Те, кто хотел умыться или постирать одежду, могли черпать морскую воду в неограниченном количестве.

Кроме пассажиров на судно, по-видимому, погрузили довольно ценные товары, поскольку в последний момент арматор решил сам сопровождать его. На клотике укрепили флаг (повешенный вроде хоругви) и подняли паруса.

О первой части путешествия почти нечего сказать. Понтю, как и корбита, шло вдоль побережья Малой Азии, но без ночных стоянок. Ночью зажигали фонарь. Многие пассажиры не спали, ибо страдали морской болезнью или боялись темноты в море. Они всматривались в ночь, но видели лишь белые барашки на темных волнах.

Через несколько дней понтю добралось до Крита — не столько по воле греческого кормчего, сколько по воле ветров. Но кормчий все же

привел судно в порт на южном побережье, быть может, в Маталу в заливе Месара. Пассажиры сошли на берег, чтобы передохнуть, умыться, подкрепиться и запастись провиантом. Прошло два дня. По синему морю по-прежнему неслись пенящиеся волны, и никому не хотелось снова пускаться в плавание. Спросили мнение еврея из Тарсы. К его словам прислушивались, хотя он и находился среди преступников.

— Наступил октябрь. Думаю, надо зимовать здесь. Море будет беспокойным до самой весны.

С его мнением следовало согласиться, поскольку он явно не был трусом. Пассажиры попросили его побеседовать с капитаном.

— Перезимовать можно,— ответил моряк,— но арматор против. Идите к нему.

Арматор решительно заявил:

— Нет. Часть груза испортится, и я слишком много потеряю. Отплываем.

Я не могу ручаться за точность слов, но смысл их был именно таков. И судно вышло в море, воспользовавшись затишьем. Но затишье продолжалось недолго. Началась буря. И не стихала целые две недели—редкое явление в Средиземном море.

Понто было судном крепким, толщина его бортов, усиленных ширстрекком²³, доходила до восьми сантиметров, все щели корпуса были тщательно законопачены. Начало настоящей бури всегда пугает пассажиров, впервые столкнувшихся с разгневанной стихией. Им кажется, что первая же волна поглотит судно, но оно, будучи превосходным поплавком, опускается и поднимается, избегая мощных ударов волн. В самом начале шторма паруса взяли на гитовы или убрали их, оставив для управления лишь парус на сильно наклоненной передней мачте.

Понто держалось бы на воде лучше, будь оно менее нагружено. Судно черпало воду. Экипаж и арстанты выстроились цепью, чтобы с помощью деревянных ведер и прочих сосудов вычерпывать воду из трюма. Ночью кормчий старался ставить судно по волне с помощью двух широких боковых рулей, а остальные сидели, вцепившись в малейшие выступы, и молились своему или своим богам. А утром снова принимались вычерпывать воду.

Часть груза испортилась от морской воды, и арматор велел выкинуть в море потерявшие ценность товары. Затем пришлось спилить и выбросить большую часть такелажа.

На палубе корабля, больше походившего на понтон, среди водяной пыли металась крепкая фигура еврея из Тарсы. Он помогал матросам, а иногда и руководил ими, и голос его перекрывал мрачные завывания ветра. Он не лгал, когда говорил, что хорошо знает море.

Удачный маневр во время шторма свидетельствует о мужестве и умении экипажа. Чтобы корпус не разошелся от сильных ударов, под киль пропустили тросы и стянули их на палубе.

Четырнадцать дней и ночей в бушующем море. На заре пятнадцатого дня, хотя волнение продолжалось, ветер постепенно начал стихать. И вот на горизонте появилась земля—какой-то остров.

Еврей из Тарсы рассказывал позднее, что взял в этот момент командование на себя. Возможно. Но совершенно точно известно, что он помогал кормчему. Нельзя было проплыть мимо, остров означал убежище, возможность отремонтировать судно. Когда они подплыли ближе, греческий кормчий воскликнул:

— Мальта!

Быть может, сохранился небольшой передний парус, а может, изготовили парус из подручных материалов, но судно, стало послушным. Его выбросило на узкую полосу берега и разбило. Но экипаж и 274 пассажира остались живы.

Мальта оказалась надежным убежищем. Потерпевшие кораблекрушение провели там всю зиму. Весной 61 года судно, ходившее от Рима до Александрии, забрало всех и через несколько дней высадило в Пощуоли, к северу от Неаполя. Начальник римского гарнизона наградил центуриона, который доставил по назначению всех преступников, не потеряв по дороге ни одного из них. Центурион доложил о том, сколько пользы принес во время путешествия еврей из Тарсы.

— За что тебя арестовали?—спросил начальник гарнизона.

— Соотечественники обвинили меня в том, что я ввел язычников в храм Иерусалима. Мое имя Павел²⁴.

До Рима оставалось пройти пешком около двухсот километров. Так, согласно легенде, в колонне преступников шел апостол Павел навстречу своему страшному концу.

II

Носик Клеопатры

Римский военачальник, словно у себя дома, рассказывал по царскому дворцу в Александрии. Величественное здание поражало своим богатым убранством и роскошью. Царь Птолемей XIII вернулся во дворец лишь благодаря римским легионам. Они привезли его в своем обозе после подавления мятежа. Римляне были хозяевами, властителями мира, а следовательно, и Египта. Шел 55 год до нашей эры.

Римский полководец желал видеть младшую дочь царя, которая к мятежу отношения не имела, а его желание было равносильно закону.

Он вошел в небольшую комнатку, отделанную золотом. Девушка сидела в окружении нескольких мужчин и женщин. Она внимательно слушала мужчину, читавшего вслух папирус на древнеегипетском языке. Девушка изучала историю своей страны, вернее страны, ставшей родиной ее семьи. В 332 году до нашей эры македонец Александр Великий основал на месте рыбацкого поселка город, названный его именем. Когда он умер, его преемники разделили между собой огромную империю, и Египет достался знатному македонцу Птолемию¹. В александрийском дворце говорили лишь по-гречески.

Все встали, кроме нее. Она выдержала пристальный взгляд римлянина. Он был молод (около тридцати лет), приземист, но очень красив. Его лоб казался низковатым из-за ниспадающих кудрей. Римлянин разглядывал девушку с нескрываемым восхищением. Он приветствовал ее по-латыни, она грациозно встала и ответила на том же языке. О чем они говорили дальше, неизвестно, но офицеры из его свиты утверждали, что он с энтузиазмом и не стесняясь в выражениях воздал в военных терминах хвалу приятным округлостям ее тела. Он также высказался о ее глазах, об отливающих синью волосах, о красивой линии ее носика. Он хотел увидеться с ней еще раз, но Клеопатре едва исполнилось четырнадцать лет, и ее евнух-воспитатель Аполлодор постарался предотвратить новую встречу. Вскоре военачальник отплыл в Рим. Его звали Марк Антоний.

«Будь носик Клеопатры чуть короче, лицо мира могло бы выглядеть иначе» — этими словами Паскаль хотел сказать, что судьбы людей, а

иногда и целых наций зависят часто от несущественных причин. И действительно, в какой-то период истории власть над Средиземным морем, то есть над всем известным в ту эпоху миром, зависела не от географических, политических и экономических причин, а от любви Антония и Клеопатры.

Шесть цариц Египта носили имя Клеопатра, но слава последней затмила их. Она проявляла исключительные способности с раннего детства: с легкостью изучила несколько языков, расспрашивала путешественников и ученых о событиях в мире и все запоминала. Ее отец, Птолемей XIII, человек посредственных способностей, носил прозвище Флейтист, хотя ему больше подошло бы прозвище Пьяница. О ее матери (второй жене Птолемея) известно только, что она умерла молодой. У Клеопатры были сестра, два брата и две сводные сестры.

Когда мы говорим: «Средиземное море», мы вспоминаем о синем цвете. А Клеопатра, как и прочие жители Александрии, говорила: «Великое Зеленое море». Зеленое или синее? За исключением розового (*rose*), мы не можем быть полностью уверенными в точности названия того или иного цвета в древних языках. Глядя на это море, омывающее ступени дворца, Клеопатра мечтала о далеких странах, о которых рассказывали путешественники. Мятеж, поднятый одной из ее сводных сестер и тут же подавленный римлянами, совершенно не затронул ее образа жизни. Но после смерти отца, лишившего права наследования вторую дочь от первого брака (первую дочь, мятежницу, римляне казнили), она перестала слушать рассказы и мечтать, глядя на море.

В восемнадцать лет Клеопатра стала Клеопатрой VII, царицей невероятно богатой страны, бывшей тогда житницей Южной Европы. По египетским обычаям, ее младший брат одновременно стал царем Египта под именем Птолемея XIV. Египетские обычаи, кроме того, требовали брака новой царицы с новым царем, ее братом (цель — сохранение чистоты царской крови).

Но Птолемею XIV исполнилось лишь десять лет, и брак остался незавершенным. Трое придворных, советников юного царя, решили убрать царицу, чтобы править страной вместо своего воспитанника.

Но стены дворцов имели уши задолго до изобретения микрофонов. Верный Аполлодор проведал обо всем и вместе с Клеопатрой скрылся в надежном убежище. В Сирии. Оказавшись в безопасности, молодая царица принимает решение:

— Соберем армию, вернемся в Египет и сметем заговорщиков.

В кратком рассказе нельзя передать всех подробностей, и, конечно, первую армию Клеопатра собрала не за неделю. Молодая царица скиталась по убогим дворцам мелких вассалов, ночевала в палатках, вела долгие переговоры, а Аполлодор умело раздавал «подъемные» — вывезенные из Египта золото и драгоценные камни.

Эта деятельность по набору армии не могла долго оставаться тайной.

Выслушав шпионов, советники Птолемея XIV решили:

— Эмигрировав и собрав наемников, царица поставила себя вне закона. Ей придется иметь дело с египетской армией. С юридической точки зрения наше дело правое.

Шел 48 год до нашей эры. Обе армии двигались к Пелузиуму,

восточному порту Египта в дельте Нила, где, как все думали, состоится битва. Но случилось непредвиденное: из Греции прибыло судно с посланцем Помпея. В Александрии уже знали, что знаменитый Помпей, бывший диктатор Рима, потерпел поражение под Фарсалай (Фарсара) в Фессалии от своего соотечественника и бывшего тестя Юлия Цезаря, стремившегося взять власть в свои руки.

— Мы не знаем, как это событие отразится на Египте,— сказали советники Птолемея XIV своему подопечному.

Но послание, которое принес гонец Помпея, не позволяло занимать выжидательную позицию. Победенный полководец просил убежища у царя Египта: «Ваш отец был моим другом. Уверен, что он не отказал бы мне».

Птолемею XIV уже исполнилось четырнадцать лет. Его советники сочли, что сложилась неблагоприятная ситуация: если Египет предоставит убежище Помпею, неизвестно, какой окажется реакция Юлия Цезаря. Что он за человек? О нем шла слава умелого полководца. И заполучить Цезаря во враги было неосмотрительно. Посланца заставили ждать.

А в Сирии Аполлодор получил донесения от своих шпионов из Александрии. Целых две недели не поступало никаких новостей, и вдруг новость из новостей! В разговоре с царицей Аполлодор не скрывал своего возбуждения.

— В Александрию прибыл Помпей. А затем Цезарь, чтобы арестовать его. Его гневу не было границ, когда он узнал, что ваш брат велел убить Помпея. Цезарь занял царский дворец, и четыре тысячи его солдат размещены в городе.

Клеопатра спокойно выслушала его, подумала и сказала своему наставнику:

— Юлий Цезарь может преследовать две цели. Аннексировать Египет или сохранить римский протекторат. В последнем случае ему нужна крепкая царская власть, покорная воле Рима. Мой брат, как и его советники, не может вести переговоров с Цезарем, спорить с ним. Будущее Египта в моих руках. Я возвращаюсь в Александрию.

Аполлодор. Легко сказать! Армия вашего братца по-прежнему стоит перед нами. Как поступит Цезарь, если мы нападём на нее? Быть может, он окажет нашим врагам помощь своими легионами, с радостью забывшись от нас? Ведь он знает, что вы не столь податливы, как ваш брат! Следует подумать.

Клеопатра. Я обдумала все. Я встречу с Цезарем. И отправлюсь в Александрию без армии и эскорта.

Аполлодор. Вы рискуете жизнью. Войска вашего брата перекрыли все пути между Пелузиумом и Александрией.

Клеопатра. Я отправлюсь морем.

Конечно, этот диалог нигде не записан. Но суть его изложена античными историками, в частности Плутархом. Я перевел его на современный язык, чтобы сделать более понятным. Выбор морского пути был простым, но удачным решением, интуитивно найденным выходом. Быть может, Клеопатра, рожденная под знаком воды, чувствовала инстинктивную привязанность к морю. Инстинкт такого

рода может помочь, но может и привести к гибели.

Клеопатра отправилась морем. Многие века драматурги и поэты с восхищением воспевали выбранный ею способ проникнуть к Цезарю. Проконсул занимает царский дворец в Александрии, выслушивает доклады, отдает приказания. К вечеру, когда он почти заканчивает текущие дела, офицер стражи докладывает ему, что наставник Клеопатры Аполлодор явился во дворец.

— Он принес подарок фарсальскому победителю от своей госпожи. И желает вручить его в собственные руки.

— Введите его.

В комнату входит евнух с ковром на плече. Цезарь с любопытством глядит, как раб опускает ковер на пол и расстилает его. Внутри спрятана невысокая женщина, вернее, молодая девушка. Она вскакивает на ноги, разглаживает одежду, встряхивает головой, чтобы привести в порядок растрепанные волосы. Затем принимает величественную позу, гордо вздергивает носик и с улыбкой заявляет Цезарю:

— Я — царица Египта.

В этих событиях, как, впрочем, в любых событиях, где замешаны известные деятели, не обошлось без шпионов и недоверия. Так ли уж был удивлен Цезарь? Быть может, его предупредили. Ведь из ковра мог выпрыгнуть ловкий человек с кинжалом в руке. Трудно сказать, знал ли он заранее об уловке или нет, но хитрость пришлось ему по вкусу. Плутарх утверждает, что «такое доказательство ума и мужества Клеопатры покорило его». Аполлодор удалился, а Цезарь отослал охрану.

Очаровательной Клеопатре едва исполнилось восемнадцать лет. Увенчанному славой Цезарю — пятьдесят три. Атлетически сложенный римлянин был лыс, но весьма опытен в любовных делах.

Эта связь, как и предполагала Клеопатра, имела далеко идущие политические последствия. Прежде всего Цезарь вернул юной царице трон. Птолемей XIV, которому его советники подсказали мысль организовать нечто вроде сопротивления, вовремя утонул, наверное не без помощи «благожелательной» руки. Народу сообщили, что царица вступит в брак со своим одиннадцатилетним братом, который был объявлен царем под именем Птолемея XV. Этим Цезарь хотел показать, что не собирается превращать Египет в римскую колонию. А фиктивный брак его любовным утехам не мешал.

О своем разводе (он состоял в третьем браке) Цезарь даже не заговаривал. Клеопатра предложила совершить нечто вроде свадебного путешествия по Нилу. Тысячелетиями крупнейшие праздники и церемонии происходили на реке-кормилице. Плавание Цезарю запомнилось. Он едва скрыл удивление, увидев, сколь богато украшена царская ладья. Римские пиры показались ему убогим сельским обжорством по сравнению с пышностью и тонкостью кулинарного искусства на борту судна. Когда корабль приставал к берегу, Клеопатра являлась простершемуся у ее ног народу закутанной в прозрачные покрывала богини Изиды, а затем в объятиях возлюбленного превращалась в обычную счастливую смертную. В Гизе, Луксо-

ре, Карнаке, Фивах покоренный покоритель видел пирамиды, храмы, гигантские памятники. Задолго до этого путешествия в Гадесе (ныне Кадис)² перед статуей Александра Великого Цезарь (по свидетельству Светония) сказал: «Я не совершил ничего памятного в возрасте, когда этот человек завоевал всю землю». С тех пор Цезарь покорил Галлию, Испанию, Британию, но, посетив могилу великого македонца в Александрии, он невольно сравнил свою судьбу и свои завоевания с судьбой и завоеваниями Александра. А сейчас увидел свидетельства славы более чем трехтысячелетней давности...

Клеопатра разжигала в своем возлюбленном стремление к величию и мало-помалу обрисовывала контуры своей мечты: мировая империя из объединенных Запада и Востока. Власть над западной частью она оставляла Цезарю, а над Востоком — себе.

Но влюбленному Цезарю, опьяненному тщеславными замыслами, пришлось неожиданно покинуть Египет. Не станем заново переписывать историю Рима, скажем только, что мятеж Фарнака, сына Митридата, угрожал римским интересам в малоазиатском государстве Понт, расположенном на берегу Понта Эвксинского (Черное море). Цезарь разбил Фарнака в первой же битве. А затем разгромил Сципиона и Юбу, которые пытались собрать в Африке армию из сторонников покойного Помпея.

Вернувшись в Рим, Цезарь стал праздновать свои триумфы. За его долгое отсутствие их накопилось столько, что за один месяц состоялось целых четыре праздника в честь побед в Галлии, Александрии, Понте и Африке. Эти разработанные до малейших деталей пышные народные церемонии описывались не раз. Во время триумфа, посвященного сверхбыстрой победе над Фарнаком, при Понте, перед Цезарем несли полотнище, на котором значились три слова: «Пришел, увидел, победил», ставшие впоследствии знаменитыми.

Клеопатра издала следила за блестящей карьерой своего возлюбленного. «Когда же состоится брак?» Наконец, в Александрийский дворец пришло официальное приглашение: римский диктатор просил «нильских государей» прибыть в Рим, чтобы столица мира могла торжественно пожаловать им заветный титул «друзей и союзников римского народа».

Клеопатра вместе со своим братом-супругом высадилась в Остии в ноябре 46 года. В Риме еще не были возведены самые красивые памятники, но все путешественники Запада говорили о великолепии и оживленности столицы. В глазах Клеопатры она выглядела маленьким, грязным и шумным городком. Главным было встретиться с возлюбленным.

Ее свита выразила недовольство тем, что царицу Египта разместили в предместье, в скромной вилле на правом берегу Тибра. Клеопатра сочла бы свою резиденцию великолепной, находишься в ней Цезарь, но тот жил с законной женой у себя во дворце рядом с Форумом. Вскоре Клеопатра узнала, что диктатор готовит новую экспедицию в Испанию, где поднял мятеж сын Помпея. И даже назначил дату отъезда — через месяц, в декабре.

— Любит ли он еще меня?

Неизвестность мучила Клеопатру все шесть месяцев, пока длилась испанская кампания. По возвращении Цезаря она узнала, что любовь к ней прошла. Слухи о жизни сильных мира сего распространялись в те времена с той же быстротой, что и сейчас: «Один из союзников Рима в борьбе с Помпеем-младшим, царь Западной Мавритании, допустил оплошность, представив Цезарю свою молодую прекрасную супругу гречанку Эное. Цезарь обезумел от любви — ее имя не сходит с его уст».

Два обстоятельства умеряли ревность Клеопатры. Прежде всего ее бывший возлюбленный сильно изменился. Его лицо осунулось и пожелтело. Второе обстоятельство было более существенным. За эти полгода она тоже не оставалась верной. Ее навещил один из соратников Цезаря, попавший в немилость и отстраненный от командования войсками.

— Я до сих пор вспоминаю о нашей первой встрече во дворце твоего отца, в Александрии. Тебе исполнилось только четырнадцать лет. Уже тогда ты была прекрасна.

Марк Антоний. Он часто являлся к ней и с каждым разом становился все настойчивее. Клеопатра не давала клятв хранить верность. Но с возвращением Цезаря положение ее стало двусмысленным и неопределенным. Какое решение примет диктатор по отношению к ней? Поговаривали, что Цезарь собирается провозгласить себя монархом, но существовала сильная оппозиция. Политический климат в Риме оставался неясным. Советники Клеопатры торопили ее: «Следует вернуться в Египет». Царица колебалась. С одной стороны, она чувствовала себя в Риме заложницей. С другой стороны, ее судьба могла резко измениться: если Цезарь станет монархом, быть может, он пожелает сделать ее царицей Востока?

Жизнь решила за нее. 15 марта 44 года на улицах послышались шум, суета, крики возбужденных людей. Цезарь убит. Клеопатре показалось, что над ее головой взметнулись кинжалы убийц.

— Уезжаем. И как можно скорее.

В Александрии, вскоре после возвращения из Рима, у Клеопатры родился сын — Птолемей Цезарь. Цезарион для потомства. Историки спорят до сих пор: чей он сын — Цезаря или Марка Антония? Или третьего, неизвестного, лица? (У этой гипотезы есть свои сторонники.) Жером Каркопино³ внимательно изучил римские документы, в частности переписку Цицерона (современника Клеопатры), и пришел к выводу, что роды произошли в апреле 44 года, примерно через месяц после гибели Цезаря. Таким образом, проблема отцовства остается нерешенной. Как бы там ни было, «предполагаемый сын Цезаря» будет знаменем оппозиции, выступившей против Октавиана, приемного сына Цезаря (по завещанию). Позже Октавиан примет титул Августа.

И снова возьмем из римской истории только интересующие нас эпизоды. Один из триумвиров, Октавиан, получивший власть после смерти Цезаря, правит Римом, а следовательно, и Западом. Второй,

Марк Антоний, управляет римскими владениями на Востоке (богатства, пиры, женщины). Вскоре он прибывает со своим штабом в город Тарса (ныне Тарсус, Турция), стоящий на берегу реки Сиднос (ныне Сейхан). Из Рима в Тарсу Марку Антонию летят официальные и неофициальные доклады. В некоторых из них упоминается о Клеопатре:

— Царица Египта поддержала деньгами и солдатами скрывающихся в Македонии убийц Цезаря, где они ведут борьбу с легионами триумвиров.

Маловероятно! Тем более что Брута и Кассия уже не было в живых. В других посланиях утверждалось, что Клеопатра отравила своего брата-супруга, чтобы посадить на трон Цезариона. Марк Антоний пожимает плечами:

— Семейные дела!

Однако даже среди грубых развлечений во время инспекторской поездки его продолжало терзать воспоминание о бывшей возлюбленной — прекрасной, утонченной и образованной царице, рядом с которой он ощущал себя увальнем. Он решил, что, призвав Клеопатру и потребовав от нее объяснений, он тем самым поставит ее в зависимость от себя. И эта мысль, хотя и лишенная благородства, разжигала его страсть. Он отправил в Египет эмиссара с приказом доставить к нему Клеопатру.

Клеопатра явилась. На изукрашенном золотом судне с высокой кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами. Рабы гребли под звуки флейт, лир и свирелей. Чтобы заглушить запах пота гребцов, на палубе судна в тысяче кадилниц дымилась благовония. На палубе среди морских волков расхаживали очаровательные полуобнаженные женщины. Короче говоря, явление в духе супербоевиков Голливуда. Римские солдаты и офицеры с изумлением взирают на эту феерию.

Марк Антоний поражен и раздосадован — Клеопатра отнюдь не выглядела зависимой от него! — но, решив продолжить игру, посылает на судно своего адъютанта и приглашает царицу на ужин. Посланец возвращается с контрпредложением — царица предпочитает видеть триумвира со свитой у себя на судне. Марк Антоний колеблется, потом соглашается.

Галера Клеопатры освещена множеством факелов. Приглашенные входят в залу, пол которой устилает толстый ковер розовых лепестков. Золотая посуда инкрустирована драгоценными камнями. Стены обтянуты вышитым шелком, играет оркестр, изысканная еда. И лучшее украшение праздника — сама царица. Она расцвела после родов. Клеопатра элегантна, надушена. Драгоценностей на ней не меньше, чем на любой римской выскочке, но с каким вкусом они подобраны! И по-прежнему она умело ведет беседу на многих языках. Сама мысль потребовать каких-либо объяснений у такой женщины выглядит просто смешной.

Марк Антоний приглашает царицу к себе на следующий день. Но все ухищрения его домоправителей оказались тщетными — римский обед оказался грубой карикатурой на вчерашний пир. Клеопатра притворилась довольной и находчиво отвечала на грубоватые шутки военных, а

ее кокетливые взгляды и улыбка разили наповал—Марк Антоний влюбился, как в свое время Цезарь. На следующий день Марк Антоний возвращается на волшебную галерею и остается там на ночь. Клеопатра любила Цезаря со страстью, но он не оправдал ее надежд. Неизвестно, по каким причинам египетская царица решила покорить Антония: может быть, она хотела совершить месть *post mortem** или в ее сердце разгорелась новая страсть, а может, она стремилась обеспечить себе могущественного защитника или еще не перестала мечтать о двойной короне Запада и Востока, которую мог разделить с ней лишь Марк Антоний? Во всяком случае, она вскружила голову Антонию, пустив в ход все свои женские чары и знание психологии. Успех был ошеломляющий. Современники даже говорят о колдовских настоях и напитках. Триумvir запутался в любовных сетях. Но не окончательно.

Из всех легенд, относящихся к тарсийской идиллии, расскажем лишь одну, не столь уж невероятную на первый взгляд.

Клеопатра заключила с Антонием пари, что сможет истратить на один ужин вдвоем сумму, равную примерно трем миллионам франков. Арбитром выбрали римлянина Планктуса. Ужин, столь же пышный, как и обычно, подходил к концу. Планктус вел счет, который далеко не доходил до оговоренной суммы. Антоний торжествовал, но тут царица велела принести кубок с уксусом и бросила туда серьгу—громадную жемчужину,—а затем отпила глоток жидкости, в которой она растворилась. Арбитр тут же признал ее победительницей, помешав ей вынуть вторую жемчужину из уха.

Марку Антонию было над чем поразмыслить—и о богатстве Египта, и о хитростях ее правительницы. Несравненная Клеопатра могла стать неоценимым политическим союзником.

«Любит ли он меня?» Клеопатре не хотелось испытывать колебаний в отношении Антония и опять оказаться в невыгодном положении, в которое ее в свое время поставил Цезарь. Она вдруг отбывает в Египет. «Если он меня любит, то следует за мной». Столь высокопоставленная персона, как Антоний—почти мировая величина того времени,—не мог тут же бросить дела ради юбки. Он выждал несколько месяцев, а затем отправился в Александрию.

Здесь имеет место исторически подтвержденный эпизод—«сладкая жизнь» на древний манер. Идет 43 год до нашей эры. Александрия с ее портом, банками, памятниками, библиотекой во многом превосходит Рим. Это торговый и культурный центр мира. Клеопатра и ее возлюбленный—боги, власти и богатству которых нет границ. Их окружает двор льстецов, пытающихся предугадать их малейшие желания.

—Давай выберем себе,—сказала Клеопатра Антонию,—нескольких друзей, чьи поступки не сможет повторить никто в мире.

Их называли Неподражаемыми, и история сохранила это имя. Каждый вечер дюжина привилегированных фаворитов и фавориток участвует в развлечениях Клеопатры и Антония. Каждый вечер им подают восемь

* *Post mortem* (лат.)—посмертно.

кабанов, сотни морских ежей, дюжины каплунов, лангустов, уток, зайцев, севрюг, спаржу, фрукты, медовое печенье. Слухи об этом гастрономическом безумии доходят до Рима и вдохновляют кулинарув империи во время изысканнейших пиров. Рекой льются лучшие египетские и заморские вина. Между переменами блюд—песни, музыка, мимы, известнейшие лицедеи—все это только для кучки избранных. И часто пиры завершаются эпизодами «сладкой жизни» а-ля Феллини—их участники переодеваются и обходят притоны, не всегда сохраняя свое инкогнито. Их охраняет специальная гвардия. Восемнадцать месяцев «сладкой жизни». Такие развлечения грозят несчетными опасностями честолюбивому триумвиру в момент, когда могущество Рима растет и крепнет. Антоний решает уехать, и не только потому, что осознает свой промах. Воитель отдохнул, ему пора действовать.

— Парфяне зашевелились. Надо их успокоить.

— Парфяне не опасны. А я жду ребенка.

— Я уезжаю.

— Марк Антоний требует вашего приезда в Антиохию, в Сирии.

Клеопатра молча смотрела на посланца. С момента безжалостного: «Я уезжаю», еще звучавшего в ее ушах, прошло целых три года. После отъезда триумвира у нее родилась двойня—Клеопатра Селена и Александр Гелиос (дочь Луны и сын Солнца). Дети уже ходили и лепетали. Целых три года царица Египта издали следила за успехами своего возлюбленного, вначале с тоской, а затем с гневом, поскольку ей стало известно, что после девятилетнего вдовства Антоний женился на сводной сестре Октавиана, чтобы помириться с последним.

— Отец моих детей гнусно обманул меня.

Она запретила произносить его имя в своем присутствии. Три года унижений, а теперь это послание! В ту эпоху любая правительница, столь же страстная, как Клеопатра, немедленно лишила бы жизни гонца. Но эта обуреваемая страстями женщина умела рассуждать: «Антоний порвал с Октавианом, он признан всеми как властитель Востока. Стоит ему захотеть, и он в один миг уничтожит мое царство. Мудрость подсказывает необходимость союза, нерушимого пакта. Я его добьюсь, лишь снова возродив любовь Антония». Результаты приезда Клеопатры в Антиохию показывают, насколько верным оказался ее расчет. Чары царицы были по-прежнему сильны, и ей заново удалось покорить Антония.

Антоний разводится с Октавией и заключает брак с царицей Египта. Он принимает титул автократора Востока, оставляя маленького Цезариона царем Египта. Антоний дарит Клеопатре Кипр, Крит, долину реки Иордан, Ливан, северную часть Сирии и (какая забота!) город Тарсу, место незабываемой встречи. Со своей стороны царица обязуется предоставлять по первому требованию Антония все, чем располагает Египет.

Медовый месяц длится девяносто дней. Затем надо снова идти войной против парфян.

— Я отправляюсь с тобой,— сказала Клеопатра.

В начале 36 года проводники верблюжьих караванов, расположившихся вокруг громадной Антиохии (больше 200 000 жителей), смотрели вслед войску, уходящему вдаль по пыльной пустыне. Воины в тесном строю шли вокруг носилок автократора и царицы.

Прибыв в Зелму на Евфрате, Клеопатра снова произнесла фразу, которая раньше не смогла удержать ее возлюбленного: «Я беременна». На этот раз пришлось уехать ей. Опасности страшили ее меньше, чем усталость от переходов и лагерных стоянок. Антоний одобрил ее решение. Она пересекла свои новые владения и вернулась в прохладу Александрийского дворца в ожидании счастливого события. Осенью 36 года родился мальчик, названный Птолемеем.

Клеопатра отдала приказ—церемониальные торжества по случаю рождения ребенка царской крови провести как можно скромнее в связи с отсутствием отца. Позже она сказала:

— Если бы я знала об ужасной участи Антония, отменила бы празднества вообще.

Антоний не погиб, нет. Он проиграл войну, а что может быть хуже для известного полководца! Боевые достоинства, военные хитрости и стрелы парфян склонили чашу весов в их пользу—парфяне разбили великую армию и прижали ее к морскому побережью. Послание Антония было не вестью, а призывом о помощи, и, не поторопись Клеопатра на выручку супругу, с ним было бы покончено. Царица собрала достаточно большое войско, чтобы спасти Антония и остатки его армии. В Александрию вернулся опозоренный, отчаявшийся и смертельно усталый человек.

Что может быть приятнее для женщины, даже самой глупой, чем роль утешительницы! А если она не глупа, то она вселит в мужчину новые надежды, вернет ему мужество и энергию. Клеопатра преуспела в этой роли. Антонию не терпелось взять реванш и раздавить заносчивых парфян. Его взгляд темнел, и он крепко сжимал челюсти.

У Клеопатры был иной замысел. Вернее, она не оставила прежней мечты. Парфяне? Хорошо. Но они могут потерпеть. Главное для Антония—свергнуть Октавиана, войти в Рим и стать диктатором. И только тогда во главе всех римских легионов, объединенных единым руководством, можно разбить парфян. И в руках супругов окажется весь мир. А наследником будет Цезарьон.

Подготовиться к нападению на мощный Рим—дело нелегкое даже для незаурядного человека. Антоний и Клеопатра потратили на подготовку пять лет. На верфях Сирии и Греции не затихал визг пил и стук молотков. Триремы, которые велела строить Клеопатра, соответствовали традиционным нормам, а Антоний стремился создать линейные корабли, громадные (по тем временам) плавучие крепости с металлическими таранами, с башнями и баллистами⁴ на палубе, дабы получить преимущество в момент abordажа вражеских судов и забросать их камнями. Следовало набрать и обучить новую армию, которая сможет победить железные римские легионы.

Рим говорил об Антонии с ненавистью и отвращением. Он вел себя по отношению к родине как иностранец и уже который год не посещал

ее. Сколько же он прожил в Египте? Он усыновил всех детей Иноземки—так прозвали Клеопатру. Возмущение достигло апогея, когда стало известно завещание Марка Антония. В документе говорилось, что поклонник прелестей Иноземки считает Цезариона единственным наследником Цезаря. Тогда Октавиан в свою очередь обнаружил давно выношенное решение: объявлялось, что Рим находится в состоянии войны, но не с Антонием (это подразумевало бы начало гражданской войны), а с владительницей Египта (тут уже речь шла о международном конфликте). Ну а военные действия и в том, и в другом случае оставались теми же.

Как ни странно, но исход войны между двумя самыми могущественными державами того времени решился в единственном морском сражении, вошедшем в историю под названием битвы у мыса Акции.

Бенуа-Мешен писал: «Восток и Запад, затаив дыхание, смотрят на Акции. В этой битве решится, быть ли римской гегемонии над Средиземным морем или одержат верх сторонники создания единой мировой империи».

В Эпире⁵ на западном побережье Греции, на мысу, господствующем над входом в залив, расположен город Берениция (ныне Превеза, 13 000 обитателей, порт и несколько мелких гостиниц). Напротив Берениции, на мысу в южной части пролива, высится гора Акции. Море вливается через пролив в спокойную бухту, которую в древности называли залив Амбрасия, а сегодняшние греческие карты именуют заливом Амуракинос. Прямо на запад, по другую сторону Ионического моря, на «подметке» итальянского сапога, находится мыс Колонне.

К весне 31 года Октавиан собрал 250 кораблей, 80 000 пехотинцев и 12 000 всадников. Он отплывает из Бриндизи, по диагонали пересекает Ионическое море и высаживается на эпирском побережье неподалеку от входа в залив Амбрасия. Там его поджидают Антоний и Клеопатра. Как только пришла весть о прибытии Октавиана, войска Антония, уже находящиеся в Греции, занимают позицию к северо-западу от Берениции. Основная часть флота стоит у мыса Акции, а прочие суда вдоль берега. У Антония 200 000 человек пехоты, 12 000 кавалерии, около 800 судов, в том числе 300 галер Клеопатры. Сравнение сил говорит о явном преимуществе супружеской пары. Но перевес—не главное. Антонию исполнилось 53 года. Его усталость вызвана не только суровыми условиями походной жизни. Стремление к славе далеко не главная его страсть. Ему противостоит тридцатидвухлетний человек в расцвете сил, спокойный и хладнокровный.

«Битва у мыса Акции вызывала у историков всех времен недоумение, и никому из них не удалось найти удовлетворительного объяснения случившемуся»,—писал Артур Вейгелл. И это действительно так. Рассказы древних хронистов часто неясны и противоречивы и дают повод к спорам между эрудитами. Следует помнить, что морская битва развернулась в заливе Амбрасия после «странной войны», которая на восемь месяцев обрекла на бездействие две армии, занимавшие позиции вокруг залива, и во время которой было несколько мелких

схваток, не давших преимущества ни одной из сторон.

Мы не можем с уверенностью описать внешний вид судов, столкнувшихся в морском сражении. Ни одному археологу-подводнику пока не удалось найти ни одного затонувшего военного судна той эпохи, а изображения на гончарных изделиях, барельефах и фресках расшифровываются с большим трудом, и их нелегко отнести к определенному времени.

Я уже говорил о спорах по поводу количества гребцов, расположения весел и т. п. Галеры Антония имели «от 2 до 10 рядов гребцов». Флот Октавиана состоял в основном из либурн, легких удлиненных судов с двумя рядами гребцов. Их формы напоминали формы пиратских судов из Либурны (побережье Адриатического моря между Истрией и Далмацией). Суда Октавиана были быстроходнее и маневреннее «броненосцев» Антония.

Поэтому Антоний приказал своим капитанам впустить флот Октавиана в залив Амбрасия, где его суда не смогут использовать своих быстроходных качеств. 28 августа супруг Клеопатры, считая, что битва начнется на следующий день, погрузил на свои линейные корабли 20 000 легионеров и 2000 лучников. 29 августа подул сильный ветер, и на море началось волнение. Стало ясно, что все останутся на своих местах. Днем ветер посвежел и разразился шторм. Он продолжался 30 и 31 августа и закончился к вечеру 1 сентября. Антоний обошел строй судов, воодушевляя войска и экипажи. Но он не знал, что 31 августа два его капитана перешли на сторону врага и сообщили Октавиану план сражения. Закончив обход флота, Антоний вернулся на борт галеры Клеопатры.

Антоний расстался с супругой лишь на заре. Это была ночь упреков и взаимных оскорблений. А раздоры начались из-за давнего спора: военачальники Антония хотели дать бой на земле («у нас вдвое больше войск, чем у них»), а Клеопатра считала, что победу можно одержать лишь на море.

— Чего добились твои войска за эти полгода, пока они стоят лицом к лицу с войсками Октавиана? Твоя кавалерия бежала после попытки атаковать Агриппу. Ты так удачно разбил лагерь, что множество пехотинцев умерло или заболело лихорадкой на берегу болот. Ты не сможешь нанести решающий удар только на суше. Если же Октавиан потерпит поражение на море, его воины окажутся на побережье без поддержки и припасов и их положение будет ухудшаться день ото дня.

Нездоровая обстановка, присущая любым «странным войнам», обострила разговор. Клеопатра настаивала на том, что право решения принадлежит ей, ведь Октавиан объявил войну царице Египта, да и деньги платила она. И за строительство судов, и жалование войскам. В конце концов она потребовала, чтобы битва состоялась на море. У вод Зеленого моря она мечтала ребенком, оно позволило ей обойти наземные препятствия и предстать перед Цезарем, ее первым могущественным покровителем, и оно же унесло ее на родину от кинжалов

римских убийц. Клеопатра, наверное, испытывала инстинктивную любовь к Средиземному морю, и оно ни разу не подвело ее. Антоний не сомневался, что существовали и иные причины ее настойчивости. На море Клеопатра с ее тремястами галерами и опытными командами — лучшими среди моряков обоих флотов — выступала в роли адмирала, и на ее долю пришлось бы немалая толика славы в случае победы. А победу на суше приписали бы Антонию. И Клеопатра опасалась, что ее лишат триумфа, который она надеялась разделить со своим супругом.

Антоний хорошо знал отношение римлян к Иноземке. После победы над Римом придется заискивать перед народом, а не раздражать его. И он заявил Клеопатре, что в Рим войдет только он.

— Один?

Она ничего не добавила. Но Антоний увидел в ее глазах неведомый ему доселе холодный пламень и не на шутку испугался.

— Она хочет тебя отравить, Антоний!

Сам ли он произнес эту ужасную фразу или услышал от доверенного лица? Бдительная челядь ни на миг не перестает следить за супругами, и различные партии при дворе на чеку. Несколько недель всех волнует вопрос: «Сделает ли она это? Хочет ли она мести?» Клеопатра понимала, что Антоний во власти сомнений. Отношения между супругами становились все напряженнее.

Во время ужина на галере Клеопатры в ночь с 1 на 2 сентября 31 года разыгралась странная сцена.

Ужин подходил к концу. Гости отведали вина из громадной амфоры, когда царица тоже попросила, чтобы ей налили кубок. Сделав глоток, она с присущим ей кокетством уронила в вино цветок, который украшал ее волосы, и протянула вино мужу.

Антоний вдруг побледнел от волнения, его глаза увлажнились — ведь это жест любви? знак примирения? — и протянул руку, чтобы взять кубок. Но прежде чем он коснулся его, Клеопатра с нервным смехом бросила сосуд на пол, и он разбился на куски:

— Вино отравлено!

Антоний побледнел еще больше. Гости переглянулись.

— Ты ведь пила его!

— Да, но до того, как бросила в него цветок, пропитанный ядом. Мне ничего не стоит убить тебя в любой момент. Если бы я только могла обойтись без тебя!

Гости разошлись. Некоторое время спустя удалился Антоний. Можно считать доказанным почти наверное, что после долгого спора Антоний приказал царице: «После битвы отправляйся со своим флотом в Александрию и жди меня там».

Днем суда Октавиана отошли от берега и удалились в открытое море на три четверти мили, выстроившись полумесяцем. Флот Антония ждал атаки противника на стоянке внутри залива Амбрасия. Но она не начиналась. Октавиан, зная от перебежчиков о планах Антония, решил держать свои маневренные суда вне залива. Противостояние длилось до середины дня.

И тогда — столь желанное Клеопатрой морское сражение все-таки

должно было начаться — мощные военные суда Антония снимаются с якорей и медленно выходят из залива под защитой войск и метательных машин, стоящих по обе стороны узкого пролива. Галеры Клеопатры движутся последними. Их капитанам отдан приказ оставаться позади и вступить в бой лишь по специальному приказу. Наверное, Антоний хотел, чтобы и морская победа оказалась лишь его личной заслугой? Все может быть.

Пока флот Антония отходит от побережья, Октавиан отводит свои суда все дальше в море. Он подпускает к себе левое крыло противника, идущего на абордаж, и бросает вперед юркие легкие либурны, которые осыпают неповоротливых мастодонтов горящими или тяжелыми железными стрелами и сосудами с огнем. Битва началась. Вскоре она превращается в обычную схватку галер, мало изменившуюся и после появления пушек, — абордаж и рукопашный бой мечами.

Римляне преследуют одну цель — перевести морской бой в рукопашную схватку. Они бросают захваты, перекидывают мостки, по которым перебегают на палубу вражеских судов. В кровопролитной борьбе воины действуют без всякой жалости. Более мощные и многочисленные галеры Антония должны были одержать верх. Но по сохранившимся свидетельствам можно сделать вывод, что его моряки и солдаты уступают в подготовке воинам Октавиана. Чтобы заменить больных лихорадкой воинов, Антонию пришлось наскоро и силой набирать в солдаты греческих пастухов, землепашцев и погонщиков мулов, которым вовсе не хотелось участвовать в этой битве. Пожаров на море они боятся так же, как стрел и мечей, и многие пытаются спасти свою жизнь, бросаясь в море. И римские суда теснят строй египетских галер.

Но еще не все потеряно для Антония. Большинство людей остается на своих судах. Многочисленные и тяжелые галеры Антония нависают над атакующими либурами, и с их тяжелых машин на палубу врага летят огромные камни и льется горящая смола. Лучники с башен поражают легионеров. И вдруг...

Позади линии тяжелых судов на одной из египетских галер поднимается треугольный пурпурный парус. Затем, словно по сигналу, все галеры Клеопатры поднимают паруса. И крылатым строем прорываются сквозь боевую линию, направляясь в открытое море. Сражающиеся воины обоих флотов уверены, что они вот-вот развернутся и нападут на римлян с тыла. Но нет. Они величественно удаляются.

— Египтяне бросили нас!

В любой армии, морской или наземной, предательство одной из частей наносит сильнейший моральный удар сражающимся. Однако многие суда Антония продолжили борьбу, поскольку в пылу боя никто не заметил, что происходит. И воины еще долго отказывались поверить в невероятное: «Антоний бежал вместе с царицей Египта!» Некоторые не складывали оружия еще два дня. Когда они сдались, Октавиан тут же предал их смерти.

Антоний бежал с поля боя не на своем корабле. Он пересел на быстроходную галеру, не отдав никакого приказа, ничего не сказав

воинам, которые сражались и умирали за него, настиг царскую галерею и поднялся на ее борт.

Супруги проиграли битву, даже не доведя ее до конца. Триста судов из их флота попали в руки Октавиана. Сухопутная армия шесть дней ждала возвращения своего вождя, а затем без боя сдалась.

Мотивы бегства Клеопатры так и остались загадкой. Может быть, она решила, что битва проиграна, и испугалась, как и после убийства Цезаря? Или ей была невыносима мысль о том, что Антоний хотел лишить ее триумфа—она могла еще рассчитывать на участие в нем в момент, когда приняла решение,—и отомстила?

И никто никогда не слышал из уст Антония объяснения, что заставило его бросить все. В одно мгновение, в какую-то минуту он отказался от чести, от славы, от Рима. Возможно, он рассуждал так: «Рим без Клеопатры мне не нужен, и я был безумцем, думая иначе. Боги Египта покарали меня за подобные мысли, поскольку Клеопатра решила выйти из борьбы. Мне пятьдесят три года, и мои силы идут на убыль. Ей тридцать восемь, а ее красота и ум еще не достигли вершины расцвета. Я ее люблю больше чем когда-либо и готов на все, лишь бы не потерять ее!» Плутарх вынес окончательный приговор: «В этот момент Антоний показал миру, что его поступками перестали руководить мысли и побуждения вождя и мужчины. У него не осталось собственных суждений».

Некоторые великие драматурги, в том числе Шекспир и Бернард Шоу, использовали в качестве сюжета своих произведений любовь Антония и Клеопатры. Финал этой драмы так сценичен, что кажется созданием гениального художника, а не результатом стечения исторических обстоятельств.

Полгода после битвы у мыса Акции супруги живут в Александрии, пытаясь забыть о взаимных упреках. Административный аппарат Египта продолжает функционировать, словно ничего не произошло. Верный Нил по-прежнему разливается и удобряет землю. Наступает весна, весна 30 года, и начинаются ритуальные празднества в честь бога Солнца. Но во дворце гнетущая атмосфера. Октавиан в Сирии, он готовит поход на Египет. Самые осведомленные придворные поговаривают, что царица и автократор ведут с ним тайные переговоры. Клеопатра будто бы согласна отречься от трона в пользу своего сына Цезариона, спрятанного в надежном месте за границей. Антоний, по слухам, готов отказаться от всего, если ему позволит жить в Александрии или Афинах в качестве простого гражданина. Октавиан молчит, но присылает тайного эмиссара Клеопатре:

— Царице будет сохранена жизнь и даже трон, если она уберет Антония.

Клеопатра не отвечает ни да, ни нет. Ее мучает мысль, не сделал ли Октавиан сходного предложения Антонию.

Близятся тяжелые испытания. Клеопатру обуревают мрачные предчувствия. Она велит закончить отделку своего мавзолея, построенного рядом с дворцом, на берегу моря, около храма Изиды-Афродиты.

— Если Октавиан войдет в Александрию,—говорит она приближенным,—я отправлюсь туда и лишу себя жизни.

Мавзолей — двухэтажное мраморное здание с несколькими помещениями. Одно из них предназначено для саркофага царицы, а остальные — для ритуальных жертвоприношений. Клеопатра переносит в мавзолей золото и свои сказочные драгоценности.

Вскоре Октавиан выступает в поход. Он ведет флот и свои легионы, одно упоминание о которых парализует волю военачальников слабой египетской армии. К концу июля его войска вступают в Александрию и располагаются лагерем на ипподроме в восточной части города и вокруг него. Его галеры становятся на якорь на Зеленом море как раз напротив дворца. Что сделает Октавиан: пойдет на приступ или начнет осаду?

Атмосфера во дворце сгущается. Лица придворных, в том числе и Неподражаемых, привилегированных фаворитов и собутыльников, превратились в маски. Ясно, эти люди взвесили все шансы за и против и решили спасти свою шкуру. Но как? Они исчезают один за другим. Предложили свои услуги будущему победителю? Возможно. А Антоний сверх меры ест и пьет. Клеопатра с презрением смотрит на этого человека, бывшего когда-то ее героем.

Но однажды Антоний выходит из оцепенения:

— Я атакую завтра. Пусть соберется кавалерия.

Он ведет свой отряд в атаку, разбивает кавалерию Октавиана и, вернувшись во дворец в крови и грязи, обнимает Клеопатру, даже не сняв панциря:

— Лучше сражаться, чем выжидать! Послезавтра поведу нашу армию к победе. Флот тоже вступит в бой.

1 августа на заре гарнизон выходит из города через восточные ворота и занимает позицию на холме между городом и ипподромом. Сверху Антонию видно, как египетские галеры покидают порт и плывут в направлении судов Октавиана.

— Какое прекрасное зрелище!

Но что делают капитаны?! Галеры останавливаются перед линией вражеских судов, вместо того чтобы напасть на них. И одновременно салютуют, подняв весла. Знак сдачи. Предательство, гнусное предательство!

Быть может, решающей станет победа на суше? Антоний верит в нее. Стоит разбить Октавиана, убить или пленить его, и все изменится. И впереди пойдет кавалерия, та самая кавалерия, которая увенчала себя славой днем раньше.

И снова лицо Антония перекашивается от гнева. Почему кавалерия бросилась вперед без приказа?

Она не атакует, а предает. Достигнув вражеского стана, воины бросают оружие. Даже издали, за завесой пыли, Антоний видит недвижных всадников. Нет ни флота, ни кавалерии.

— Царица предала меня! Во дворец!

Антоний возвращается в город в окружении обескураженных офицеров. Трубы играют отбой. Что делать? Убить Клеопатру? Но ее нет во дворце.

Как только прилетела весть о переходе флота и кавалерии на сторону врага, дворец опустел, в нем осталась лишь кучка предателей и

жрецов. Клеопатра скрылась с двумя служанками. История сохранила их имена — Ирас и Харион. Они пересекли обезлюдивший двор и, миновав храм Изиды, укрылись в мавзолее. Никого. Все опустело, как только стало известно о катастрофе. Три женщины запирают тяжелые двери первого этажа, награждают перед ней священные предметы, потом они, запыхавшись, поднимаются на второй этаж.

Наиболее обстоятельный рассказ о дальнейших событиях вышел из-под пера Плутарха. Клеопатра укрылась в своем мавзолее, а Антонию сообщают, что она покончила с собой. Кто принес это сообщение и от кого — осталось тайной. И Антоний, который только что, словно последний пьяница, изрыгал проклятия по адресу царицы, вдруг охвачен отчаянием. Он хочет умереть. Он призывает своего верного раба по имени Эрос:

— Возьми меч и убей меня!

Клеопатра мертва. Что может быть лучше смерти от руки Эроса! Но судьба решила иначе. Раб берет меч и вонзает его себе в грудь. Антоний понимает урок, хватается меч, пробивает себе грудь и падает на ложе рядом с трупом Эроса.

Самоубийство с помощью меча — дело грязное, требующее времени. Антоний истекает кровью и шумно дышит, как недобитый бык. Он теряет сознание, затем приходит в себя. Рядом стоят несколько слуг, они не понимают причин этой бойни.

— Добейте меня!

Рабы в страхе разбегаются. Медленно тянутся минуты, затем появляется новая группа слуг. Царица жива, говорят они, и просит доставить ей тело мужа, которого она считает мертвым. Истекающего кровью агонизирующего Антония переносят на носилках к мавзолею, с помощью веревок втаскивают внутрь через окна второго этажа. Клеопатра помогает служанкам. Плутарх рассказал обо всем этом с подробностями, придающими истории правдивый тон. Антоний умирает на руках Клеопатры с благозвучными словами на устах, которые Плутарх придумал для потомков:

— Не оплакивай меня. Я был самым прославленным и могущественным человеком в мире. Римлянин, я был побежден римлянином.

В некоторых трагедиях Клеопатра кончает с собой тут же, рядом с еще теплым телом Антония. Слишком классическое сокращение событий. Действительность оказалась сложнее.

Октавиан занял дворец без боя. Зная, где скрылась Клеопатра, он посылает к ней своих эмиссаров. Она не принимает их и ведет разговор из-за тяжелой забаррикадированной двери. Переговоры касаются все той же темы.

— Пусть царица отречется от трона, и она может рассчитывать на милосердие.

— Отрекусь только при условии, что мой сын Цезарион будет царем Египта.

— Это невозможно.

— Тогда я, как Антоний, лишу себя жизни.

— Царица не сделает этого, если не желает смерти своих детей.

Речь идет о Птолемеях и Клеопатре Селене, попавших в руки Октавиана.

Шантаж слишком ясен: если царица убьет себя, дети тоже погибнут. Клеопатра нужна Октавиану живой. Чтобы заковать ее в цепи и провести по Риму позади своей колесницы в день триумфа. Он, естественно, скрывает свои намерения. Во время переговоров ей постоянно внушается мысль, что в случае отречения появится возможность оговорить права наследников.

Победитель играет в большую политику. Войскам запрещено грабить город и насиловать женщин. Умеренная чистка среди чиновников. Торжественные, почти царские похороны Антония. Клеопатра, «трагическая и жалкая тень», идет во главе траурного кортежа. Затем Клеопатра возвращается в мавзолей, где живет под постоянным наблюдением. Несколько раз на дню она решается на самоубийство и отказывается от него, вспоминая о детях-заложниках. Этот кошмар, слишком долгий, чтобы его перенести на сцену, длится почти весь август — четыре недели лихорадки от изнуряющей жары, усталости, моральных страданий. Из окна комнаты Клеопатра видит почти лиловое море, сверкающее под ярким солнцем.

28 августа к ней является с визитом сам Октавиан. Он узнал о болезни царицы. Согласно этикету, он поздравляет ее с выздоровлением. Здесь следует процитировать живописные слова Плутарха: «Когда он вошел, она вскочила с ложа и, как была, в легкой одежде бросилась к его ногам. Волосы ее были растрепаны, лицо искажено, а под глазами темные круги. Вокруг груди виднелись рубцы (от ритуального бичевания во время похорон Антония), и ее физический облик полностью отражал состояние ее души. И все же очарование и вызывающе юная красота не оставили ее, и вся она светилась обаянием».

Октавиан поднимает царицу, отводит на ложе, садится в изголовье. Во время долгой беседы римлянин обещает царице «отнестись к ней с благожелательностью, которая превзойдет любые ее ожидания». Он уходит из мавзолея в полной уверенности, что убедил ее отречься без всяких условий и что она вот-вот согласится. Но Октавиан ошибся. Клеопатра раскусила его. Ей стало понятно, почему он хочет оставить ее в живых. Она оказывается перед ужасной дилеммой: покончить с собой, зная, что умрут ее дети, или спасти их ценой своего позора во время триумфа, за которым последует ее смерть. Неужели будет продолжаться этот кошмар, длящийся уже целый месяц?

Но нет. На сцене появляется новый персонаж трагедии — Корнелий Долабелла, один из римских офицеров, назначенных для наблюдения за Клеопатрой. Три недели жизни рядом с этой пленницей оказываются сладкой мукой. Хотя ей тридцать восемь лет и страдания сказались на ней, ее трагическая красота и золотой голос по-прежнему чаруют. Он поклялся сообщать ей все о намерениях Октавиана. После визита победителя расстроенный Долабелла сообщает Клеопатре о ждущей ее участи:

— Октавиан считает, что царица оправилась от болезни, и самое позднее в трехдневный срок решил перевезти ее в Рим вместе с детьми. Цезарион никогда не будет царем Египта. Октавиан решил убить его.

Смерть, смерть, смерть! Клеопатра умрет после позорного карнавала триумфа, после презрительного воя и плевков толпы; умрет и любимый сын Цезарион. Ибо никто не сможет воспротивиться воле властелина мира. Предчувствия Клеопатры оправдались — Октавиан уже приказал казнить Цезариона. Умрут Птолемей и Клеопатра Селена. Зачем безжалостному победителю оставлять в живых двух наследников трона, который он собрался уничтожить? Клеопатра ошиблась лишь относительно трона. Надежд не осталось, и она наконец решается на самоубийство.

После посещения могилы Антония — Октавиан разрешил этот выход в сопровождении стражи, — после слез, пролитых на могильную плиту, под которой покоится любимый человек (она вспоминает лишь о его добродетелях), Клеопатра возвращается в мавзолей, где разыгрывается финальная сцена. За два тысячелетия ее пересказывали неоднократно, но она не утратила своей силы.

Царица возлежит на своем ложе после купания. Она натерта благовониями, причесана. Служанки подают ей обед. В этот момент у дверей мавзолея появляется крестьянин с корзиной фиг. Римская стража спрашивает, что ему надо.

— Я принес свежие фиги для царицы. Она ждет их.

Его вводят в комнату царицы, и она при виде корзины восклицает: «Ах, вот и она!» Она знает палача, спрятанного среди фруктов, и протягивает ему руку...

Крестьянин покидает мавзолей под градом солдатских шуток. В это время выходит служанка:

— Царица велела мне отнести во дворец послание. Она не желает, чтобы ее беспокоили.

Вскоре появляются несколько римских офицеров, один из них держит папирус Клеопатры Октавиану: «Хочу быть похороненной в одной могиле с Антонием».

Отталкивая друг друга, они врываются в зал, где на смертном ложе покоится украшенная драгоценностями Клеопатра с короной Птолемеев на челе. Она прекраснее, чем всегда. При осмотре тела были найдены две крохотные ранки на руке.

Змея, ставшая столь же известной, как и змей-искуситель, не была ни аспидом, ни гадюкой, а почти наверняка разновидностью кобры; ее укус вызывает быструю, безболезненную смерть.

Октавиан поклялся привязать царицу Египта к своей колеснице в день триумфа и выполнил свою клятву. За его колесницей волокли золотую статую Клеопатры. Но Октавиан не получил полного удовлетворения: насколько приятнее было бы унижить живую женщину, от которой какое-то время зависела судьба Рима.

Над Средиземным морем более чем на сто лет воцарился *pax romana* (римский мир).

III

Крест и полумесяц

«Карлу Августейшему, коронованному богом, великому и миролюбивому римскому императору, долгой жизни и славных побед!» Идет 800 год нашей эры. Канун рождества. Хвалебные восклицания раздаются не в честь римского императора, а в честь Карла I, известного в истории под именем Карла Великого. Этот государь создал Франкскую империю. Он завоевал Ломбардское королевство в Италии, аннексировал Германию, раздавил Саксонию. Он покорил аваров¹, которые в конце концов приняли христианство. В Риме из рук папы, которому покровительствует, он получает ключи от Иерусалима и храма Гроба господня.

В те времена на средиземноморском побережье империи франков, где стоит несколько бедных городишек, каждую весну происходит одно и то же. Незадолго до рассвета, пока еще темно, к берегу приближается с десяток длинных низких судов. Это африканские фелюки и шебеки. Когда на этих узких судах подняты паруса, кажется, что они летят над морем. У берега паруса спускаются, и суда подходят к пляжу на веслах. Вооруженные до зубов смуглые люди бросаются к домам.

Когда несколько часов спустя суда на всех парусах уходят в море, на берегу горят дома, валяются трупы людей с перерезанной глоткой, раздаются крики и стоны. Рыдают опозоренные женщины, но участь других еще печальнее: их побросали в фелюки и теперь везут на юг! Среди пленников есть и мужчины. Каждый год с весны до осени, пока стоит хорошая погода, одни и те же драматические сцены разыгрываются на всем побережье. Как же случилось, что на Средиземноморье снова воцарился разбой после нескольких столетий спокойствия и мира?

Когда читаешь о нашествиях варваров, кажется, что листаешь приключенческий роман, действие которого растянуто на века. Укрепленные границы Римской империи были впервые прорваны в 235 году племенами, пришедшими из-за Рейна. Страна вооружилась, ошетилилась крепостями, золотой век подходил к концу. В учебниках истории этот период называется падением Римской империи — разложение и долгая агония на море и на суше.

455 год. Римский флот оказался настолько слабым, что не смог перехватить корабли короля вандалов Гензерика, приплывшие с тунисского побережья (Ифрикия). Гензерик высадился в Италии, вошел в Рим и взял в плен императрицу с двумя ее дочерьми. К концу V века от римского флота ничего не осталось. В то же время был низложен Ромул Августул, последний император Западной Римской империи. Звезда Рима закатилась. Взошла новая звезда — Византия.

Константин выбрал для размещения столицы гористую местность на европейском побережье Босфора, где стоял некогда греческий город Византий. Его положение позволяло контролировать как наземные пути между Европой и Азией, так и водный путь, связывающий Черное море с Эгейским. Еще до гибели Западной Римской империи на роль Рима стал претендовать Константинополь. Почти тысячу лет Восточная Римская империя — Византия — служила оплотом цивилизации, а остальной мир погряз в варварстве. Юстиниан, царивший с 527 по 565 год нашей эры, возвел несравненную базилику святой Софии (ныне мечеть) и множество других замечательных зданий, отредактировал знаменитейшие тексты по римскому праву, изгнал вандалов из Африки, разбил остготовов² в Италии, вестготовов³ в Испании и надолго восстановил единство империи.

Византия экспортировала вина, пряности, хлопок, ткани, ввозила китайский шелк, африканские слоновую кость и золото, драгоценную азиатскую древесину, янтарь и меха Северной Европы. В самом начале царствования Юстиниан понял, что торговля и могущество страны немыслимы без сильного военного флота. И это было тем яснее, что столица была связана с провинциями лишь морскими путями — их сеть простиралась от Кавказа до Гибралтара (и даже дальше), от Крыма до Красного моря.

Основным боевым кораблем византийцев был дромон, легкая быстрая галера с тараном. Византийские инженеры вооружили эти военные суда мощным оружием — греческим огнем, честь изобретения которого, по-видимому, принадлежит китайцам. Греческий огонь — смесь нефти, селитры, серы и угля — выстреливался с помощью арбалетов и баллист и горел даже на воде. Как и римляне, византийцы набирали экипажи судов из наемников.

Богатства Византии позволили Юстиниану не скупиться на количество судов и их вооружение. Весь бассейн Западного Средиземноморья был очищен от варваров, а заодно византийцы уничтожили пиратов и вандалов. Римский мир сменился на море византийским.

Византийский мир мог бы длиться столько же времени, сколько продолжалось наземное могущество Византии, если бы у Восточной Римской империи не объявились после разгрома и ассимиляции варваров новые враги. Пыль из-под конских копыт и дым пожарниц возвестили появление на исторической сцене арабов. Новые завоеватели оказались опаснее прежних врагов. Они, по крайней мере вначале, не искали ни земель, ни богатств, но зато, как и христианские миссионеры, стремились обратить всех и вся в свою веру. Однако они не теряли времени на убеждение: «Веруй или умри». Головы слетали с плеч, имущество неверных сгорало в пламени. «Кавалерия Аллаха»

нашла в аравийских пустынях всадников, лошадей в Персии, шпоры в Китае и двинулась вдоль африканского побережья. Нам по прошествии времени кажется, что арабское нашествие длилось всего несколько недель. На самом деле завоевание африканского побережья продолжалось до VIII века и имело неожиданные последствия.

Вначале море пугало арабов. «Это громадное существо,—говорил Халиф Омар,—которое несет на своей спине ничтожных червей, копошащихся на кусках дерева». Но требования священной войны заставляют арабов превратиться в мореходов. Они овладевают Сеутой⁴, Мостаганемом⁵, Карфагеном, изгоняют из этих портов византийцев, захватывая суда и их экипажи. Когда арабы решаются на высадку в Испании, у них уже есть мощный флот, способный вместить 12 000 вооруженных людей.

Двенадцать тысяч фанатиков—грозная армия по тем временам. В Испании она раздавила бывшее вестготское королевство и ринулась на запад и север на земли франков. Карл Мартелл, один из майордомов умирающей династии Меровингов, останавливает их под Пуатье в 732 году. Его победа спасает Западную Европу от власти полумесяца, но византийскому миру на Средиземном море приходит конец. Выход арабов на побережье ведет к возрождению пиратства, как в худшие дни античности. При этом арабское пиратство на Средиземном море— всего лишь один из аспектов борьбы двух миров, столкнувшихся на этом «внутреннем» море,—христианского и мусульманского.

В IX и X веках юная морская держава полумесяца распадается на две части—Испанию и Ифрикию. В Испании размещается, как мы говорим сегодня, национальный флот—крупные эскадры и верфи. В Ифрикии (ныне Тунис), где только что основан город Тунис, находится пиратский флот. Научные достижения арабов (алгебра, астрономия) доказывают, что завоевателей отличают не только храбрость, религиозный фанатизм и жестокость. Покоряя различные народы, они быстро ассимилируют их полезные знания. В Ифрикии еще со времен Карфагена живет народ рыбаков и великолепных мореходов. Арабы, вначале относившиеся к морю со страхом, идут к ним в обучение, и их религиозный фанатизм помогает им превзойти учителей. Из Ифрикии они начинают проводить операции по созданию пиратских гнезд в Сицилии, Сардинии, на Корсике. В 870 году они отвоевывают у Византии Мальту.

Принцип морских сообщений не меняется—море велико, но торговые корабли идут одними и теми же маршрутами, и пираты подстерегают добычу вблизи морских путей. Капитаны, моряки и пассажиры любого торгового судна с ужасом ждут своей участи, заведя на горизонте треугольные паруса. Простым выкупом, как в дедовские времена в Малой Азии, не обойтись. У арабских завоевателей мало рук для строительства новых городов и возделывания твердой африканской земли; им всегда не хватает женщин и юных слуг. Им гонится все. Всех пленных гонят на невольничьи рынки. Но однажды великий халиф со скукой отрывается от наргиле⁶:

— Добыча в море приносит слишком мало. И начинается долгий период разбойничества на побережье. Наглость пиратов переходит все границы. 846 год — разграблен Рим, осквернен собор святого Петра; затем несколько недель пираты держат в руках Геную; 848 год — разграблен Марсель; 869-й — Арль, откуда пираты увозят архиепископа. Эта часть побережья, которую впоследствии назовут Лазурным берегом, беспрестанно подвергается набегам, грабежу, опустошениям. Но худшие времена впереди. Однажды жители Тулона, заметив в море треугольные паруса, бросают все и спешат укрыться в лесу, но оттуда появляются смуглые люди с кривыми мечами. Эти пришли не с моря. Большое количество мавров, спасшихся от Карла Мартелла, откатилось к Альпам. Изгнанные ломбардцами воины дошли до гор, закрепились в этой природной крепости и получают по морю оружие и боеприпасы и морем же отправляют свою добычу и пленников. Они сопротивляются любым властям, и по причине феодальной анархии во Франции (наследие правления Карла Великого) никто не может их остановить. Тулон, Фрежюс, Антиб, Ницца превращены в руины. «Прованс обезлюдел от набегов мавров», — сказал один из прелатов на провинциальном церковном соборе в Валенсе.

Жители бегут с равнин в горные районы, где выросли укрепленные города Грасс, Кастеллан, Ле-Бо, но жизнь там тяжела — слишком большое скопление людей вызывает голод. Западная Италия живет не лучше Прованса, ибо сарацины обосновались в Лигурии. Нападения в открытом море учащаются, капитаны судов отказываются уходить в плавание, арматоры прекращают свою деятельность. «Христиане, — писал о Средиземном море Ибн Хальдун⁷, — не могли спустить на воду даже простую доску».

Только одна держава — Венеция — избегла пиратского террора.

«Вначале было море и немного суши». И действительно, так выглядели места, где вырос уникальный город. На первый взгляд ничего необычного. Мелководная зона, куда впадает несколько рек; прибрежные лагуны, отделенные от Адриатического моря узкими полосками низменной суши (лиди); многочисленные острова, где живут рыбаки и лодочники. Ближайшие города — Равенна, Аквилея — далеко и стоят на континенте. Но лагуна позволяет поддерживать связь между ними, и лодочники пользуются этим.

В 568 году резкая перемена: в Северную Италию приходят варвары-лангобарды. Сначала они просто грабят, потом завоевывают ее и создают новое государство. Столицей королевства становится Павия. Жители Аквилеи, Падуи, Равенны бегут от завоевателей. Куда? На острова лагуны, где до них не могут добраться мусульмане. А в начале IX века лагуна защищает беглецов от нашествия франков Карла Великого. Франков отбрасывают дважды, и они отказываются от дальнейших попыток. Позже василевс Византии подписывает с императором франков (который присвоил себе титул императора Запада) договор, по которому эта полоска берега остается византийским

владением. Архипелаг управляется дожем (герцогом). В четырех километрах от континента начинается сооружение Венеции.

Пример этого города показывает, насколько судьбы некоторых государств зависят от их географического положения. Когда первые мусульманские пираты проникают в глубь Адриатического моря и подходят к берегу лагуны с ее меняющимися границами, их фелюки садятся на мели и тонут. Пиратов охватывает страх. Они разворачиваются и уходят восвояси. Венецианцы, прирожденные моряки, разбогатевшие на торговле, создают мощный морской флот, и Адриатическое море становится для арабов ловушкой. Они даже перестают заходить в него.

Венеция процветает. И по мере ослабления византийской мощи под ударами арабов, а затем и норманнов Венеция с ее исключительно благоприятным географическим положением становится основным поставщиком восточных товаров в Европу: порт стоит на перекрестке византийского, славянского и германского миров. У набережных Венеции выгружают шелка, производимые Византией, товары Ближнего и Дальнего Востока, а в эти страны отправляют древесину, железо, шерсть, которые экспортирует Запад.

Этот торговый поток вызывает зависть. На противоположном берегу Адриатического моря живут нищие бандиты, которым годится любая добыча. Они с жадностью глядят на идущие мимо суда, груженные ценными товарами. В море выходят новые пираты. Но разбой длится недолго. Венецианцы XI века достаточно сильны, чтобы уничтожить этих пиратов. Они очищают Адриатику от врагов, но не останавливаются на этом. Пираты-корсары, щедро оплачиваемые дожем, высаживаются на далматском побережье. И не только ради грабежа. Они охотятся за юношами и девушками, которых продают поставщикам гаремов в Сирии. Эта торговля становится столь прибыльной, что, когда вдоль Большого Канала возникает большой международный рынок, одной из крайних набережных дается имя набережной Юных Рабов.

Венецианцы и арабы налаживают прекрасные взаимоотношения. Этот *modus vivendi** еще долго будет охранной грамотой торгового города на Адриатике.

В остальной части Западного Средиземноморья дела обстоят иначе: христианские берега беднеют от мусульманского пиратства и кое-где превращаются в настоящую пустыню, в то время как мусульманский берег богатеет, заселяется и застраивается. Я уже упоминал о бывшем сиртском побережье, ныне Ифрикии, где арабы стали наследниками морских традиций Карфагена. Самый процветающий порт Ифрикии — Махдия, и это название долгие годы будет звучать похоронным звоном в ушах христиан. Из Махдии уходят пиратские экспедиции в Прованс и Лигурию. На алжирском берегу рабы-христиане под ударами палок строят Эль-Джезаир (Алжир) и Насирию (потом Бужи, ныне Беджая).

На верфях Насирии не прекращается стук молотков и визг пил. Дерево,

* *Modus vivendi* — временное соглашение об урегулировании каких-либо вопросов.

доставляемое из отдаленных районов страны, превращается в суда. Их становится все больше, растет их мощность. Ни один город франкского побережья Средиземного моря не может сравниться по оживленности с Насирией XI века. Конечно, рабы и бедняки столь же несчастны, как и везде на Востоке, но уровень жизни средних классов, ремесленников, торговцев, горожан намного выше, чем в Марселе и Тулоне, а богачи буквально купаются в роскоши. Один из современников пишет, что в то время в городе жило «более ста лиц, прославившихся своими познаниями в юридических, медицинских, поэтических, музыкальных и теологических науках».

«Жизнь человека меняется, как цвет неба», — говорит арабская пословица. И все изменится еще раз, когда новые, не похожие на других актеры появятся на исторической сцене: на Средиземное море придут норманны.

В первом томе* я уже рассказывал о смелых плаваниях викингов, о том, как они обосновались в Исландии и Гренландии и открыли Америку за четыре столетия до Христофора Колумба. Известно, что викинги «исследовали» не только Север и Запад. Они опустошали побережье Франции и добирались по Сене до Парижа, а по Гаронне до Тулузы.

Они не боялись плавать и дальше к югу. Жители западного побережья Иберийского полуострова⁸ не раз видели дракары с форштевнем в виде сказочного дракона. Беспощадные бандиты грабили, насиловали, убивали, жгли. В конце 844 года викинги ворвались в Лиссабон, разграбили город и окрестные деревни, а затем добрались до марокканского побережья. Они не делали различий между христианами и мусульманами, они исповедовали свою свирепую религию. Викинги не стремились к завоеванию и заселению земель — они только грабили. Если жители пытались защищаться, их убивали, но, когда викингам встречались хорошо вооруженные войска (как, например, воины эмира Кордовы), они выводили свои дракары в море и отправлялись грабить в иные места.

Эти редкие экспедиции длились иногда по нескольку лет. Викинги прошли Гибралтар и проникли в Средиземное море в 850 году. Как ни парадоксально, это море поставило в тупик победителей туманов, льдов и огромных волн Северной Атлантики. Местные бури казались им неожиданными, а ветры слишком неустойчивыми. Эти суровые люди, сидевшие целый день в открытых дракарах под палящим солнцем, как все блондины, плохо выдерживали загар и страдали от солнечных ударов. Когда их кожа краснела и трескалась, они считали, что заболели какой-то неизвестной болезнью. Резкое изменение пищи также не прошло даром. Они страдали от дизентерии и малярии, болина было некуда деть, родина находилась слишком далеко. А где взять новобранцев, которые могли бы заменить мертвых?

В столь сложных условиях северные люди, пришедшие в Средиземноморье водным путем вокруг Европы, столкнулись с пиратами-мусульманами. Последние были у себя дома, в привычных климатиче-

* Великий час океанов. Атлантический. М., Мысль, 1978. (Прим. перев.)

ских условиях и прекрасно знали Средиземноморское побережье. Арабы одержали первые победы над викингами. На этом закончилась первая часть морских походов норманнов. Они завоевали Средиземное море иным путем.

В конце X века Южная Италия—Апулия, Калабрия, Кампанья, Неаполь—принадлежала Византийской империи. Даже после ослабления власти Константинополя нравы, язык и религиозная служба в Южной Италии остаются греческими, а местные князья признают себя (теоретически) вассалами василевса. Но против власти далекого сюзерена то и дело вспыхивают мятежи. Нередко их раздувают знатные северяне с более или менее открытого благословения папы, мечтающего освободить Южную Италию от византийского владычества и покончить с ее независимостью от Ватикана. Постоянные раздоры и местные войны позволили арабам покорить Сицилию.

В XI веке некоему знатному ломбардцу, возглавлявшему мятеж Апулии против Византии, приходит в голову любопытная мысль.

— Мне донесли.—сказал он одному из своих приверженцев,—что во франкской земле, в Нормандии, обосновались суровые воины, пришедшие из Норвегии. Эти люди помогут нам, если будут сражаться на нашей стороне. Отправляйся туда и найми их, не скупясь на расходы.

И в Нормандии нет более приятного звона, чем звон монет. Забияки, непоседы, всегда готовые отправиться в поход, наемники с севера, объединившись в отряды, тронулись в путь. Во главе их стояли отпрыски знатных семейств. Одни ехали на лошадях, другие шли пешком, ночуя в лесу либо в конюшнях замков. Их не смущали вопросы идеологии. Они продавались тому, кто лучше платил, и в первых же стычках доказали свою военную доблесть. Князья Салерно, Неаполя и Капуи, плетущие заговоры против Византии, набирают нормандских наемников⁹ и платят звонкой монетой. К услугам нормандцев прибегают и василевсы Византии, и даже папа, властитель-временщик, чье существование всегда находится под угрозой.

Если есть деньги, заполучить наемников проще простого. Труднее заставить их подчиняться, особенно если среди них есть умелые заводилы. Не прошло и тридцати лет, как нормандские вожди отобрали власть у призвавших их князей. Запомните имена четырех баронов из Нормандии, которые—вместе или друг за другом—завершили эту операцию. Они сыновья сеньора Танкреда де Отвила: Гийом, Дре, Онфруа и Робер по прозвищу Робер Гюискар. Все четверо просто и здраво рассуждают о том порядке, который следует установить в Южной Италии: строгая феодальная иерархия без всякой оппозиции. Феодал раздает земли служилым людям, и начинается выжимание соков из деревенского жителя—реквизиции, налоги, оброк.

Селянин стонет, вспоминая «милые мятежики» против Византии. Когда жизнь становится невыносимой, он зовет на помощь. Кого же звать, как не папу, единственного князя, еще сидящего на троне? История повторяется. Папа Лев IX явился во главе армии немцев, поскольку

германский император числится официальным защитником Священной империи. Папу наголову разбивают и берут в плен. Титул папы не смущает нормандцев, и их пленник прозябает в помещении, больше похожем на застенок. Через два года больного Льва IX отпускают на свободу. Он вскоре умирает, и его оплакивает весь христианский мир. Новый папа, Николай II (1059 год), успел поразмыслить над достоинствами и недостатками нормандцев.

— Лучше признать их власть,— заявил он кардиналам из своего окружения,— и заполнить их в друзья.

Пораженная Западная Европа молчит, а верховный владыка церкви принимает клятву верности от «князя Капуанского» и «герцога Апулийского», признав законными государями нормандских узурпаторов, которые за это обещали не трогать земель святого Петра, то есть владений Ватикана.

Деятельность нормандцев на Средиземном море — та, которая интересует нас и которая еще раз изменит судьбы этого мира и даже Запада,— только начинает разворачиваться.

На сцене появляется Роже де Отвиль, пятый сын Танкреда. Как и все герои рыцарства, Роже наделен многочисленными достоинствами: он высок, красив, отменно сложен, его голова увенчана белокурой шевелюрой, его отличают храбрость, сила, красноречие. Он конкурент Робера, правящего Южной Италией. Их первые встречи нельзя назвать сердечными. Но Робер находит средство утешить младшего брата:

— Есть еще несколько подданных Византии. Помоги мне их уничтожить, и ты выкroiшь себе королевство.

Роже соглашается, и нормандские трубы созывают воинов в поход. Вперед! Византийские города сдаются один за другим.

— Детские забавы,— говорит юный Роже.— Мне нужна Сицилия. Такое королевство мне подойдет.

Его слова не случайны. Он хорошо изучил карты, разузнал, какими военными средствами и властью располагают арабы в Сицилии.

— Население,— доносят шпионы,— ненавидит арабов, а те погрязли в раздорах.

Мы мало знаем о морских операциях Роже де Отвиля против Мессины, а то, что знаем, недостоверно. Известно, что он захватил ее в 1061 году во главе войска в 2000 человек (сегодня эта цифра выглядит смешной). Захват Сицилии был куда более длительным и трудным, поскольку арабы защищались до последней капли крови, а население, принявшее вначале нормандцев как освободителей, возмутилось против них из-за грабежей, убийств, насилий. Робер помогает брату, и к 1091 году под его властью оказывается весь остров. Роже принимает титул короля Сицилии и завершает победу захватом Мальты.

Тем читателям, которые сомневаются в напористости потомков викингов в ту эпоху, нужно напомнить, что уже в 1066 году Вильгельм Завоеватель высадился на побережье Англии, а вскоре покорил весь остров¹⁰.

Случается, что власть делает завоевателя благоразумнее. Так случилось с Роже де Отвилем. Став королем, он отбрасывает политику насилия.

Нормандцы были одно время хозяевами Средиземного моря. Одной из их баз служил порт Палермо. На гравюре в порту видны галеры и высокобортовые суда

Ему лет пятьдесят—шестьдесят (акты гражданского состояния и хронисты не слишком точны), и он проявляет качества настоящего государственного деятеля—интеллект, умение размышлять, ловкость и даже хитрость.

— Я не трону религии и обычаев. Христиане будут под защитой, но и мусульмане могут исповедовать свою религию.

Мусульманские чиновники работают в администрации и при дворе наряду со знатными христианами; имеются мусульмане и среди военных и морских командиров. Папа, узнав о такой веротерпимости, сначала возмутился, а потом, как и его предшественники, примирился со свершившимся:

— В конце концов Роже I—христианский король. Когда-нибудь он приведет Сицилию в лоно церкви. Назначаю его легатом в этой стране. Несмотря на либерализм Роже I, потеря Сицилии нанесла тяжелый удар арабам из Ифрикии, где развивалась великолепная цивилизация: исчезло (или почти исчезло) зерно. Сицилийское зерно всегда поставлялось в избытке и было дешевым. В руках Роже зерно становилось могучим средством давления, когда являлся эмиссар ифрикийских князей и говорил:

— Нам нужно зерно. Мы готовы дать хорошую цену.

— Цена будет высокой. А кроме того, я хочу заключить договор о прекращении морского пиратства.

Перемирие соблюдалось до самой смерти Роже I, и в то время случаи пиратства мусульман стали очень редкими. Средиземное море перестало быть мусульманской вотчиной.

Если вы думаете, что после смерти Роже I перемирие нарушили мусульмане, вы ошибаетесь. Это сделали нормандцы в лице Роже II, сына Роже I.

— Я родился князем и буду иметь все, что пожелаю.

И действительно, все пять братьев Отвиль были всего-навсего знатными авантюристами, а Роже II родился королевским наследником. «Все, что пожелаю»—это прежде всего владения дядюшки Робера, умершего после блистательной войны в Балканах, когда он дошел до Константинополя, чем нанес смертельный удар византийскому могуществу; затем сюзеренство над всеми нормандскими владениями в Италии. Когда Роже II узнал, что папа Гонорий, возмущенный его претензиями, отлучил его от церкви, он расхохотался, и не без причины: несколько позже преемник Гонория понял, как и его предшественник за полстолетия до этого, что с нормандцами можно придерживаться лишь одной линии поведения—склоняться перед силой. В 1130 году Роже II—король Сицилии, Калабрии и Апулии, князь Капуи, сюзерен Неаполя и Беневенто, а церемония коронации проходит с восточной пышностью.

Зерно жителям Ифрикии больше не поставляется. Корабли Роже II идут на приступ африканских берегов и опустошают их, как ранее фелюки опустошали христианские берега. Снова грабежи, насилия, захваты в плен. Арабы в недоумении. А Роже II ненасытен.

— Хочу быть королем Ифрикии.

Им движет не только тщеславие. Стать королем Ифрикии означает

получить доступ к источнику всех богатств (особенно суданского золота), текущих из Африки в тунисские порты. Роже II, наследник морских традиций викингов, содержит кораблестроителей, которые разрабатывают для условий Средиземного моря разновидность быстрого крейсера на основе дракара. Он становится хозяином Средиземного моря. В 1148 году захвачен важнейший порт Махдия, нормандцы движутся вдоль алжирского побережья, покорена Беджаия (бывшая Насирия). Идет жестокое нормандское завоевание с грабежами, поджогами, захватом рабов, увозимых в Сицилию, требованием выкупа за знатных лиц.

Из-за восстаний, которые вернут Махдию и другие тунисские порты в лоно ислама, Роже II будет королем Ифрикии всего одиннадцать лет. Но многочисленные мелкие мусульманские королевства в течение века будут платить нормандцам дань, чтобы иметь возможность свободно плавать по морю. Даже когда сицилийская корона окажется на голове Карла Анжуйского, брата Людовика Святого, сицилийцы не перестанут грабить тунисские порты и собирать дань. И в течение многих лет христианское господство на Средиземном море позволит совершать почти безопасные путешествия людям, с которыми мы пока не сталкивались,— с паломниками в «Святую землю» и крестоносцами.

«Религиозное паломничество,— писал один из историков.— есть особое духовное побуждение: оно заставляет верующего обращаться к богу с некоей «вещественной» молитвой, свидетельствующей о его вере». С древних времен паломники отправлялись в путь, чтобы выполнить обет, испросить благодати, вымолить прощение грехов; иногда они совершали свой подвиг во славу бога.

Однако все эти причины не могут полностью объяснить необоримый импульс, побуждавший столько людей, в том числе женщин и детей, пускаться в дальние и часто опасные путешествия. Стремление к паломничеству хорошо согласуется с древним кочевым инстинктом, свойственным человеку. Когда деятельность человека являлась функцией его веры, паломничество оказывалось естественным и законным средством удовлетворения этого миграционного инстинкта.

«Христианин, который с раскаянием в сердце совершил одно из трех славных паломничеств— в Иерусалим, Рим или Сантьяго-де-Компостела¹¹,— не умрет в состоянии смертного греха— так считали жители средневековой Западной Европы. Паломничество в Иерусалим стояло на первом месте в ряду заслуг, поскольку оно было наиболее трудным и опасным. Некоторые совершали его пешком через Италию, Далмацию и Константинополь— это несколько месяцев пути. Морское путешествие проходило быстрее. К концу XII века переход Марсель—Акра занимал пятнадцать—двадцать пять суток. Именно таким путем отправлялись французские паломники. Последуем за ними.

Паломники начали посещать «Святую землю» с конца IV века, после того как мать императора Константина повелела уничтожить языческих идолов, загромождавших и осквернявших Голгофу. Затем нача-

лись персидские и мусульманские нашествия, но вначале мусульмане отличались веротерпимостью — паломники могли свободно посещать храм Гроба господня. Затем мусульмане ввели въездную пошлину для желающих попасть в Иерусалим. Паломники, которые не могли заплатить ее, подвергались оскорблениям, угрозам, побоям, а иногда их просто убивали. Это вымогательство и желание отвоевать «Святую землю» оказались одной из причин крестовых походов. Первый крестовый поход начался в 1096 году, а последний официальный поход закончился в 1270 году. Но паломники ходили в «Святую землю» до, во время и после крестовых походов. Следует сказать, что до XIII века во французском языке не существовало понятия «крестового похода». Жуанвиль¹² говорит о «паломничествах к кресту». И лишь позднее вооруженные походы стали называть крестовыми.

За два века условия путешествия в «Святую землю» совершенно не изменились. Более того, некоторые детали не изменились и до сегодняшних дней. Так, в Старом порту Марселя хозяева прогулочных лодок завлекают прохожих, размахивая носовыми платками сомнительной чистоты. Именно носовыми платками. Они в малейших деталях повторяют жесты средневековых зазывал, которые размахивали эмблемой судна, на борт коего хотели завлечь возможного пассажира. Волнение, толчею и смешение языков тех времен можно сравнить с сегодняшними. В провансальском языке зазывал средних веков множество французских, немецких и английских слов.

У причалов стоят галеры крестоносцев и парусные суда для простого люда. Эти тяжелые корабли имеют высокие борта, широкую палубу и могут перевозить больше 300 пассажиров и 50—100 лошадей. Уже в порту суда, идущие в «Святую землю», поднимают парус с громадным алым крестом или просто красный парус, а зазывала с эмблемой привлекает внимание паломников, стоя у причального каната. Ведь именно его судно самое лучшее, самое быстрое, самое роскошное, и кормят на нем вкусно и досыта. Иногда завязываются словесные дуэли с зазывалой-конкурентом.

— Не слушайте его, его судно насквозь прогнило и вряд ли проплывет более трех лье. В нем водятся крысы величиной с собаку, а кормит вас будут крысиным жарким. Его хозяин не может отличить одну звезду от другой! А у нас лучшие моряки, удобства и прекрасная пища. Поднимитесь к нам на борт и убедитесь сами, это вас ни к чему не обязывает!

На корме корабля размещается бесплатный буфет. Там дают отведать мясо разных сортов, александрийские варенья, критское вино.

— Загляните на кухню. Повар готов вам показать ее...

«Повар» увлекает клиентов в свой закуток, откуда доносятся (пока судно в порту) аппетитные запахи. Неискушенный одинокий паломник поддается на уговоры этих средиземноморских флибустьеров, которые не утратили ловкости до наших дней. Но одинокий паломник — исключение. Обычно паломники собираются в монастыре или церкви, где им сообщают сведения, подобные тем, какие можно получить в современном агентстве путешествий. Им назначают в провожатые

человека, знающего, к кому следует обратиться в порту, чтобы получить хотя бы минимальные гарантии.

Несмотря на ярмарочную сутолоку Старого порта, зазывал, бесплатные буфеты и ловцов простофиль, гарантии все же существовали. Вот что рассказывал один паломник:

*Судно, от-
правляющееся
и «Святую
землю».
Иные из
таких судов
вмещали до
300 пассажи-
ров и до 100
лошадей*

— Мы знали еще до прихода в Марсель, что в городе имеются три «наблюдателя» от городских властей и встретиться с ними мог каждый. Перед отплытием эти лица проверяли, может ли судно выйти в море, не перегружено ли оно, имеет ли каждый пассажир место и пищу, обещанные в проездной грамоте.

На борту паломнических судов было обычно четыре класса. Пассажиры первого класса жили в кормовой надстройке по несколько человек в каюте. Второй класс размещался на верхней палубе и под надстройками. Когда матросы выполняли свою работу, они сгоняли их с места. Пассажиры третьего класса размещались в межпалубном помещении, где им грозило удушье, а четвертый класс спал и вовсе в конюшне.

Стоимость проезда по классам была разной, но приводить ее нет смысла по двум причинам: суммы в турецких ливрах и су нельзя перевести на современные деньги, а кроме того, официальная стоимость обростала чаевыми и доплатами за еду и питье, которые иногда удваивали расходы на путешествие.

Если бы нам пришлось отправиться на одном из этих судов в «Святую землю», нас бы ужаснули скученность и отсутствие каких-либо удобств. Однако для людей той эпохи они были привычными. Ведь и в окна домов в те времена вставляли не стекло, а промасленный пергамент. По вечерам богачи зажигали восковые свечи, люди среднего достатка — жировые свечи, а бедняки обходились вовсе без света. Даже в замках зимой было холодно, и в комнатах спало по несколько человек.

«Когда мы поднялись на борт и раздали деньги, писец записал наши имена, род занятий и место жительства в два журнала, один из которых оставался на берегу. Мы представились морскому консулу, который защищает на борту судна интересы пассажиров. Он уверил, что нас не заставят участвовать в работах и что в его обязанности входит разрешение споров между нами и хозяином. Нам показали наши места. Каждый из нас имел право на место между палубами, размером один метр восемьдесят два сантиметра на шестьдесят пять сантиметров. Нам дали подстилку для лежания, но днем ее следовало вешать на перила по бортам».

Я перевел футы и дюймы в метрические единицы. Эти размеры соблюдались редко, и часто пассажирам приходилось спать валетом. На лошадей выделяли площадь 2,5 метра на 0,73 метра. Их погрузку поставила перед кораблестроителями той эпохи серьезную проблему. Грузить с помощью крана, как это делается сегодня, было невозможно как по причине малого количества и небольшой мощности подъемных средств того времени, так и по причине небольших размеров люков. Судостроители нашли решение (которое было использовано впоследствии во время второй мировой войны для погрузки танков и тяжелого вооружения на суда): в корпусе судна проделывали дверь выше ватерлинии. После погрузки лошадей дверь забивалась и законопачивалась. Многие древние суда погибли потому, что эти двери не выдерживали натиска стихий.

«Мы отправились поглядеть на лошадей в глубине корабля. Их нельзя оставлять на ногах из-за качки — они могут упасть и пораниться. Но они не могут и лежать долгое время. Их подвешивают под грудь и брюхо. Они касаются ногами пола, но не опираются на него. Ремни рванят кожу лошади, поэтому под них подкладывают солому. И им надо растирать ноги, чтобы они не затекали. И все равно по прибытии лошадей приходится заново учить ходить».

После погрузки пассажиров, лошадей и багажа судно отплывает в одиночку или вместе с другими судами. Караван судов времен крестовых походов состоял из галер и кораблей самого разного тоннажа, которые часто теряли друг друга из виду во время перехода. Церемония отплытия была на всех судах одинакова. Вначале люди на борту затягивали песню:

Поплывем во славу бога,
Чтобы испросить его благодати,
Дай нам силы, господи,
И храни нас, гроб господень.
Господи помилуй.

Затем начинались обычные на парусном судне работы—поднимались передние паруса, вытягивался якорь. Новая песня, “*Veni creator*”¹³, затем раздавалась команда капитана:

— Поднять паруса! С богом!

На корме развеваются флажки, звенят трубы. Им отвечают громкие крики провожающих (в том числе родных и друзей), собравшихся на причале. Выбирается на борт якорь, поднимаются паруса, судно покидает порт, используя, если нужно, весла.

Ричард Лондонский, Франческо де Барберино, Жуанвиль, Филипп де Мезьер и немецкий монах Шмидт по прозвищу Фабер оставили описания путешествий паломников по Средиземному морю, и можно восстановить, как проходил их обычный день.

На рассвете, когда многие из них еще спят, с полуяута доносится сильнейший свист. Слуга хозяина поднимает огромную хоругвь с образом богоматери, и все, кто может найти место на палубе, опускаются на колени для чтения молитвы “*Ave Maria*”.

Затем начинается уборка палубы—ее поливают морской водой из ведер, поэтому все собирают свои подстилки. В восемь часов—утренняя церемония, как и сегодня в национальном флоте. На корме поднимают флаг, а вернее, хоругвь.

Затем начинается месса. Она происходит ежедневно, а не только по воскресным дням. Но эта месса отличается от обычной. Ее называют «сухой мессой», поскольку нет освящения даров. На борт не берут святых даров—они могут утонуть во время кораблекрушения; никаких причастий, поскольку из-за морской болезни и причащающиеся, и священники могут не удержать просфору. Только Людовик IX добился того, чтобы на борту его судна производилось причастие. Верующие во время мессы молились богородице или своему святому.

«Дважды в день звук трубы возвещал трапезу. На кормовой надстройке стояли столы, но люди ели где придется. Глава нашей группы договорился с хозяином. Мы имели право на стакан мальвазии после пробуждения и ежедневно ели кур, которых взяли с собой живыми и, которых подкармливал повар. На каждые двадцать пять человек приходился один слуга».

В обычное меню входили солонина, соленая или вяленая рыба, соленые овощи. Этой пищи не хватало, и к тому же она была отвратительна. Она вызывала жажду, а вино, которое отпускали с большей легкостью, чем пресную воду (пол-литра воды в день на человека), жажды не утоляло. Некоторые знатные пассажиры садились за трапезу, укрывшись за занавесями или коврами, но их пища вряд ли была лучше.

«Скучнее всего тянулось время от еды до еды. Сражались в шахматы, кости. Музыканты пилюкали на скрипке, играли на флейте, бренчали на лютне, гитаре.

Позже стали играть и в карты, но монахи осуждали безбожное времяпрепровождение, им хотелось, чтобы паломники молились от зари до зари.

Мы беседовали с моряками, слушали их рассказы».

Моряки тех времен к «сливкам общества» не относились, а иногда среди них встречались и верные кандидаты на виселицу. Они от души веселились, пугая пассажиров фантастическими рассказами о морских чудовищах и обычаях африканцев. Они подрабатывали на продаже пассажирам спиртного, пищи, фальшивых камней с Востока и предметов, украденных у других пассажиров. Попадись они с поличным, их бы вздернули на рею.

«Сегодня, когда наш корабль попал в затишье, умер один из паломников. Его зашили в саван вместе с песком и спустили в море, а мы пели "*Libera me*"¹⁴.

В наше время в мешок с покойным кладут балластину, а в средние века клали песок, чтобы не лишать мертвеца «христианской земли», необходимой для вечного успокоения. Смертность в те времена была намного выше, и редкое путешествие обходилось без похорон. И скорбь, и развлечение.

«Каждый вечер происходила одна и та же церемония. Незадолго до молитвы богородице мы собирались на палубе, и корабельный писец распевал молитву на французском языке, затем читались литании на латыни, команда и офицеры подпевали, преклонив одно колено. Мы, стоя на коленях, распевали "*Salve Regina*"¹⁵, а потом по звуку трубы, как и утром, слуга хозяина поднимал образ богородицы. Три "*Ave Maria*", и мы отправлялись спать. Ночью нам мешали спать крысы и черви, которые рождались от сирокко».

Крысы кишели на кораблях всех наций вплоть до той поры, пока не стали использовать крысиный яд, полученный в пастеровском институте. Что касается присутствия червей, то оно объяснялось полным отсутствием гигиены, а не ветром сирокко. Нужды человеческого организма не способствовали улучшению ночного «комфорта». Ведра, стоящие вдоль рядов спящих людей, были маловместительны, а пассажиры, которые отправлялись в галюн на носу, ступали по спящим и часто опрокидывали параша. При волнении на море дела обстояли еще хуже: как писал Жуанвиль, «нужды отправлялись на месте».

Описания бурь, дошедшие до нас с тех времен, всегда носят драматический характер прежде всего потому, что простой люд любит драматизировать. Кроме того, опасность кораблекрушения была тогда куда больше из-за малой прочности судов и такелажа, перегрузок (ставших правилом в эпоху крестовых походов), а часто и по причине неумелых действий экипажа. Невежество и суеверные страхи только ухудшали дело. «Огни святого Эльма» на мачтах во время грозы пугали матросов не меньше, чем пассажиров. Все бухались на колени, вздымали руки к небу, и некому было бросать рею или убирать парус.

Хозяин или капитан командовал на судне единолично, а в случае кораблекрушения покидал борт первым по простой и веской причине:

в ту эпоху специалисты, в том числе знатоки навигации, встречались редко, и их жизнь ценилась на вес золота.

Паломники ступали на берег в Акре или Хайфе, где долгое время на берегу ничего не было, кроме лачуг и развалин. Добраться оттуда до Иерусалима можно было лишь на верблюдах. Наконец взглядам паломников открывался святой город — мощная крепость с высоченными стенами, колокольни и минареты, купол храма, увенчанный позолоченным крестом. Паломники собирались чаще всего у ворот святого Стефана и шли крестным путем на Голгофу, а затем в храм Гроба господня. Затем обходили городские кварталы, часовни, рынки, которые напоминают рынки сегодняшней Сирии или Ливана. В этой пестрой людской толчее встречались евреи, сирийцы, армяне, византийцы, французы, немцы, испанцы, венецианцы, генуэзцы.

Я уже говорил, что непосредственной причиной крестовых походов были препятствия, видимые мусульманами христианским паломникам. Сохранились сотни свидетельств о паломничестве в «Святую землю», но хронисты-современники не смогли пролить свет на все эпизоды этого массового и беспорядочного движения людей. Нас больше всего интересуют морские походы крестоносцев, но их следует вписать в общую картину событий.

Любопытно отметить, что историки не считают первым крестовый поход, собравший в 1096 году паломников по инициативе Петра Затворника. Это паломничество получило название народного крестового похода, поскольку в нем участвовал только простой люд и даже нищие. Они двигались по суше вдоль Дуная. Турки уничтожили их в Малой Азии под Сивито.

Поход, названный первым крестовым походом или крестовым походом баронов, начал подготавливаться после того, как на пресловутом церковном соборе 26 ноября 1095 года папа Урбан II призвал рыцарей к оружию. Было сформировано четыре экспедиционных корпуса. Два отправились морем и два — сушей. Все крестоносцы собрались в Константинополе, а затем двинулись в Малую Азию. Султан ждал их прибытия без страха.

— Не бойтесь, — говорил он своим военачальникам. — Этот враг, пришедший из далеких стран, где заходит солнце, устал от долгой дороги и, не имея достаточного количества лошадей, не сможет сражаться с нами на равных, с той же силой и яростью.

Но крестоносцы оказались в опасности с первых же стычек не из-за усталости. Их застали врасплох неведомые тактические приемы. Привыкнув к сражениям в броне, к медленным и тяжеловесным атакам, они столкнулись с жалящим роем стрел и быстрыми налетами турок-сельджуков, к чьей подвижности им никак не удавалось приспособиться. К счастью для крестоносцев, стратегия сельджукских военачальников уступала их тактическому умению; они не развивали успеха, а вражда между сектами вносила раздоры в их ряды. Армяне, которых использовали турки, сражались против христиан помимо своей воли и часто переходили на сторону противника. Главные турецкие силы были разбиты под Дорилеем¹⁶ (1 июля 1097 года), затем, после семимесячной осады, крестоносцы взяли Антиохию (3

июня 1098 года). 15 июля 1099 года был взят Иерусалим (бывший в руках турок с 1076 года). Вильгельм Тирский оставил нам очень живое описание дальнейших событий:

«Войдя в город, наши паломники преследовали и убивали сарацин до самого храма Соломонова, куда те отошли и где мусульмане сражались против наших с невероятной яростью целый день, и весь храм был залит их кровью. Наконец, раздавив язычников, наши захватили в храме множество мужчин и женщин, которых убивали или оставляли в живых по выбору. Затем крестоносцы рассеялись по городу, захватывая золото, серебро, лошадей и мулов, разоряя дома, ломившиеся от богатств. Затем, счастливые и со слезами радости в глазах, наши отправились поклониться гробу спасителя нашего Иисуса и отдать ему почести. На следующее утро они взобрались на крышу храма, напали на сарацин, мужчин и женщин, и обезглавили их, а многие из них сами бросились с крыши вниз. Узрев сие, Танкред исполнился возмущением».

Тремя годами раньше сарацины с такой же свирепостью расправились с паломниками под Сивито. Но они не прикрывались именем бога.

После того, как участники первого крестового похода захватили в 1099 году Иерусалим, было создано Иерусалимское королевство, которое просуществовало до 1291 года. Маленькое королевство, раздираемое династическими и наследственными сварами, вскоре сократившееся до размеров береговой полосы. Крестоносцы занимают крепости-города и замки, но не могут помешать мусульманам совершать набеги и грабежи. Полицейские функции берут на себя два религиозно-военных ордена.

Первый из них появился на сцене еще до народного крестового похода. В середине XI века Палестина зависит от египетского халифа. К 1050 году итальянские торговцы из Амальфи и Салерно добиваются от него разрешения построить в Иерусалиме гостиницу и приют для паломников. Приют был основан в честь Иоанна Крестителя, а монахи—врачи и санитары звались братьями-госпитальерами*. Поскольку им приходится лечить все больше паломников, пострадавших от мусульман, они решают, что лучше предупредить, чем лечить, и некоторые из них становятся военными, по-прежнему храня три обета—бедности, послушания и целомудрия. Количество военных растет, их патрули становятся все активнее, они строят и поддерживают в порядке военные сооружения, в том числе известнейший Крак-де-Шевалье (Замок Рыцарей). Но королевство быстро чахнет. Когда в 1187 году Иерусалим отобрали у христиан, орден иоаннитов перебирается в церковь святого Иоанна в Акре, а после падения этого города—на Кипр, затем на Родос и, наконец, на остров, давший им окончательное имя—«мальтийские рыцари».

Некий рыцарь из Шампани, Уго де Пен, о котором ничего не известно, основал в 1119 году в Иерусалиме другой религиозный и военный орден для защиты паломников—Нищенствующие рыцари Христовы. Вначале их было только девять, но при покровительстве святого

* От лат. *hospitālis*—странноприимный. (Прим. перев.)

Два военно-религиозных ордена обеспечивали безопасность паломников, направляющихся в «Святую землю»: Нищенствующие рыцари Христовы, ставшие позже тамплиерами, и госпитальеры святого Иоанна Иерусалимского, иоанниты, превратившиеся впоследствии в мальтийских рыцарей. На гравюре изображены тамплиеры

Бернара¹⁷ орден быстро вырос и разбогател. Король Иерусалима Бодуэн II разместил воинов-монахов во дворце по соседству с древним храмом Соломона, и их стали называть тамплиерами (храмовниками). В «Святой земле» тамплиеры соперничали с госпитальерами, и поначалу оба ордена даже выступали друг против друга, поскольку имели сходные задачи. Но земная мощь и богатство тамплиеров возросли скорее, и, покинув «Святую землю», они стали во Франции своего рода государством в государстве, заняв блестящее, но опасное положение банкиров короля.

Сегодня не только историки знают о процессе тамплиеров, происшедшем в 1307 году. Они были обвинены в идолопоклонничестве, богохульстве и содомии. На мой взгляд, лучшей книгой об этих событиях является труд Жоржа Бордонова. С объективностью, точностью и обстоятельностью он делает вывод о невинности тамплиеров, ставших жертвой абсолютной власти.

В эпоху крестовых походов госпитальеры имели своих представителей во многих средиземноморских портах: Отранто¹⁸, Бари, Пизе, Мессине и прежде всего в Марселе. Конкурируя с местными арматорами, они принимали паломников и крестоносцев и занимались их перевозкой в Иерусалим. Из посредников они превратились в арматоров, судовладельцев. Так началась их морская карьера.

Главным образом благодаря архивам ордена, сохранившимся на Мальте, удалось получить довольно четкое представление о путешествиях, совершавшихся в ту эпоху по Средиземному морю. Короли и крупные феодалы, отправлявшиеся в крестовые походы, собственного флота не имели (даже король Франции), они фрахтовали суда и галеры у частных арматорских компаний (в том числе и у госпитальеров) или у иностранных держав — государств или городов. Венеция, незаметно выросшая в своем убежище-лагуне, воспользовалась благоприятными обстоятельствами с невиданной ловкостью.

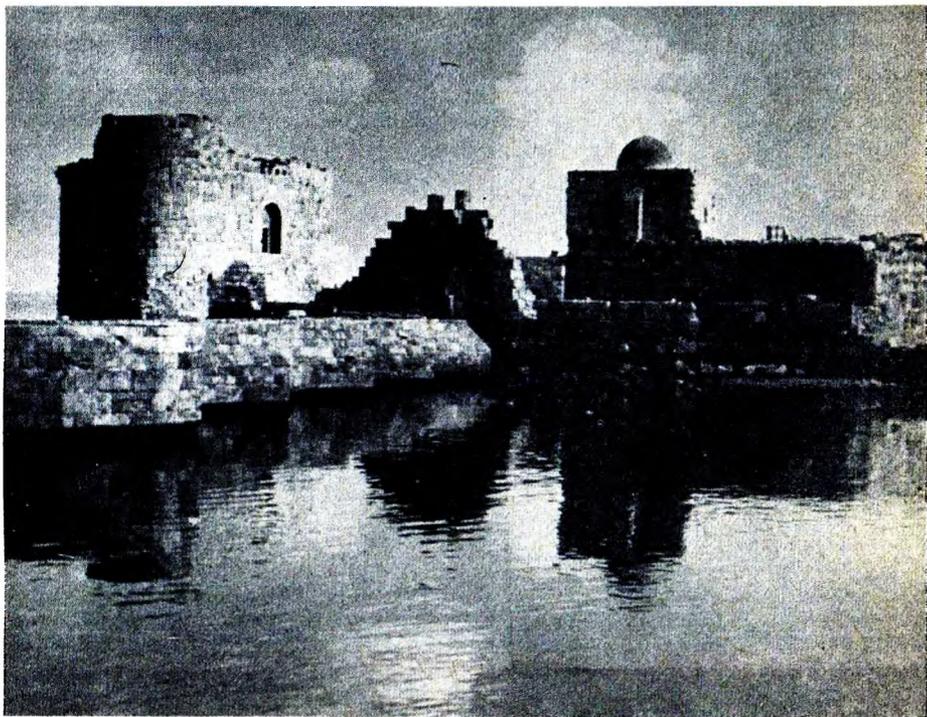
В те же годы арсенал Венеции, официальное государственное учреждение, разместившееся в восточной части порта, строил больше судов, чем любая другая верфь в мире. Сюда сушей и морем доставлялась древесина лучших европейских и малоазиатских пород. Кораблестроители и рабочие на верфях оплачивались как профессора и судебные чиновники. Суда фрахтовались еще до их выхода из арсенала. Желающих было предостаточно. Но суда лишь фрахтовались, их никогда не продавали. Таким образом, Венеция сохраняла и множила свое морское могущество, которому суждено было просуществовать долгие века.

В 1200 году французский рыцарь Бонифаций де Монферра начал готовить четвертый крестовый поход (по призыву папы Иннокентия III) и послал к венецианскому дожу полномочного представителя: — Нам нужны суда для перевозки в «Святую землю» четырех тысяч пятисот рыцарей, девятисот конюших, двадцати тысяч пехотинцев и припасов для армии на целый год.

— Список заказов переполнен,— ответил дож,— вы получите необходимые суда весной 1202 года.

Через несколько дней он указал цену за услуги—80 000 марок. В оговоренные сроки крестоносцы (часть их отплыла из Марселя) прибыли в Венецию. Их предводители сообщили, что смогли собрать лишь 60 000 марок.

Крепости и замки — следы пребывания крестоносцев на Ближнем Востоке. Сидонский замок. Сейчас Сидон расположен на территории Ливана

— Над этим нужно поразмыслить,— сказал дож.

Через несколько дней Совет мудрейших довел до сведения крестоносцев, устроивших лагерь на континенте, свое решение.

— Венеция соглашается предоставить кредит на недостающую сумму, если вы поможете отобрать у короля Венгрии захваченный им далматский порт Зара.

Кто платит, тот и заказывает музыку. Крестоносцы вынуждены согласиться. И когда они сказали «да», цели крестовых походов перестали быть религиозными в своей основе. Венецианские корабли с воинами покидают Венецию, добираются до далматского побережья.

Христианский город Зара (Задар) осажден и взят (1202 год) христианами, но это только начало.

Во время осады Задара к французским предводителям является сын свергнутого с трона василевса (дворцовые перевороты в Византии носят в эту эпоху эпидемический характер):

— Придите в Константинополь, верните власть моему отцу, и он отблагодарит вас. От его имени я обязуюсь выплатить Венеции недостающую сумму, а кроме того, к вашему походу присоединится Византия.

На борту одного из судов находится венецианский дож, знаменитый слепец Дандоло¹⁹. Он отплыл вместе с крестоносцами, чтобы проследить за выполнением обязательств в отношении Задара. Мысль о возможности получить недостающую сумму заставила его горячо поддержать предложение сына свергнутого василевса, и вожди крестового похода вынуждены согласиться. В двух словах расскажем о дальнейших событиях.

Весной 1203 года крестоносцы берут остров Корфу (Керкир), а 24 июня осаждают Константинополь. 17 июля после первого же приступа василевс-узурпатор Алексей III скрывается. Алексей II возвращается на трон и берет в соправители своего сына Алексея Ангела²⁰. Но когда крестоносцы начинают требовать обещанных денег, их просят подождать. Через несколько недель народный мятеж приводит к власти Алексея V.

— Над этим нужно поразмыслить,— снова заявил дож.

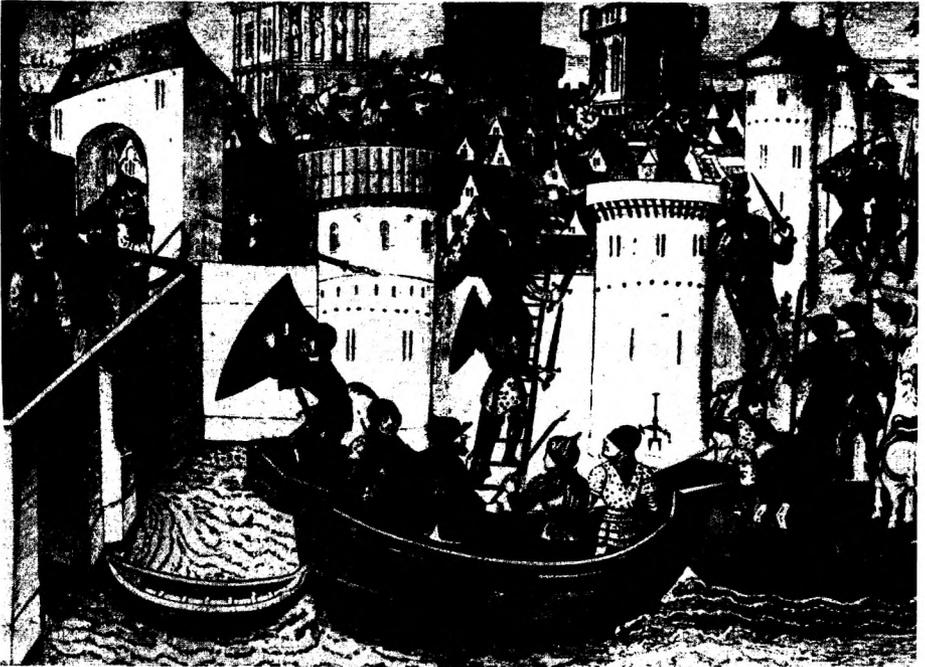
Результат его размышлений сформулирован в марте 1204 года в виде договора между дожем Энрико Дандоло и баронами-крестоносцами: захват Константинополя и раздел Византийской империи между участниками соглашения. 13 апреля город взят и подвергнут разграблению. Если вас интересует характер операции, перечитайте цитату из Вильгельма Тирского, которая приводилась выше по поводу взятия Иерусалима. Как и на Корфу, крестоносцы сражались с христианами и уничтожали их. Победители разграбили не только дома и дворцы, но и церкви. Основанная ими в 1204 году Латинская империя (столица— Константинополь) сменила Византийскую империю. Но просуществовала она куда меньше, чем Венецианская держава.

Захваченный в 1099 году крестоносцами Иерусалим в 1187 году перешел в руки египетского султана Салах-ад-Дина²¹, но затем в 1229 году его откупил Фридрих II Гогенштауфен. Окончательно христиане потеряли Иерусалим в 1244 году. В 1212 году, когда святой город принадлежал туркам, юный пастушок, присматривавший за стадом в окрестностях Клуа около Вандома, оставил своих овец и присоединился к религиозной процессии. Согласно легенде, когда он вернулся, овечки преклонили перед ним колени и ему явился господь в одежде паломника. Он вручил ему *письменный* приказ освободить гроб господень. Этьен призвал всех желающих присоединиться к нему. Мысль, что невинные безоружные дети смогут совершить то, что не удалось воинам, обескуражила взрослых. Как ни странно, но во многих семьях не противились уходу детей. Так называемый «кресто-

вый поход детей» был на самом деле не походом, а паломничеством. Он часто служил основой романтических произведений. А факты таковы.

Когда Этьен явился в Сен-Дени за одобрением короля Филиппа-Августа²², за ним уже следовало несколько тысяч паломников, его

Напаив 13 апреля 1204 года на Константинополь, крестоносцы выступили на этот раз не против мусульман, а против христиан и снова занялись грабежами и убийствами

ровесников. Король оказался в затруднении и поручил Парижскому университету решить дело. «Пусть дети вернутся в свои приходы»,— сказали доктора богословия. Но общественное мнение восстало против этого решения, обвинив духовенство в том, что оно присвоило поступающие пожертвования. Ослушавшись запрета, дети отправились на юг. Их количество росло. По сведениям хронистов, в Марсель пришло 30 000 детей.

Фанатическая щедрость простого люда придала паломничеству странный и довольно угрожающий характер. Этьен ехал в роскошной карете. К детям-паломникам присоединились старики, женщины и разные проходимцы. В Марселе пастух договорился с двумя арматорами, которые погрузили детей на семь судов. После удачного отплытия

два судна разбились на скалах у берегов Сардинии и затонули со всеми пассажирами и имуществом. А остальные суда пристали не к палестинскому берегу, а в Алжире и Александрии, где детей продали в рабство. Заметим, что экспедиция не была захвачена в море мусульманскими пиратами, как это случилось бы двумя веками раньше.

Многие историки полагали, что марсельские арматоры еще до отплытия заключили с турками вероломный договор и сознательно ввели в заблуждение детей. По мнению Эдуарда Баратье, хранителя архивов Буш-дю-Рон, в судебном разбирательстве упоминалось имя Уго Фера, советника графа Прованского.

«Марсель,— добавляет историк,— далеко не единственный порт, промышлявший этой гнусной коммерцией, очищавший юг от орд молодых нищих с севера, активных, голодных и вороватых». Это была суровая эпоха, поэтому понятно, что паломники требовали гарантий. Год или два спустя после крестового похода детей рассказывали, что множество этих несчастных детей и подростков работает на африканской каторге. Во время шестого крестового похода (1228—1229) Фридрих II выкупил у египетского султана несколько сот детей, в том числе и Этьена, которому исполнилось уже тридцать лет и который остался таким же простодушным фанатиком. Вернувшись в Европу, он стал скитаться по деревням, рассказывая странные истории о великом и жестоком государе, которого он называл Горным Старцем.

В 1240 году Эгю-Морт был обычной бедной деревушкой, зависящей от соседнего аббатства Псалмоди. Ее окружали гиблые болота. Единственным средством существования была рыбная ловля. Чтобы выйти в море, доступ к которому преграждали песчаные отмели и лагуна, рыбаки использовали небольшие плоскодонки.

В 1240 году настоятель аббатства объявил жителям Эгю-Морта, что они переходят в руки другого владельца. Все окрестные территории купил король Франции. Удивлению не было границ, когда выяснилось, что Людовик IX приобрел Эгю-Морт ради устройства собственного морского порта. Он решил примкнуть к крестовым походам, но не желал отплывать из города, принадлежащего его вассалу (Марселем владел граф Прованский). Он хотел создать на Средиземноморском побережье французский порт.

Сотни землекопов и каменщиков вскоре прибыли на место и приступили к рытью канала через лагуну. Он должен был быть достаточно длинным, широким и глубоким, чтобы к причалам будущего порта могли проходить морские суда. Поднимались каменные городские стены и строения, царил оживление, местные жители богатели. Появились торговцы, мелкая знать, которых притягивали, несмотря на нездоровый климат болот, привилегии, данные жителям будущего порта.

Король тяжело заболел и дал обет совершить крестовый поход. Его мать, королева Бланка, вначале противившаяся этой затее, уступила королевской воле и была объявлена регентшей на время отсутствия короля.

Суда экспедиции, нанятые в Марселе, Генуе и Венеции, начали прибывать, как только был прорыт канал длиной 5 километров и построены причалы. Судно, на борту которого должен был плыть Людовик IX, назвали «Ля Монжуа»; на нем оборудовали несколько относительно просторных кают для королевской четы (Маргарита тоже отправлялась в путешествие) и братьев короля.

Людовик Святий вступает на борт своего судна в Эгю-Морте. Переход до Кипра оказался чрезвычайно быстрым для того времени и занял всего двадцать три дня

Людовик IX со свитой отбыл из Парижа 12 июня 1248 года, а в Эгю-Морт его кортеж прибыл в августе. Тридцатичетырехлетний король выглядел очень молодо. 25 августа 1248 года экспедиция отплыла из Эгю-Морта. Без всяких происшествий она совершила самое длинное морское плавание в истории крестовых походов (Эгю-Морт—Дамьетта (ныне Думьят), с одной остановкой на Кипре)—хороший пример того, насколько безопасно было плавание по Средиземному морю в ту эпоху. Переход Эгю-Морт—Кипр продолжался двадцать три дня.

Стоянка на Кипре оказалась более чем зимовкой, поскольку длилась восемь месяцев. Военачальники экспедиции велели построить плоскодонные лодки для высадки на палестинские берега. Людовик IX вел на Кипре образцовую жизнь, приказывая будить себя, как и в Париже, к заутрене и трехчасовой дневной молитве, участвуя во всех мессах, соблюдая «пост целомудрия» накануне праздников. Его же сеньоры и бароны широко пользовались всем, что давал этот богатый остров, и постоянно находили всякие предлоги, чтобы задержать отплытие. Наконец, в мае 1249 года, утром в троицу²³, экспедиция покинула Кипр. Буря разметала корабли, но королевское судно 1 июня первым подошло к берегу вблизи Дамьетты.

5 июня крестоносцы атаковали Дамьетту. Жуанвиль сообщает, что король «прыгнул в море, вода доходила ему до подмышек. Со щитом на шее, шлемом на голове и копьем в руке он вышел на берег впереди своего войска». Наша книга не преследует цели рассказывать о сухопутных битвах крестоносцев, к тому же битва не состоялась, поскольку эмир Фахр-ад-Дин отступил, едва увидев французов. Известно, что позднее крестоносцев разбили под Эль-Мансурой. Шла долгая война на изматывание, в которой верными союзниками мусульман были тиф и дизентерия. Людовик IX попал под Эль-Мансурой в плен, и его пришлось выкупать (часть денег дали тамплиеры). Он оставался в Иерусалимском королевстве еще четыре года, безуспешно пытаясь примирить враждующих и разобщенных христиан. Людовик IX отплыл обратно во Францию в 1254 году, почти через два года после смерти королевы Бланки Кастильской.

Сразу после отплытия с Кипра, когда король спал в своей каюте, раздался страшный удар, и судно остановилось. Людовик IX поднялся на палубу в ночной рубашке.

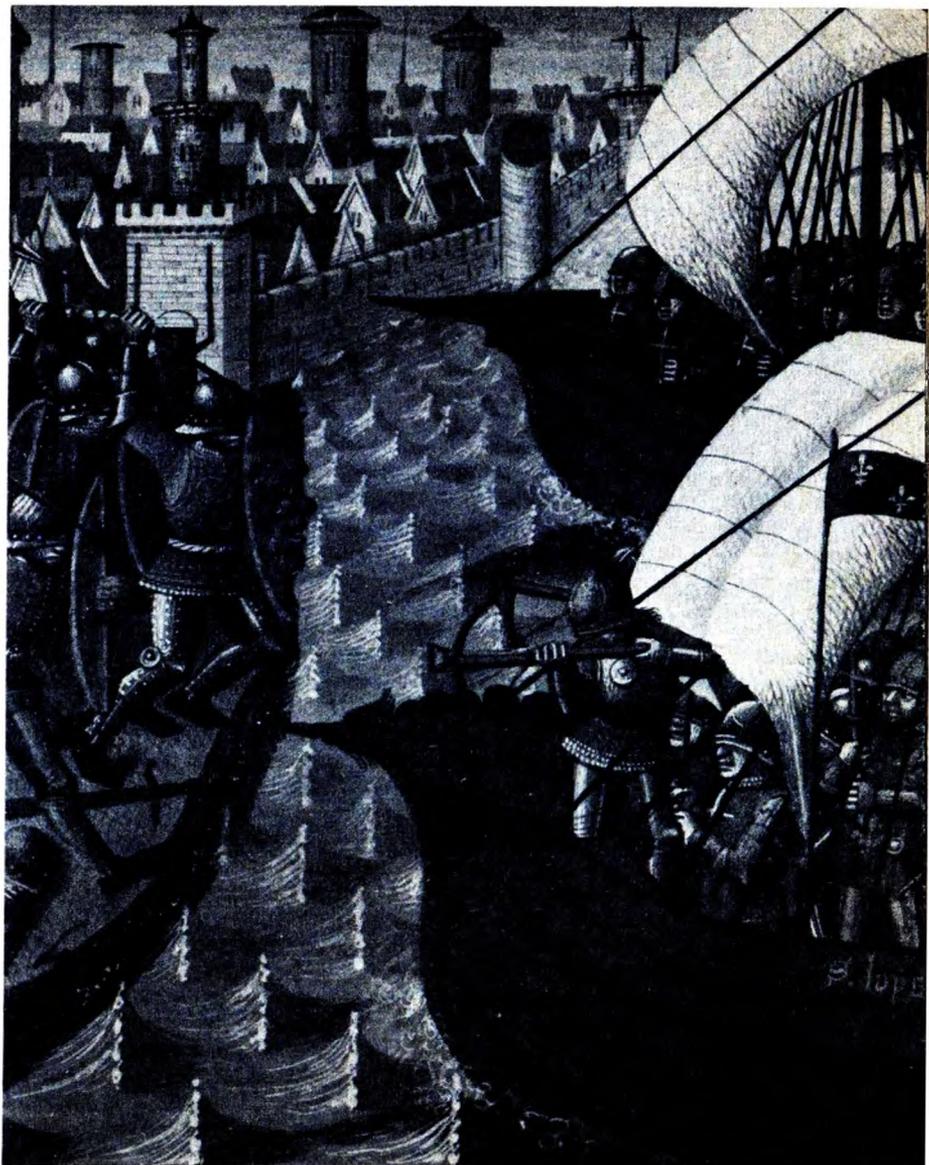
— Сир, мы наткнулись на скалу. Нырятьщики осматривают корпус. Авария оказалась серьезной, и капитан посоветовал королю пересечь на другое судно, поскольку тоже приготовился покинуть корабль.

— Нет,— ответил король.— Если я сойду с этого судна, больше пятисот человек не захотят покинуть остров из страха перед опасностями, и им, может быть, больше никогда не доведется увидеть родины. Вручаю в божьи руки свою участь и участь моей супруги и моих детей.

Королевская чета возвращалась с тремя детьми—четыре, двух с половиной лет и десяти месяцев.—родившимися в «Святой земле», и королева Маргарита была снова в положении. Королевское судно не покинул ни один человек. Его удалось отремонтировать и снять со скалы. Обратное путешествие проходило в мрачной обстановке. Король никак не мог утешиться: под Эль-Мансурой погиб его брат; его любимая мать скончалась вдали от него, а Иерусалим остался в руках неверных. Людовик IX хотел даже отречься от трона и постричься в монахи. На королевском судне не решались смеяться и громко разговаривать. Даже королева Маргарита взвешивала каждое свое слово, чтобы не прогневать государя.

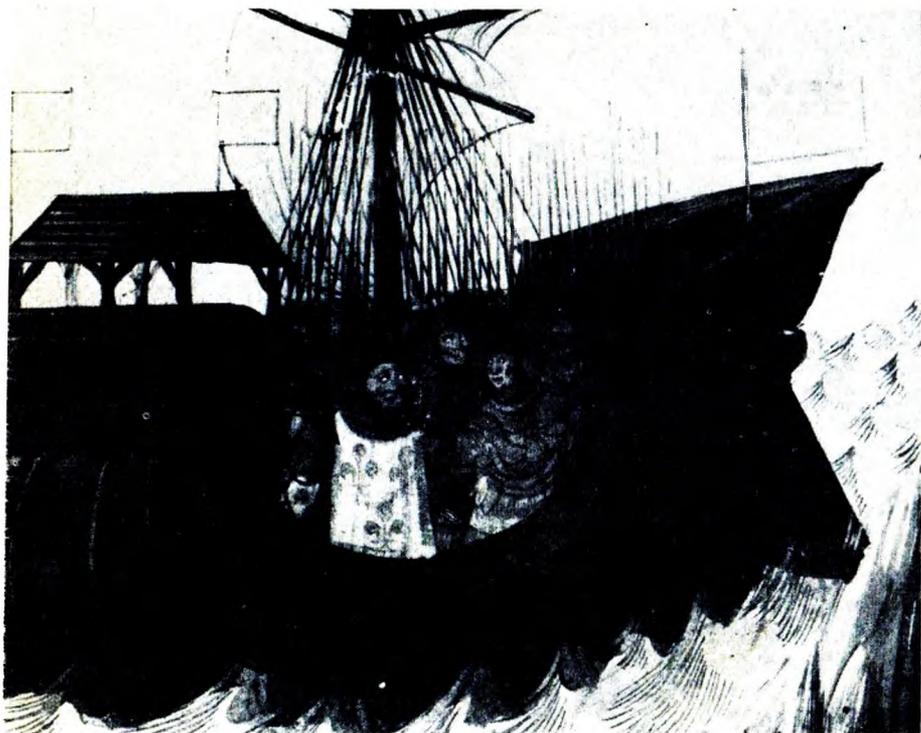
Обогнув Сицилию, капитан решил на несколько часов остановиться у острова Пантеллерия и пополнить запасы. Этот вулканический остро-

Людовик Святый (внизу справа с крестом в руках, рядом с епископом) при взятии Дамьеты

вок славился своими садами. На берег отправились две шлюпки, в одной из них сидело две дюжины молодых рыцарей.
— Мы хотим набрать лучших фруктов для королевы.
Они действительно этого хотели, но, оказавшись на суше, на время забыли о безрадостном судне и за развлечениями пропустили момент,

Король — вероятно, Людовик Святой — возвращается во Францию после крестового похода. Эти миниатюры (XIV век) выполнены без соблюдения пропорций

когда шлюпка с припасами отправилась на судно. Людовик IX спросил, почему не дают сигнала к отплытию. Когда ему наконец осмелились доложить об опоздавших рыцарях, он взорвался:

— Оставить их здесь!

К счастью, провинившиеся рыцари уже плыли обратно.

— На борт не принимать! — приказал король. — Взять лодку на буксир!

Море было беспокойным. Жуанвиль не сообщает, сколько времени длилось наказание. Но когда королева упросила короля смиростивиться, молодые люди поднялись на борт в самом жалком виде.

Новость о провале крестового похода и возвращении короля достигла

Франции. Жители Эгю-Морта понапрасну вглядывались в горизонт, надеясь увидеть паруса. Людовик IX высадился 10 июля в Йере и тут же отправился в Париж. В Эгю-Морте он появился лишь шестнадцать лет спустя, больной и хилый; он отправлялся в новый крестовый поход.

Пришла осень. На море начались бури, на Эгю-Морт обрушились тучи комаров с окрестных болот. И в это время сюда долетела весть о смерти Людовика Святого в Тунисе. Чума сначала сразила сына

короля, графа Неверского, родившегося во время предыдущего крестового похода, а затем и самого короля.

Чувствуя приближение смерти, король возлег на ложе из пепла и умер, сложив руки крестом. Жители Эгю-Морта плакали, слушая эти рассказы. Они оплакивали и короля, и себя, предвидя, что их порт, созданный ради крестовых походов, уже никогда не вернет себе былой славы.

IV

Гробница Барбароссы

1432 год. Жанну д'Арк сожгли на костре год назад. Франция почти совсем освобождена от англичан, но обескровлена, разорена и одета в траур; король Карл VII не может войти в столицу, захваченную бургундцами. Король ищет среди своего окружения людей, способных наладить управление государством и поправить финансы, вернуть доверие к королевской власти.

Такой человек есть. Он окажет королю всемерную помощь—и король оплатит ему черной неблагодарностью. Ему тридцать семь лет. Он живет не во Франции, а в Ливане, на Средиземноморском побережье. Его встречают на причалах Бейрутского порта, когда он беседует с турецкими негодьями. У него приятное лицо, красивые глаза, чуть длинноватый нос. Его имя—Жак Кёр. Он сын торговца мехами из Буржа и женат на дочери местного прево.

Когда торговые дела в стране идут из рук вон плохо, предприимчивые люди ищут удачи на стороне. Так поступил и Жак Кёр. Западная Европа обеднела от войн, а восточная часть Средиземноморья, после того как франки уничтожили пиратов-мусульман, стала центром торговли Востока и Запада. В качестве посредника, как уже говорилось, чаще всего выступает Венеция.

О начале деятельности Жака Кёра за границей известно мало, главным образом из-за его скрытности. Позже он высек на стенах своего дворца в родном городе Бурже два изречения, резюмирующие его философию: «Отважному сердцу нет преград» (намек на свое имя: Кёр по-французски означает «сердце») и «Рот закрыт, муха не влетит». Неизвестно, чем расплачивался Жак Кёр за товары, ввозимые во Францию. Ни земли, ни французские предприятия не производили товаров, годных для экспорта, а королевскую монету за границей брали плохо.

Спекуляция драгоценными металлами, предполагают некоторые историки. Жак Кёр входил в группу людей, которой было поручено чеканить деньги, когда Карл VII сделал своей столицей Бурж.

Карл VII не без пользы для себя добыл для Жака Кёра драгоценные

металлы, правда, доказательств этому не сохранилось. Известно только, что некоторое время спустя после первого появления Жака Кёра в Леванте¹ он оказывается владельцем семи галер и нескольких судов. Они курсируют между Генуей, Марселем, Эгю-Мортом, Барселоной, Египтом и Кипром, перевоза (французская индустрия к тому

*Жак Кёр
(1395—1456).
одна из замечательных
людей своего
времени: торговец,
арматор, меценат,
министр финансов
и спаситель казны.
Карл VII отнесся
к нему с истинно
королевской
неблагодарностью*

времени оправилась) лионские шелка, буржское сукно, серебро из лионских рудников, а также пряности из Сирии и с Кипра, дамаскую парчу, то есть самые ценные восточные товары вплоть до тибетского мускуса.

Жак Кёр был гением коммерции и организации. Быстрота, с которой он создал свою заморскую торговую сеть, поразительна. Затем он вовлекает в свои дела принцев и самого короля. Его успех таков, что в 1439 году, через семь лет после начала «дел», Карл VII назначает его «королевским казначеем», иначе говоря, министром финансов. Через три года Жак Кёр становится одним из влиятельнейших лиц в королевстве. И самым богатым человеком, что, конечно, вызывает у прочих зависть.

То, что он спекулировал и заручился поддержкой всех королевских служб, платя иногда баснословные комиссионные, ясно любому. Деньги давали власть и тогда, и теперь. Те, кто получил от Жака Кёра мало или вовсе ничего, решили погубить его. Ему ставили в упрек, что он построил себе замок, жил в роскоши, богатстве. Никто не вспоминал о его полезных начинаниях — об улучшении путей сообщения на юге Франции, оборудовании нескольких портов и каналов, денежной реформе 1449 года, которая повысила курс национальной монеты и позволила провести кампанию по освобождению Нормандии от англичан: он отдал безвозмездно и без выгод для себя 140 000 золотых эю. Какой меценат может похвастать подобным? Но его погубила не роскошь. Начиная с 1450 года его должниками оказались знатнейшие люди королевства. И его падение было в их интересах.

— Он зарабатывает за год столько, сколько все остальные торговцы королевства вместе взятые.

— Его торговля разоряет всю коммерцию Лангедока.

— Он в заговоре с дофином Людовиком.

Отец ненавидел своего наследника, будущего Людовика XI. И наконец, последнее и самое ужасное обвинение:

— Он собственноручно отравил Агнес Сорель, фаворитку короля.

Последняя стрела выпущена итальянцем Каstellани, состоящим на службе Венеции, которая считает, что удачливый конкурент Жак Кёр продолжает свою деятельность слишком долго. Говорить об отравлении абсурдно, поскольку фаворитка всегда поддерживала Жака Кёра. Это обвинение во время процесса не будет фигурировать. Но обвинение во взяточничестве поддержано.

— Я верю в королевское правосудие и отдаю в руки властей на все время следствия.— заявляет Жак Кёр.

Как мог столь многоопытный человек не знать о неблагодарности сильных мира сего? Карл VII ставит во главе следственной комиссии Каstellани. Восемнадцать месяцев длится заключение — столько времени идет следствие. Жак Кёр убит горем, узнав о смерти жены. Карл VII сам ведет заседание Большого Совета. Жак Кёр, человек, так много сделавший для государства, которому сам король должен 250 000 золотых эю, приговорен к конфискации имущества и штрафа в 500 000 золотых эю.

— Как же я могу уплатить штраф, лишившись всего? Умоляю короля сжалиться надо мной и моими бедными детьми!

В тюрьму! Почему еще не нашлось режиссера, чтобы снять историю жизни этого удивительного человека? В одну из октябрьских ночей 1454 года Жак Кёр таинственно исчезает из замка Пуатье, где его держат пленником. У него есть не только враги. Преданные друзья прячут его сначала в одном, затем в другом монастыре. Полиция короля разыскивает его. Как-то во время мессы в часовне Корделье в Бокере шестеро наемников Каstellани (последнего назначают главным казначеем, а через два года арестуют за оскорбление короля и колдовство) пытаются заколоть Жака Кёра; он успевает скрыться от убийц. Затем он чудом избегает двух попыток отравления с помощью мышьяка. Наконец ему удается покинуть Францию и добраться до

Рима. Он спасен. Но беглец никогда уже не вернется во Францию и не увидит своих детей.

Жак Кёр, конечно, владел имуществом и имел должников не только во Франции («Отважному сердцу нет преград»), и мужество не покинуло его. Он снова расправляет крылья, и через некоторое время после его появления в Риме папа Каликст III, севший на папский престол после Николая V, вверяет ему снаряжение шестнадцати галер и командование ими. На время экспедиции, имеющей целью помочь Родосу в войне против турок, ему присваивается звание «генерал-капитан церкви в борьбе с неверными». Жаку Кёру шестьдесят лет. Долгая жизнь для той эпохи. Он много работал, путешествовал, познал несправедливость, пережил смерть жены и разлуку с детьми. 25 ноября 1456 года он умирает на острове Хиос, и тамплиеры хоронят его в своей церкви под могильной плитой в форме сердца.

Не добившись успеха на Средиземном море. Жак Кёр не смог бы так возвыситься во Франции, а успех этот оказался возможным лишь в короткий момент истории Средиземноморья, когда плавания по этому морю оставались довольно безопасными. Оно уже не было «мусульманским озером». Но близился период перемен. Более того, перемен уже начались.

Арабы и берберы занимали часть Иберийского полуострова с 713 по 1492 год, пока Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская не отвоевали у них последнее крохотное королевство — Гранаду. Постепенно все испанские арабы были вытеснены в Африку. Их называли там маврами и часто оказывали им прохладный прием.

— Где найти для них хлеб и работу? — спрашивали магрибские арабы. — Нам нужны рабы, а не конкуренты.

Враждебность иногда проявлялась с такой силой, что случались убийства и резня; потом, как и при всех массовых переселениях людей, все успокоилось. Мавры принесли из Испании секреты ирригации, и их с удовольствием стали нанимать в садовники; нашли применение своему умению ткачи и ювелиры. И выяснилось, что возвращение мавров пошло Магрибу² на пользу. Те, кто не смог подыскать себе постоянного занятия, особенно переселенцы, горевшие ненавистью к испанцам, вернулись к промыслу, захиревшему было с установлением христианского владычества на Средиземном море. Возобновилось морское пиратство.

Мавры-бедняки нанимались в матросы.

— Откуда ты? — спрашивает хозяин фелюки.

— Из Альмерии. Я хорошо знаю испанское побережье между Альмерией и Торремолиносом.

И его тут же берут кормчим. Иные из мавров не только хорошо знают побережье, но и имеют в Испании сообщников. Арабы возобновляют на испанском побережье старую традицию грабежей и похищений.

Некоторые мавры имеют деньги. Они оплачивают пиратские операции либо возглавляют их. И вновь раздувают пламя «священной войны», которую когда-то вели всадники Аллаха.

Разница лишь в том, что теперь христиане могут дать отпор. Из Италии, Прованса и со всех средиземноморских островов, перешедших в руки христиан,—Балеарских, Сицилии, Корсики, Сардинии, Мальты—уходят корабли. Они нападают на мусульманские торговые суда, ведут борьбу с пиратами-мусульманами и опустошают магрибские берега. Пиратство и грабежи становятся *взаимными*.

Следует отметить, что капитаны пиратов-христиан не гнушаются ничем, они не обращают внимания на религиозную и национальную принадлежность. Жителей Майорки равно боятся и христиане и мусульмане. Случались годы, когда сицилийские и каталонские корсары (далеко превзошедшие в наглости прежних арабов) блокировали всю морскую торговлю в Адриатике.

После каждого набега на их берега испанские и португальские принцы организуют карательные экспедиции редкой жестокости против побережья Северной Африки, а также некоторых внутренних городов и поселений. В 1399 году испанцы доходят до Тетуана, уничтожают город и все его население, за исключением сильных мужчин, обращенных в рабство. В 1415 году португальцы поступают точно так же в Сеуте, а в 1471 году—в Танжере. Но эти операции не заставляют мусульман прекратить «священную войну». Еще одно событие, которое произошло в противоположной части Средиземного моря,—взятие Константинополя турками-османами³ в 1453 году—только усиливает пиратство на море.

Турки, укрепившись на побережье Малой Азии и Ионических островах, захватили греческое и балканское побережье и развернули пиратскую деятельность, нарушая венецианскую и генуэзскую торговлю. Кто высказывает недовольство? Конечно, Венеция и Генуя. Но не только они. В Греции и на Балканах раздаются протесты местных пиратов-заправил.

— Наш скромный промысел процветал, а теперь турки с их громадными средствами разоряют нас! Либо они вытесняют нас, либо превращаются в столь алчных сообщников, что нам ничего не достается.

Для удобства я перевел эти речи на современный язык, но реальность именно такова—свидетельства тому сохранились в переписке и хронике тех времен. Средиземноморское пиратство—подлинная индустрия с официальной торговлей, со своими ремесленниками и областями деятельности.

Может быть, греческие и балканские пираты и хотели бы заниматься более честным делом, но у них нет такой возможности—их страны бедны. Что же делать? Выход для обездоленных жителей страны всегда один и тот же: эмигрировать. Куда? Как ни странно, в Магриб. Мелкие греческие пираты, как эмигранты всех эпох, берут с собой семью, своих родичей и друзей. Они так объясняют свое решение соотечественникам:

— Арабские царьки в Магрибе не так сильны, их удовлетворит небольшая дань, а христианская торговля в Западном Средиземноморье так обширна, что работы хватит всем.

Эти эмигранты, довольные своей судьбой, не обращают внимания на мелкую деталь—обрезание. Они становятся ренегатами⁴. Мусульмане

Магриба приняли их при одном условии—отказаться от христианской веры. Современный человек легко поверит, что эти профессионалы пиратства, стремившиеся к обогащению, отказывались от своей веры без особых угрызений совести.

Известно, что добровольцы-эмигранты, обладающие хотя бы минимумом предприимчивости и таланта, обычно процветают на новом месте, вдали от родины: пример тому—ирландцы в США. В Магрибе несколько балканских пиратов станут великими корсарами, перед которыми будет трепетать Европа XVI и XVII веков.

Христианская Европа, лишь слегка потревоженная возобновлением мусульманского пиратства в Средиземном море, убаюканная сознанием своего господства, вдруг разбужена корсарским налетом: это было словно гром с ясного неба.

1504 год. Две военные галеры отплыли из Генуи в Чивитавеккья (западный берег Италии на широте Корсики), где им предстоит взять под охрану караван судов с ценными товарами. Они плывут, не видя друг друга, одна галера идет в нескольких милях впереди. На ее борту находится капитан Паоло Виктор, начальник обоих судов.

На корме и того и другого судна развевается желто-белый флаг с ключами святого Петра—галеры принадлежат папе Юлию II. Его суда прекрасно вооружены, и их считают едва ли не самыми надежными. Офицеры принадлежат к римской знати, гребцы—рабы-мусульмане, работающие под кнутами надсмотрщиков.

Стоит чудесная погода, море спокойно, дует легкий бриз, галеры идут на веслах со средней скоростью. Когда первая галера проходит около острова Эльба, дозорный сообщает о судне, идущем встречным курсом. Через некоторое время становится ясно, что впереди—галиот, легкое судно, нечто среднее между фелюкой и галерой. Его парус поднят, но работают и весла. Многие капитаны каботажных судов тех времен, в том числе и мусульмане, плавают на галиотах. Но в это чудесное утро 1504 года капитан Паоло Виктор спокоен, мавры в районе Эльбы не появлялись давно. Более того, видно ли, чтобы галиот напал на столь мощный корабль, как папская галера!

— Опять нищие корсиканцы,—говорит один офицер капитану.— Будут выпрашивать еду.

— Но ведь рядом Эльба.

— Эльба не дает, а продает. Эти рассчитывают на милостыню святого Петра.

Суда, идущие встречным курсом, быстро сближаются, и когда одно из них делает неожиданный маневр, то на другом недоумевают. Удивленный Паоло Виктор по-прежнему сидит в своем кресле на корме около рулевого, в то время как галиот вдруг резко поворачивает и пристает к носу галеры. Капитан не успевает ничего сообразить. Несколько офицеров и солдат, находящихся на палубе, падают, скошенные тучей стрел, а через десять секунд атакующие уже на борту галеры и яростно орудуют саблями. Во главе пиратов приземистый человек в тюрбане. Его рыжая борода пылает огнем.

Фактор неожиданности сыграл свою роль. Мавры сбрасывают трупы в море, а оставшихся в живых загоняют в трюм. Мавры-гребцы

приветствуют победителей, но бородач велит им замолчать. У него свои замыслы. Кто же он, этот бородач?

Его зовут Арудж. Он сын гончара-христианина, который перебрался в Митилену после ее захвата турками. В шестнадцать лет Арудж переходит в мусульманство и нанимается на турецкое пиратское судно. Но его тайное желание — выбиться в капитаны. Став капитаном, он тут же начинает разжигать своих матросов:

— Сколько же мы будем гнуть спину на турок? Кто со мной?

Получив одобрение команды, Арудж направил свое судно в Тунис. Бей, узнав, что он мусульманин, принял его с распростертыми объятиями.

— Можешь ставить здесь свой корабль и пользоваться всеми портовыми льготами. За это будешь отдавать мне двадцать процентов добычи.

Арудж не спорил, но через полгода, став самым добычливым тунисским пиратом, добился скидки на десять процентов.

Смелое нападение завершилось захватом папской галеры. Но на горизонте показались паруса второй галеры. Помощники Аруджа советуют:

— Нужно поднять паруса и двигаться к югу. С парусом и христианскими собаками на веслах мы быстро оторвемся от преследователей.

— Но я хочу заполучить и другую галеру!

Не слушая возгласов протеста и советов, Арудж отдает приказы, которые вначале удивляют его подчиненных. Он велит христианам снять одежды и отдать их маврам; те переодеваются и в открытую расхаживают по палубе, Галиот взят на буксир.

Вторая галера приближается и без всяких опасений подходит вплотную в уверенность, что захвачено пиратское судно.

— Причаливайте, у нас есть пленники! — кричит Арудж.

Хитрость открылась слишком поздно: новая туча стрел, новый абордаж, вторая удача. Гребцы-мусульмане освобождены, вместо них сажают христиан, и вперед, в Тунис!

Захват галер вызвал отклики во всем Средиземноморье и спровоцировал события, о которых мы расскажем ниже. Они словно взяты из романа с продолжением, но исторические факты неоспоримы.

Действия Аруджа вызывают взрыв энтузиазма среди средиземноморских авантюристов всех мастей — греков, итальянцев, левантийцев. Весь этот сброд, отрехшись от христианской веры, направляется в Тунис и поступает на службу к бею, в распоряжении которого оказывается таким образом небольшой личный флот. Пираты начинают грабить испанское побережье и торговые суда.

Реакция Фердинанда Католика⁵ не заставляет себя ждать. Его флот блокирует порты Магриба, его солдаты берут Оран, Беджаию и остров Ле-Пенон — ключевую позицию у входа в порт Алжир. Пиратство пресечено, но испанские победы сопровождаются столь же жестокой резней, как и экспедиции столетней давности против Тетуана, Сеуты и Танжера. Арабские князья склоняют головы, просят милости и соглашаются на испанский протекторат. Город Алжир платит Фердинанду V дань.

Флот Аруджа крейсирует вдоль побежденного побережья. Неужели ему тоже придется просить милости?

— Никогда. Я отобью все магрибские порты.

Дата его клятвы хорошо известна—1515 год. Эта дата знаменует важный исторический поворот—пиратство перестает быть промыслом, оно становится новой фазой борьбы между христианством (вначале представленным только испанским королем) и мусульманством за обладание Средиземным морем.

*Карл V, один из
опаснейших против-
ников арабов*

Алжирцы, воспользовавшись смертью Фердинанда Католика (1516 год), восстают против Испании. Они призывают на помощь Аруджа:

— Помогите отобрать Ле-Пенон.

Во главе восставших стоит мелкий мавританский царек Селим. Арудж является на помощь, высаживается и, дабы обеспечить себе руководство мятежом, велит удавить Селима. Затем во главе своей армии совершает поход, пройдя Алжир, Тунис и часть Марокко. Под Беджаией он теряет руку, но это не останавливает его. Он расправляется с мелкими внутренними князьками (кто удушен, кто утоплен), обвиненными в той или иной форме сотрудничества с испанцами. Он так увлекается репрессиями, что не обращает внимания на ропот недовольства в Магрибе.

— Стало хуже, чем во времена испанцев!

И призвавшие его алжирцы восстают и обращаются за помощью к испанцам! Скорый на решения Карл V⁶ не колеблется:

— Послать десять тысяч отборных воинов!

Речь шла о «страшной испанской пехоте». И Арудж, которому до сих пор все удавалось, глупо попадает в засаду в Тлемсене вместе с полуторатысячным отрядом. В его обозе золото и драгоценные камни, которые он возит с собой, словно простой кочевник. Уклонившись от битвы, он поспешно отходит к Алжиру, надеясь укрыться там, но он плохо знает обстановку. Пытаясь задержать продвижение преследующего его испанского военачальника, он щедро сыплет золотом и драгоценными камнями. Но маркиз Комареса неподкупен — им движут долг и честь. Испанцы настигают мусульман на переправе через какую-то речку. Видя, что его арьергард вступил в бой, Арудж храбро бросается в сражение и почетной смертью кончает свою карьеру великого авантюриста (1518 год).

Деятельность Аруджа не более чем пролог к карьере его младшего брата.

Брат «работал» под началом Аруджа. Мы не знаем, насколько он моложе, но, согласно восточным обычаям, Хайр-эд-Дин (Хайраддин) держался в тени, пока всем заправлял его брат. После смерти Аруджа младший брат выходит на арену. На западе он известен под именем Барбароссы. Рыжая борода была у Аруджа, но Хайр-эд-Дин унаследовал семейное прозвище и, чтобы оправдать его, красил бороду хной. Барбаросса выше брата, атлетически сложен и имеет величественную осанку. Храбрости и тщеславия у него оказалось не меньше, чем у брата, который передал ему свои познания в военных и морских делах, но взгляды Хайр-эд-Дина куда шире и глубже — у него подлинный талант государственного деятеля.

Он проявляет свое умение сразу же, получив в наследство от брата и могущество, и непопулярность одновременно. В Магрибе царит анархия, и испанцы захватывают новые плацдармы. И здесь проявляется дипломатический гений Барбароссы. Он понимает, что не может утвердить своей власти без помощи могущественного государя. И тут же признает султана Константинополя своим сюзереном на всей территории Магриба, как захваченной, так и той, которую готовится захватить.

Как и Барбаросса, Селим I — умный политик. Получив акт о признании его власти, он призывает великого визиря:

— Объявляю Алжир пашальком⁷, а Хайр-эд-Дина возвожу в беглей-бен.

Беглейбен означает «эмир эмиров», и во всей Османской империи их только семь. Почетное звание? Не только: оно носит и религиозный характер, а в арабском мире это имеет важное значение. Затем Селим I велит послать Хайр-эд-Дину четыре тысячи янычар.

Слово «янычары» часто употребляют, не зная истинного смысла. Не будем описывать истории этих войск, но скажем, что это были

главным образом христианские дети, захваченные в плен во время набегов. Их воспитывали в военном духе, и они составляли личную гвардию султана: они подчинялись только ему и проходили лучшую боевую подготовку. Из них формировался отборный корпус. Подарок в четыре тысячи янычар был истинно царским, и Барбаросса сумел

Барбаросса, известнейший из пиратов, наводивший ужас на Запад в XVI веке. Его жизнь была насыщена невероятными приключениями

извлечь из него пользу. Через год он стал полновластным хозяином алжирского побережья, исключая крепость Пенон, которую испанцы удерживали еще десять лет.

Во всеуслышание Барбаросса заявлял: «Это шип, вонзенный в нашу плоть», но доверенным лицам говорил:

— Пустяки. Наше будущее на море.

Он оценил значение титула, дарованного ему султаном: все североафриканские пираты присоединились к его флоту, как к флоту адмирала верующих. К тому же Барбароссу действительно назначили адмиралом всего османского флота. Его морские силы росли с каждым днем и стали самым могущественным оружием султана, а значит, и ислама. Приобрели известность и его ближайшие помощники: Драгут, мусульманин с Родоса; Синан, еврей из Смирны, которого подозревали в занятиях черной магией, поскольку он умел производить астрономические вычисления; Айдин, христианин, отказавшийся от веры и известный у испанцев под именем Бич Дьявола, а у французов и турок — под именем Бич Испанцев.

Каждую весну в Алжире снимается с якоря мощный флот. Выйдя в море, суда расходятся и начинают опустошать Западное Средиземноморье. Иногда пиратская эскадра проходит через Гибралтар, нападает на караваны судов, возвращающиеся с золотом из Америки, и грабит их. Случается, что Барбаросса остается в Алжире, занимаясь государственными делами и укреплением власти над завоеванными территориями. Когда он сам не принимает участия в экспедиции, то получает новости от своих эскадр и рассылает им приказы.

В 1534 году он отплывает во главе эскадры из шестидесяти четырех галер, только что построенных по его собственным чертежам. Он проходит Мессинский пролив, входит в порт Реджо-ди-Калабрия и через час удаляется со всеми судами, стоявшими на рейде. Кроме захваченных матросов-христиан, ставших гребцами на его галерах, янычары успели взять в плен шестьсот крепких мужчин — добрый товар для невольничьих рынков. На следующий день в Мелито захвачено еще восемьсот христиан.

Среди пленников есть знатные люди, которых Барбаросса оберегает (он надеется получить за них выкуп). В беседах с ними он узнает о молодой вдове Юлии Гонзага, графине Фонди, слава о красоте которой разнеслась по всей Италии.

— Двести восемь итальянских поэтов сложили стихи в ее честь.

Барбаросса поглаживает бороду, его глаза сверкают, но он сохраняет присутствие духа. Он хороший политик: эта жемчужина нужна не ему, а его государю. Сулейман I^н, наследник Селима, гордится своим гаремом. Итак, вперед на Фонди, где живет графиня!

Суда пристают к берегу ночью, и янычары бросаются к замку. Слишком поздно. Успели дать тревогу, и графиня в одной ночной рубашке ускакала на лошади в сопровождении слуги. Барбаросса, разъяренный вестью об исчезновении красавицы, решил наказать Фонди:

— Отдаю город воинам на четыре часа!

Насилия, грабежи, поджоги — все это вновь и вновь повторяется вдоль обоих побережий «итальянского сапога». Европейские дворы кипят от возмущения. Барбаросса, не мешкая, отправляет в Константинополь галеры и другие суда с награбленными сокровищами. Сулейман называет его любимым сыном. Ничуть не опьяненный успехом, умный стратег Барбаросса пользуется смятением в Европе и решает осуществить давно задуманную операцию:

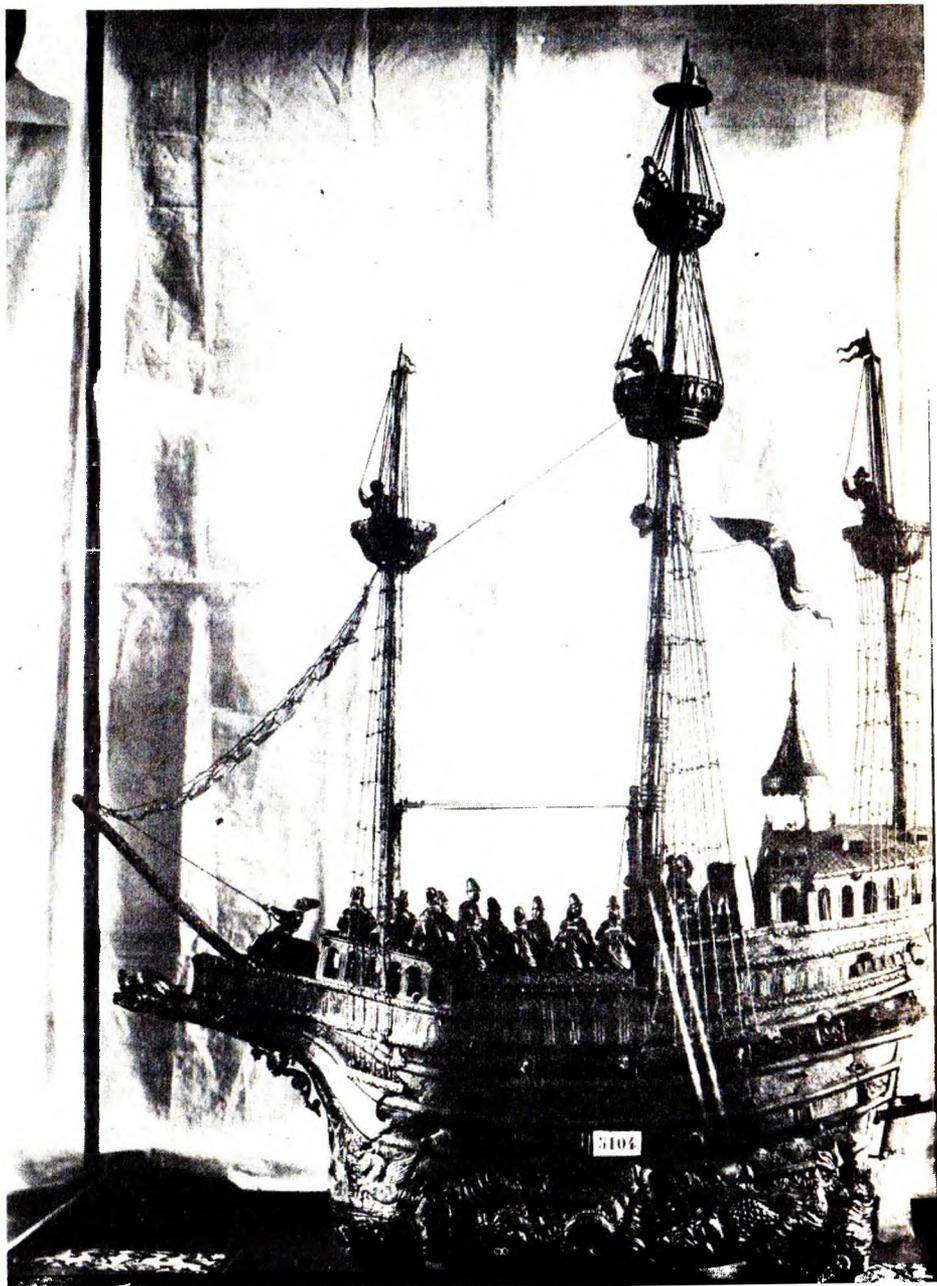
— Всему флоту плыть в Тунис и как можно быстрее!

Султан Туниса пока еще подчиняется Испании. Барбаросса входит в порт, подвергает город пушечному обстрелу и к вечеру овладевает им. Христианские державы потеряли последний опорный пункт на Средиземноморском побережье, от Гибралтарского пролива до Константинополья и даже Далмации.

— Это уж слишком! — говорит Карл V.

В девятнадцать лет он мог похвастаться тем, что в его владениях никогда не заходит солнце. Теперь все изменилось. Карл V понимает, что речь идет уже не о пиратстве, а о возобновлении смертельной схватки между крестом и полумесяцем. И он бросает на чашу весов

*Этот шедевр немецкого ювелирного искусства изображает личный корабль Карла V.
Император приглашал на него известных иностранцев и знатных дам*

весь свой флот—шестьсот кораблей под командованием Андреа Дориа.

Потомок знатной генуэзской семьи и генуэзец по рождению, Андреа Дориа находился на службе святого престола, неаполитанских королей (Карла Бурбонского, Франциска II) и прочих дворов. Он уже прославился победами на суше и на море, когда ему пришлось столкнуться с Барбароссой. Они наносят друг другу ощутимые удары, но лицом к лицу встречаются не сразу.

В 1535 году Дориа захватывает Тунис и учиняет жестокую резню, «разгул убийств и оргий». Через несколько дней Барбаросса неожиданно появляется у берегов острова Менорка. Островитяне, думая, что явились испанские корабли, с радостью встречают их. Итог—в подарок султану отправлено 6000 испанских пленников. В 1537 году посланник Барбароссы, распростершись перед Сулейманом, просит его принять добычу, которую прислал главный адмирал османского флота после рейда против Венеции:

— Пусть внесут добычу!—велит султан.

— Господин, прикажите отворить двери сераля.

— Отворить двери!

Сулейман, хотя и привык к роскоши, поражен. В дверях появляется кортеж—двести мальчиков, одетых в пунцовые одежды, каждый с золотым кубком, наполненным драгоценностями, еще двести мальчиков с дорогими тканями. Тридцать юношей кладут у подножия трона громадный мешок с золотыми монетами. Барбаросса—политик, но он не забывает и о своем кармане. Венецианцы, жертвы его разбоя, сами подсчитали свои убытки—тысяча девушек, полторы тысячи юношей, 400 000 золотых монет.

А чем занят отважный Дориа? Почему он выжидает, вместо того чтобы нанести решительный удар, которого ждет Карл V? Дориа во главе огромного флота (лето 1538 года) ищет в Адриатике своего противника. К его эскадрам присоединились эскадры папы и Венеции. Флот представляет внушительную силу—200 военных судов, 60 000 солдат и 2500 пушек. Не дремлет и турецкий адмирал, его быстрые суда рыщут по всему Средиземному морю и ведут разведку. Барбаросса собирает на своем судне ближайших помощников—Драгута, Синана и Гурада.

— У нас только сто пятьдесят судов, но разве наши моряки не лучше?
— Разумеется, и с нами аллах!

Оба флота встречаются 25 сентября. Флот Дориа находится в бухте порта Превеза на балканском побережье. Дул неблагоприятный для Барбароссы ветер, и он не отдавал приказа атаковать, а Дориа трое суток колебался, не решаясь покинуть укрытие. Когда же он наконец решился, было поздно: ветер переменился. Морская битва превратилась в кровавые схватки отдельных галер. О тактике никто и не вспомнил, но Барбаросса воспользовался возможностью маневра при благоприятном ветре. Дориа почти проиграл сражение под Превезой, когда сильный ветер стал штормовым. Христианские корабли подняли паруса и скрылись. Множество жестоко потрепанных судов попали в руки мусульман. Барбаросса сжег наиболее поврежденные суда, а их команды взял в плен.

Карл V в последний раз взглянул на испанский берег, исчезающий на горизонте, и сказал своему адмиралу:

— На этот раз мы не имеем права проиграть.

19 октября 1541 года. Военная экспедиция направлялась в Алжир, чтобы «выгнать пиратов из их логова». Карл V был настолько уверен

*Андреа Дориа,
генуэзский адми-
рал, многолет-
ний противник
Барбароссы,
познавший и ра-
дость побед,
и горечь
поражений*

в успехе, что пригласил на борт флагманского корабля несколько знатных испанских дам. Среди приглашенных находился и Кортес, завоеватель Мексики, и два высокопоставленных англичанина, один из которых состоял посланником Генриха VIII при дворе Испании.

Армада движется на Алжир. В ее состав вошли испанский флот и галеры мальтийских рыцарей (бывших госпитальеров)—500 судов и 12 000 солдат. Десантным корпусом командует герцог Альба, крупнейший военачальник XVI века. Главный адмирал флота— Андреа Дориа. Дориа промолчал, когда король сказал: «Мы не можем проиграть».

Между ними не раз возникали споры.

— Мы должны не только уничтожить вражеский флот, но и высадиться,—считал Андреа Дориа,—а это непростая операция. Атаковать в плохую погоду опасно, а скоро зима. Лучше дожидаться весны.

— Нет. Именно сейчас у нас есть надежда захватить флот Барбароссы в порту. Мы уничтожим его и совершим высадку.

Карл V говорил с тем большим апломбом, что в какой-то мере потерял веру в своего адмирала после поражения под Превезой. Хороший организатор, но слишком робок, считал он. Король выказал бы еще больше решительности, знай он, что Барбароссы в Алжире нет. Гарнизон и флот, стоящий на рейде, находились под командованием самого слабого из помощников Бича Морей — сардинского ренегата по имени Гассан. Он был похищен еще ребенком. Хозяин, купивший Гассана, оскопил его. Но внуч Гассан все же сделал карьеру.

Когда испанская армада подошла к алжирским берегам, разразилась буря. Целых три дня на воду нельзя было спустить лодку. На четвертый день ветер немного утих, и Карл V отдал приказ начать высадку. Он и его приглашенные смотрели вслед пляшущим на волнах шлюпкам.

— Мавры даже не высовывают носа из-за своих стен.

Солдаты в шлюпках вымокли насквозь, многие страдали от морской болезни. У самого берега выяснилось, что шлюпки могут разбиться о скалы. Солдатам пришлось прыгать в воду, которая доходила до плеч, и идти к берегу, держа оружие и порох над головой.

Гассан вместе со своим слабым, малочисленным войском укрылся в крепости. Всемогущий Барбаросса не допускал и мысли, что на Алжир может кто-либо напасть. Белые стены крепости вырисовывались на фоне почти черного неба. Испанские корабельные пушки большого калибра и десантная артиллерия начали обстрел города. Появился дым, пламя, в стенах открылись две бреши. Неустрашимая испанская пехота пошла на приступ. Но тут небо разорвали вспышки молнии и полил проливной дождь, как это часто бывает в Африке: на этот раз его сопровождал ледяной ветер.

Укрытый для солдат, шедших на приступ крепости, не оказалось. Палатки остались на борту кораблей, их вместе с припасами предполагалось доставить на землю после высадки десанта.

Дождь не прекращался. Под ногами пехотинцев земля превратилась в грязь и топь. Глазам испанских военачальников, оставшихся на судах, открылась невероятная картина: наступление пехоты сорвал дождь. Корабли ничем не могли помочь десанту — ни послать подкрепление, ни выгрузить палатки: буря возобновилась с новой силой.

Буря и ливень продолжались всю ночь. Утром атакующее войско превратилось в сборище замерзших и деморализованных людей, тонущих в грязи. Но хуже всего было то, что порох подмок и превратился в кашу. Огнестрельное оружие вышло из строя.

Евнух Гассан, не покидавший наблюдательной башни крепости, решил, что наступил момент контратаки. Его люди сохранили порох сухим. Высадившаяся пехота была отброшена к морю и пережила страшные часы. Буря стихала, и Андреа Дориа маневрировал судами, пытаясь подогнать их ближе к берегу и спустить шлюпки. Обессилевшие солдаты под натиском арабов прыгали в море, чтобы добраться до шлюпок. Многие утонули, погибли или попали в плен. Борьбу продолжали отдельные горстки христиан — они мечами прикрывали отход войска. То были мальтийские рыцари. Они спасли честь оружия.

2 ноября, когда побежденный флот, так и не вступив в битву, взял курс

на Испанию, буря возобновилась, словно стихии решили довершить поражение. Буря разметала армаду, многие испанские суда выбросило на берег, а матросы и солдаты попали в плен. Остальные суда потратили на обратную дорогу в Испанию целых три недели, ибо шторм не стихал. Такого разгула стихий на Средиземном море не видели давно и еще долго не увидят. Из двенадцати тысяч солдат восемь тысяч исчезло. На алжирскую каторгу попало столько пленных рабов, что цена на этот товар упала. За раба давали буквально луковицу.

16 сентября 1543 года тулонцы с удивлением ознакомились с воззванием короля Франциска I: жители Тулона должны были под страхом смерти через повешение покинуть город, где разместится армия и флот сенюра Хайр-эд-Дина Барбароссы, главного адмирала Сулеймана Великолепного, султана Константинополя⁹. Приказ был следствием новой политики Франциска I. Он решил заключить союз с турками, и его решение горячо обсуждалось в христианском мире.

Многие французы считали кощунственным подобный ход высокой политики, но, по мысли короля, он обеспечивал ему преимущество в борьбе с Карлом V. Барбаросса плыл из Африки, с тем чтобы проводить набеги на Испанию с французских берегов. Тулонцы уже знали, что по приказу свыше его с триумфом принимали в Марселе. В этом порту спустили флаг французского адмирала, на котором была изображена святая дева, а вместо него подняли флаг Барбароссы с полумесяцем. Марсельцы плакали от стыда, а тулонцам их положение казалось еще горше. Они не забыли, что двенадцатью годами ранее флот Барбароссы бросил якорь в заливе Каркеранн, в двух днях к востоку от города, и его войска разграбили и сожгли поселения Ла-Гард и Ла-Валетт. Но можно ли ослушаться королевского указа? Тулонские консулы писали в Париж: «Уход жителей из города равносителен его смерти. Чтобы разместить турок, достаточно вывести женщин, детей и стариков. Останутся главы семей, ремесленники, торговцы и полиция для поддержания порядка».

Барбаросса прибыл с флотом из двухсот судов, в том числе ста десяти галер, и провел в Тулоне шесть месяцев. Некоторые историки, в частности Мишле и Анри Мартен, писали, что его пребывание в Тулоне оказалось для жителей кошмаром. Изучение тулонских архивов убедило меня, что описания чинимых насилий сильно преувеличены. Моряки и солдаты Барбароссы немного грабили, но не причиняли зла девушкам и юношам и никого не увезли в рабство. Их предводитель стремился к популярности. Причину такого благожелательного настроения можно найти: за несколько дней до появления в Марселе Барбаросса, которому исполнилось уже семьдесят лет, захватил Реджо-ди-Калабрия и взял в жены восемнадцатилетнюю красавицу донну Марию.

Согласно статьям договора между Франциском I и Сулейманом, Барбаросса изредка посылал в море эскадру против испанцев, но делал это без особого рвения, предпочитая удовольствие медового месяца грому сражений. В конце концов Франциск I счел, что сей союзник малоэф-

фактивен, но обходится дорого и добился от Сулеймана отзыва адмирала. Но тот потребовал за свой уход значительную сумму денег. Старый лев устал от битв, и хозяин отпустил его на покой. После возвращения в Константинополь Барбаросса безбедно прожил еще три года и умер в 1546 году, успев построить великолепную мечеть и монументальный мавзолей для себя. И еще долгое время турецкие моряки, когда их суда выходили из бухты Золотой Рог, обращали лица к его усыпальнице и возносили молитву самому великому из своих адмиралов. И ныне Хайр-эд-Дин (но не Барбаросса!)—герой ислама.

В первые месяцы 1565 года из донесений своих шпионов руководители мальтийских рыцарей узнали, что мусульмане готовят нападение на остров-крепость.

Мальтийский орден существует до сих пор. Во главе его стоит Великий магистр. Орден состоит из рыцарей, давших религиозные обеты, рыцарей-послушников и светских лиц—всего около 7000 членов. У него крупные земельные владения, и до сих пор он имеет дипломатических представителей в тридцати странах. Его основная деятельность заключается в благотворительности: несколько больниц и сотня санитарных самолетов.

Долгое время военные дела считались важнее дел святых, но теперь Мальтийский орден в какой-то мере вернулся к прежней благотворительной деятельности, когда госпитальеры святого Иоанна Иерусалимского лечили больных и с оружием в руках защищали паломников в «Святой земле» во время крестовых походов. Мы помним, что необходимость такой военной защиты все более и более склоняла членов религиозного ордена к военным занятиям. Будучи изгнанными из Иерусалима, рыцари захватили Родос (1308 год), где оставались больше двухсот лет. В 1522 году турки отобрали у них Родос, и они нашли приют в Чивитавеккья и Витербо, потом в Ницце и, наконец, на Мальте и в Триполи, которые по совету папы передал им Карл V. Мальта и Триполи занимали превосходное стратегическое положение, и императору хотелось разместить там преданных людей, доказавших свою военную доблесть. Расчет оказался верен.

Рыцари возвели в Триполи и особенно на Мальте фортификационные сооружения, едва ли не самые лучшие в ту эпоху (ныне это редкие по красоте архитектурные памятники). Их галеры были самыми большими и мощными; их красили в ярко-красный цвет, и только галера адмирала была черной.

В 1565 году, когда на Мальту поступили сведения о том, что мусульмане готовятся к войне, Великим магистром ордена был француз Жан Паризо де Ла Валетт, прославившийся во всех битвах, происходивших в Средиземноморье за последние сорок лет. «Наш лучший воин»,—говорили рыцари, избравшие его главой ордена в 1557 году. Все считали, что преклонный возраст—семьдесят четыре года—нисколько не сказался на его мужестве, дальновидности и решительности.

При своем избрании Ла Валетт поклялся бороться с пораженческими

Жан Паризо де Ла Валетт, французский дворянин, Великий магистр Мальтийского ордена. Выдающийся стратег, ловкий политик, основатель красивейшего города, носящего его имя

настроениями, охватившими орден после потери Триполи в 1551 году. Триполи был захвачен помощником Барбароссы, ставшим его наследником. Ла Валетт хорошо знал его и охотно рассказывал о нем.

— Драгут во многом похож на Хайр-эд-Дина. Исключительно храбр и не боится никакого риска. Его имя со временем будет столь же известно, как и имя главного адмирала.

В этом Ла Валетт ошибся. Драгут не столь известен, как Барбаросса, поскольку, несмотря на личные подвиги, равные делам его предшественника, он познал горечь поражения.

— Это один из немногих адмиралов турецкого флота, которые были мусульманами по рождению.— добавлял Ла Валетт.— Хайр-эд-Дин быстро обратил внимание на талантливого сына анатолийского крестьянина.

Остановимся на карьере Драгута. Как только Барбаросса узнает о первых подвигах молодого пирата, он призывает его в Алжир, расспрашивает, несколько недель наблюдает за ним.

— Будешь командовать двенадцатью галерами.

Драгут оправдывает доверие, опустошая каждое лето побережье Сицилии и Неаполь; его галеры не пропускают ни одного судна, идущего из Испании в Италию. Его успехи таковы, что Карл V отдает Дориа приказ: «Сделать все, чтобы избавить море от этого бедствия!» Дориа поручает эту миссию своему племяннику Джьянеттино Дориа, и счастливая звезда Драгута меркнет:

он захвачен врасплох на корсиканском берегу во время дележа добычи, попадает в плен и становится гребцом на галере Андреа Дориа. Так проходят четыре года.

— Там я его видел в третий или четвертый раз,— рассказывал Ла Валетт.— В прежние наши встречи пленником был я, поскольку целый год сидел гребцом на галере Хайр-эд-Дина. Однажды в 1544 году я посетил галеру Андреа Дориа и увидел Драгута, прикованного к скамье гребцов. Я узнал его, подошел к нему. Он меня тоже узнал. Я сказал ему: «Вот и вы на этой скамье, синьор Драгут. Таковы превратности войны». Он посмотрел мне в лицо и ответил: «Да, фортуна отвернулась от меня». Я не мог не восхищаться этим гордым и умным человеком, прикованным к скамье среди прочих несчастных. Я спросил Андреа Дориа, нет ли возможности освободить Драгута за выкуп. В то время ходили слухи о возможном перемирии между императором и султаном.

Перемирие облегчило переговоры, и Драгута освободили за выкуп в три тысячи крон. Редко христианству приходилось заключать столь невыгодную сделку. Перемирие заключили лишь на словах, а война продолжалась под знаменем пиратства. Драгут получил свободу в то время, когда ушел на покой Барбаросса. Его назначили командующим эскадрами Западного Средиземноморья, и турки, как и прежде, воцарились на море, наводя ужас на христиан.

— Нам нужна,— заявил Драгут,— более надежная база, чем Алжир на Магрибском побережье. Почему бы не сделать ею Джербу?

Джерба, плодородный остров у самого тунисского побережья (сегодня через пролив переброшен мост), лежит в южной части залива Габес.

— Джерба,— сказал Драгуту один из его помощников,— уже двести лет принадлежит семье Дориа и находится не так далеко от Мальты. Рыцари придут на помощь.

Но рыцари остались в стороне, а Драгут после захвата и укрепления Джербы стал беспокоить мальтийцев в их водах. В 1546 году он опустошает островок Гоцо, лежащий рядом с Мальтой: на следующую год — три деревни на самой Мальте; еще через год он нападает уже на галеру ордена, идущую в Мальту. Добыча составляет 70 000 дукатов.

О перемирии не может быть и речи. И 30 апреля 1551 года Драгут уже не пират, а глава эскадры под флагом Сулеймана I. Он подходит к берегам Мальты. Островитяне поспешно прячутся за стенами укрепления, а войска Драгута грабят опустевшие деревни и снова остров Гоцо. Затем мусульманский флот отправляется к плохо укрепленному Триполи и захватывает его. Триполи сдается на позорных условиях — капитуляция и передача туркам укреплений в целостности и сохранности. Турки отпускают рыцарей на Мальту, а солдаты ордена остаются в качестве рабов. Вот почему это поражение подорвало моральный дух ордена.

Итак, выбранный в 1557 году Великим магистром Жан Паризо де Ла Валетт приступил к борьбе с пораженческими настроениями. Весной 1565 года становится известно, что Сулейман I в Константинополе, Драгут в Триполи, а его помощник Гассан в Алжире собирают галеры и пехотинцев. Куда они направляются?

— Мы должны действовать так, как если бы готовилось нападение на Мальту,— заявляет Ла Валетт.—И подготовиться. Представьте мне отчет о состоянии наших наземных сил.

Ла Валетту не требуется сведений о морских силах. У ордена всего восемь галер и несколько вспомогательных судов. А потому бессмысленно идти навстречу султанскому флоту. Дать решительный бой следует на суше, на хорошо укрепленном острове. Силы ордена: 592 рыцаря, 2590 солдат и матросов, 5800 ополченцев—общая численность менее 9000 человек.

На заре 18 мая наблюдатели замечают на горизонте первые вражеские паруса. Турецкий флот из Константинополя под командованием Пиали-паши насчитывает 138 галер; на них размещен десантный корпус численностью 38 000 человек с 50 пушками. 19 мая начинается высадка в бухте. 30 мая подходят Драгут и Гассан—у них 38 галер и 3000 солдат. У нападающих внятеро больше сил, чем в распоряжении Великого магистра.

Великая осада Мальты продолжалась с 19 мая по 12 сентября 1565 года. Два года назад мне рассказал о ней один мальтийский офицер как раз в тех местах, где разворачивались самые яростные сражения,—на стенах красивейших фортов, у берегов лилового моря, под ясным сверкающим небом. Кроме того, я внимательно прочитал в превосходной библиотеке Валлетты документы о сопротивлении, которым мальтийцы гордятся и поныне.

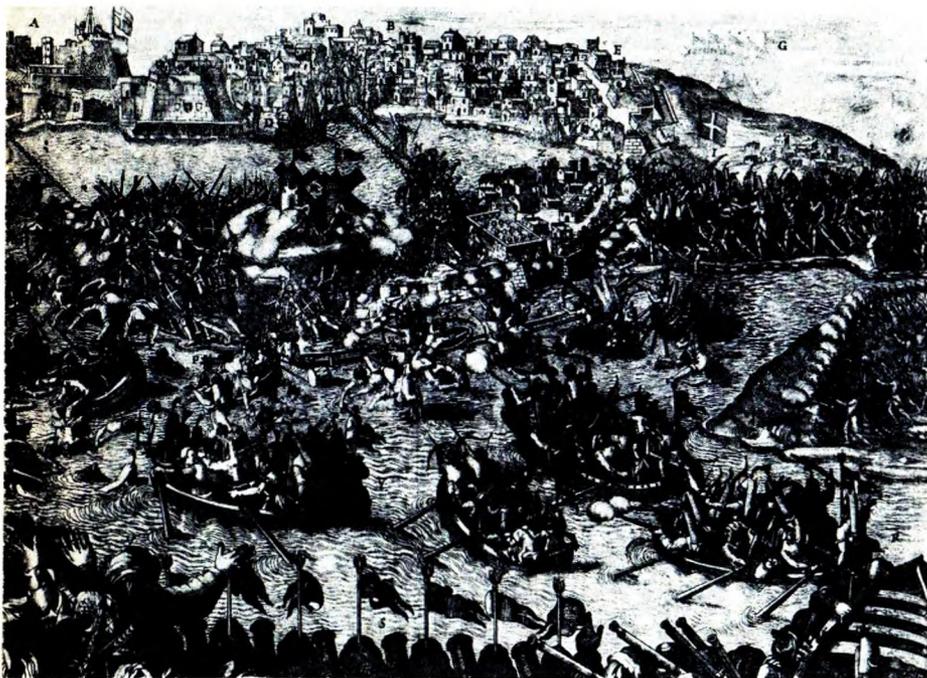
Вначале турки решили захватить форт Сент-Эльм, артиллерия которого господствовала над двумя узкими скалистыми заливами. 500 солдат и 100 рыцарей защищали этот форт в течение тридцати шести дней. На форт было выпущено 60 000 ядер—невероятно большое количество для той эпохи. Защитники отбивали по два приступа в день. Драгут ходил в атаку в первых рядах. И в одной из схваток погиб.

Форт Сент-Эльм пал 23 июня. Турки прирезали нескольких уцелевших раненых и в ярости выбросили трупы в море, дабы лишить их христианского погребения. После этого командующий экспедиционным корпусом Пиали-паша послал Великому магистру предложение о капитуляции «на почетных условиях». Ла Валетт ответил, что он предпочитает смерть бесчестию, и осада продолжалась. Все население острова собралось внутри городских укреплений и в двух других фортах.

Испания беспокоилась о судьбах Мальты, и с давних пор существовала договоренность, что дон Гарсия Толедский, вице-король Сицилии, придет помощь в случае опасности. Почти каждую ночь мальтийские суденышки просачивались сквозь вражеские заслоны и отправлялись просить о помощи. Дон Гарсия отвечал примерно так: «Я не забываю о вас, но не верю в метод мелких укусов. Я собираюсь послать мощное подкрепление, чтобы разом уничтожить турок». Узнав, что Мальта может не выдержать осады, он послал «небольшую помощь»—600 воинов, в том числе 44 рыцаря. Их прибытие подняло дух защитников. О невероятной ярости схваток свидетельствуют цифры: во время одного только приступа 15 июля турки потеряли 2500 человек. Рвы фортов были заполнены трупами. Турки закладывали мины под стены,

метали зажигательные снаряды, не прекращали обстрела. Женщины, дети, старики— все население Мальты, укрывшееся за стенами, принимало участие в обороне. Ла Валетт знал, что мужество обороняющихся не иссякнет. Его волновало лишь одно: «Если большие подкрепления не придут до того, как кончатся пища и боеприпасы, их мужество окажется бесполезным».

Ла Валетт возвел на Мальте замечательные фортификационные сооружения, лучшие в ту эпоху. Во время Великой осады (19 мая—12 сентября 1565 года) гарнизон и население Валлетты проявили незаурядное мужество, которое туркам так и не удалось сломить

Наконец, 25 августа экспедиция покинула Сиракузы. Однако из-за многочисленных препятствий она смогла высадиться на острове только 7 сентября. Экспедиционный корпус состоял из 8500 воинов, среди которых было 250 рыцарей. Изучая факты и документы, мы видим, насколько верен был расчет дона Гарсии. Он не просто выжидал, когда подойдут все его силы,— он ждал, когда кровопролитные приступы истощат силы турок. После прибытия христианских подкреплений Пиали-паша приказал снять осаду, и 12 сентября последние турецкие суда покинули мальтийские воды. Великая осада закончилась блестящей победой осажденных. Победу праздновал весь христианский мир, оплакивая одновременно гибель более десяти тысяч мальтийцев. Константинополь был ошеломлен.

Улудж Али, более известный под именем Очиали, родился в Калабрии в исключительно верующей семье и с детства готовился стать священником. Однажды, когда он шел по тропе вдоль моря на занятия в семинарию Каstellи, из-за скал выскочила дюжина мавров. Не спрашивая согласия мальчугана, они увезли его на свою фелюку. Став рабом в Алжире, экс-семинарист быстро сообразил, что, приняв мусульманство, он может добиться улучшения своей судьбы. Кроме того, ему хотелось плавать. Рыбак, потом матрос (о начале его карьеры известно мало), Очиали вскоре уже командует кораблем. Драгут замечает его и берет под свое начало.

Затем Драгут, направляющийся из Алжира на Мальту, поручает Очиали командование частью галер. Тот проявляет храбрость во время сражений и остается в живых. Несколько позже Гассан, сын Барбароссы, также алжирский беглейбей (он не имеет ничего общего с евнухом Гассаном, одержавшим победу над испанцами в 1541 году), охладевает к мореплаванию. Кого назначает на его место султан? Очиали.

Очиали чувствует себя на море столь же уверенно, как и Барбаросса, и не знает страха. Как-то в июле 1570 года, встретив четыре большие мальтийские галеры, он вступает в бой и захватывает три из них. Командира четвертой галеры, которой удалось вернуться на Мальту, приговорили к смерти: его удавили в келье, тело зашили в мешок и выбросили в море. Ла Валетт уже два года как умер (основав великолепный город, носящий его имя), но орден не желал терять своего боевого духа.

Крупнейшим подвигом бывшего семинариста Очиали был захват Кипра. В 1570 году остров принадлежал Венеции, а основным занятием островитян было пиратство. Несмотря на мусульманское господство на Средиземном море, киприоты, пираты-христиане, с успехом занимались своим промыслом, нападая с равным безразличием на сирийские прибрежные деревни и турецкие или христианские торговые суда. Кипр, как и Мальта, занимает ключевое стратегическое положение в Средиземноморье. Вначале Очиали осадил столицу острова Никозию, и она пала через сорок четыре дня. К июлю 1571 года в его руках оказался уже весь остров.

Но эта победа обернулась для турок катастрофой: из-за нее османскому могуществу на Средиземном море был нанесен сокрушительный удар.

Чаша христианского возмущения переполнилась уже во время Великой осады Мальты. Папа Пий V призвал к священной войне против мусульман. Король Испании, Генуя, Неаполь и Мальтийский орден решили объединить свои усилия. Французский король Карл IX, внук Франциска I и союзник турок, никак не мог разделиться с внутренними неурядицами. Оставалась Венеция с ее самым могучим флотом на Средиземном море. Все капитаны венецианских галер, принимая командование, давали обязательство в любом случае вступать в бой с галерами мусульман, если только число вражеских судов не будет превышать двадцати пяти. Но мусульманские галеры их не трогали. Со времени Превезской битвы главный принцип политики дождей гласил: «Наша торговля превыше всего», и между Венецией и

Константинополем существовал негласный договор, своего рода *modus vivendi*. Позволив Очиали захватить Кипр, султан нарушил договор. Объединенный христианский флот собрался в Мессине 25 августа 1571 года. Он состоял из 206 галер, на борту которых разместилось 48 000 солдат. Верховное командование было поручено дону Хуану Австрийскому, двадцатичетырехлетнему незаконному сыну Карла V и Барбы Бломберг. Джованни Андреа Дориа, племянник покойного адмирала, командовал испанской эскадрой. Венецианцы выставили парусно-гребные суда — галеасы, более тяжелые и мощные, чем галеры. 16 сентября объединенный флот снялся с якоря и вышел из Мессины на восток. За «Реалом» дона Хуана (шестьдесят гребцов), жемчужиной кораблестроения, над украшением которой работали крупнейшие художники того времени, вытянулись три бесконечные колонны судов.

Мусульмане знали, что христиане готовят нападение. Очиали со своими судами отплыл из Алжира и в бухте Лепанто¹⁰, перед входом в залив Патраикос присоединился к флоту турецкого адмирала Али-паши. Мусульманский флот насчитывал 250 галер.

Битва началась утром 7 октября. На грот-мачте «Реала» развевался пурпурно-золотой флаг с изображением распятого Христа. На белом флаге Али-паши сияли начертанные золотом суры корана.

Мусульмане, используя попутный ветер, на всех парусах двинулись навстречу христианскому флоту, еще не успевшему занять боевой порядок — фронтом к противнику. К счастью для христиан, ветер стих и мусульманам пришлось перейти на весла. Резкое замедление хода вражеских судов позволило дону Хуану расположить свои галеры в должном порядке.

Я уже говорил, что баталии галер больше напоминали бойню. Первые же ядра, выпущенные с близкого расстояния, пропахали кровавые борозды среди несчастных полуголых гребцов. Галеры продолжали продвигаться в тесном строю, несмотря на огромные потери от картечи, выстреливаемой почти в упор. Затем начались абордажные схватки.

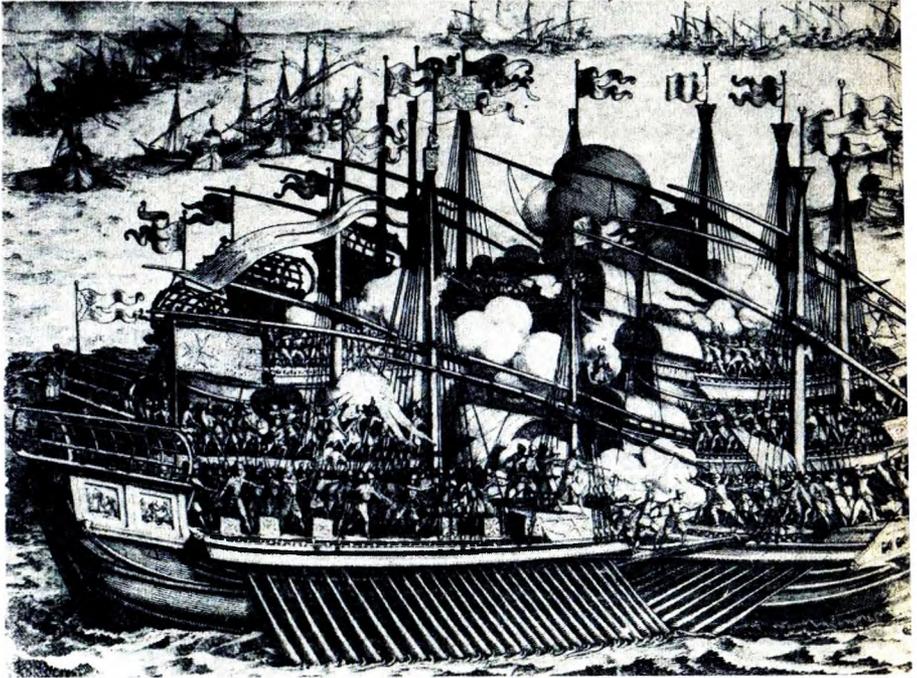
Сражение развернулось вблизи побережья, и левое крыло христиан почти упиралось в берег. Оно первым встретило удар. Испанцы и генуэзцы состязались в жестокости с янычарами. «Реал» сошелся со столь же великолепной галерой Али-паши. Сквозь треск мушкетов и аркебуз доносился стрекот барабанов и рев труб. Пошады никто не ждал. Али-паша покончил с собой, когда понял, что ему не миновать плена. Христианский солдат принес его голову дону Хуану, и тот выбросил ее в море. Несмотря на численное превосходство, ряды мусульман дрогнули. Очиали, видя, что битва проиграна, бежал.

Итоги кровопролитной битвы при Лепанто таковы. Турки потеряли тридцать тысяч человек. Христиане увели на буксире десятки мусульманских галер. Часть галер выбросилась на берег, другим удалось уйти. Двенадцать тысяч христианских пленников, прикованных к скамьям гребцов на мусульманских галерах, обрели свободу, о которой и не мечтали.

Очиали удалось захватить на адмиральской галере знамя Мальтийского

ордена. Трофей выставили в храме святой Софии, но он не мог стереть воспоминания об ужасном поражении. Очиали умер в 1580 году. С ним угасла раса беев-пиратов, властвовавших над целыми магрибскими провинциями. Разгром мусульман при Лепанто окончательно разорвал связи между османским флотом и

Битва при Лепанто (7 октября 1571 года) была одной из самых кровопролитных

магрибскими пиратами, и те вернулись к обычному пиратству. Султан ведет с Испанией переговоры о перемирии (1580 год), и его галеры не выходят из порта; бей (или деи), которых он назначает в Магрибе, пользуются лишь номинальной властью и не могут бороться с объединениями независимых пиратов, взявших в свои руки бразды правления там, где ранее властвовали великие вассалы султана— Хайр-эд-Дин по прозвищу Барбаросса, Драгут, Очиали. Начинается новая эра. Основные события разворачиваются на западе Средиземного моря.

V

Неведомый Алжир

Как-то весенним утром 1606 года по извилистой улочке Алжира, ведущей в порт, шел человек среднего роста, одетый как турок. Светлая кожа и черты лица выдавали в нем уроженца Северной Европы. В то время еще не существовало ни современного города, построенного французами, ни испанского пригорода Баб-эль-Уэд. Этот арабский город с белыми кубиками домов и извилистыми улочками, со слепыми фасадами и редкими крохотными зарешеченными окошечками назывался Касба. По утрам в нем всегда царило оживление. На улицах появлялись водоносы с бурдюками из козьих шкур и носильщики, доставлявшие покупателям разнообразные товары, а также ослы, нагруженные корзинами с овощами, мясными тушами и мешками с зерном.

Лицо интересующего нас человека не привлекало ничьего внимания и по причине царящего оживления, и по причине того, что в Алжире встречались люди любых национальностей. Слышались крики, восклицания, разговоры на арабском, берберском, еврейском, мозабитском, турецком, а также на французском и прочих европейских языках. Современные туристы в мусульманских странах, покоренные своеобразием Востока, со снисходительным восхищением говорят: «Хаос!» Но в кажущемся беспорядке восточных городов нет ничего лишнего и случайного, а тем более в Алжире 1606 года. Город состоял из самостоятельных кварталов, в каждом из которых обитала отдельная национальная община со своим главой, своей религией, судами, обычаями. И все эти кварталы примыкали к торговому центру города — рынкам. Кто из путешественников не бывал на современных восточных рынках, не делал там покупок, не восхищался красочным и удобным скоплением товаров! Здесь продают ювелирные изделия, там — пряности, а там — шкуры. Кто, проходя по улочке со слепыми стенами, не бросал взгляда в раскрытую на несколько секунд дверь, где на миг возникал крохотный садик с фонтанчиком, место для отдыха!

Симон де Дансер (человек, за которым мы следуем) быстро шел по

лабиринту улочек, никуда не заглядывая и не удивляясь зловещему и беспрестанному звону цепей, который поразил бы современного туриста, если бы он вдруг чудом перенесся на три с половиной века назад. В цепях ходили рабы.

В то время среди населения Алжира было около 30 000 рабов-христиан. Каждое утро они выходили из своих подземелий, куда их запирали на ночь и где они спали в подвешенных один над другим гамаках. Одеты в лохмотья рабов вели на работу. Каждый держал в руке или нес на плече тяжелую полутораметровую цепь, которая заканчивалась железным браслетом, охватывающим лодыжку. Многие рабы волочили цепь за собой, а кое-кто был закован в ошейник из дерева и железа, который снимался только на время работы.

Люди приступали к своим занятиям с самой зари: из-за отсутствия освещения с наступлением темноты жизнь в городе прекращалась. Симон де Дансер в ранний час покинул свой дом в квартале Фахс, где раскинулись огромные поливные огороды, за которыми ухаживали гранадские мавры, и стояли великолепные особняки, окруженные садами. Огороды кормили население Алжира—в связи с успехами морского пиратства город бурно развивался. Население Алжира (150 000 человек) превосходило численностью население Рима, Венеции или Палермо. Позже численность городского населения уменьшилась, и ее рост возобновился лишь в начале XX века.

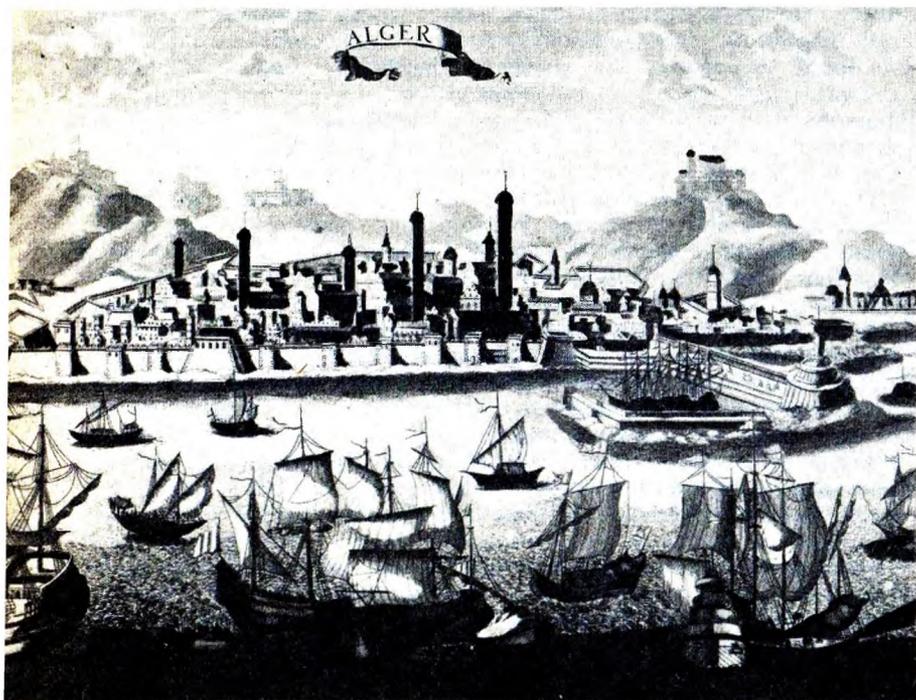
Великолепные дома квартала Фахс принадлежали в основном раисам и их компаньонам. Раис—попросту предприниматель в области морского пиратства. Он стоит во главе более или менее крупной группы корсаров—это нечто вроде компании, доходы которой распределяются между акционерами. Иногда он выступает в качестве арматора и почти всегда принимает участие в пиратских походах. В своем большинстве раисы и их компаньоны были иностранцами—сюда стремились средиземноморские авантюристы всех мастей, а также голландцы, англичане и датчане, прибывшие в Северную Африку в поисках богатства. (Такие же авантюристы, обосновавшиеся на островах Карибского моря, получили имя флибустьеров.) Они с легкостью соглашались на обрезание и отказывались от своей религии, и эта измена своей вере ничуть их не тяготила.

Симон де Дансер не был раисом. Он представлял собой более значительную фигуру. Ему даже не предлагали сменить религию, поскольку, приехав в Алжир и избрав его местом своего постоянного жительства, он обогатил магрибское корсарство. Но начнем по порядку.

Сын нации, которая в свое время дала миру лучших мореходов, Симон де Дансер («де» здесь не означает принадлежности к знати) уходит в море из Дордрехта простым матросом. Позже он становится корсаром на службе Соединенных провинций¹ во время мятежа против Испании, а затем занимается пиратством в Средиземном море на свой страх и риск. Он заходит в Марсель за припасами. Оживленный город приходится ему по душе, и он застревает здесь, проводя время в удовольствиях и за азартными играми. Симон проигрывает все свои деньги, продает корабль и спускает вырученные деньги. Оказавшись в

безвыходном положении, Дансер уговаривает нескольких портовых бродяг заняться пиратством. У маленькой банды есть лишь небольшой баркас, но им удается захватить крупное судно, потом еще несколько. Вскоре голландец уже командует целым флотом, шестидесятипушечный флагман которого имеет экипаж из трехсот человек.

Благодаря успехам морского пиратства Алжир бурно развивался ►

С этими силами Дансер является в Алжир. В его руках небольшой, но мощный флот.

— Я пришел как друг. Если мне разрешат сделать Алжир базой моих операций, я научу вас строить современные корабли. Я видел ваших корсаров в деле. Их суда устарели. Они сидят на воде слишком низко, и им трудно нападать на европейские высококорбтные суда. Если вы послушаете меня, ваши доходы утроятся.

Дансер не боялся конкуренции, поскольку его технические познания позволяли ему стать хозяином алжирского корсарства.

Этот значительный по тем временам человек ходил по извилистым улочкам Алжира пешком, поскольку тогда в городе еще не существовало экипажей, а пройти пешком из квартала Фахс в порт было легче, чем проделать этот путь верхом.

Дансер направлялся на верфи, где строилось несколько высокобортных парусников. Строительство наталкивалось на многие трудности. Следовало перестроить сами верфи и изменить форму стапелей, затем найти хорошее дерево. Поиски нужной древесины волновали алжирских кораблестроителей в первую очередь—леса во внутренних

районах Алжира (за исключением районов Беджайи и Джиджелли) редки и бедны. Дансер заказывал дерево в Марселе и Испании, но христианские государства наложили официальное эмбарго на сей «стратегический» товар. Приходилось хитрить, давать взятки. Трудности возникали и при оснащении корпуса и такелажа, при закупке железных деталей, мореходного оборудования, смолы, парусины... Он вербовал рабочих среди пленников-христиан и добровольцев-ренегатов, знакомых с новыми конструкциями судов. Набирая команду на спускаемые и снаряжаемые корабли—как для себя, так и для раисов-компаньонов,—Дансер руководствовался собственными соображениями. Марсовые, кормчие, врачи, писцы, пушкари набирались только из ренегатов. Особых трудностей здесь не возникало, поскольку в Алжире жило много греков, мальтийцев, сицилийцев, корсиканцев и даже выходцев из северных земель. Солдаты и «абордажные роты» состояли из турок или магрибцев. Некоторым раисам такая дискри-

минация пришлось не по вкусу, и убедить их стоило больших усилий. Направляясь в порт, Дансер размышлял обо всех этих проблемах и проектах, столь же сложных, как и те, с какими сталкивается сегодня директор крупной фирмы. Ничто не мешает нам предположить, что в порту ему пришлось наблюдать привычное (иногда еженедель-

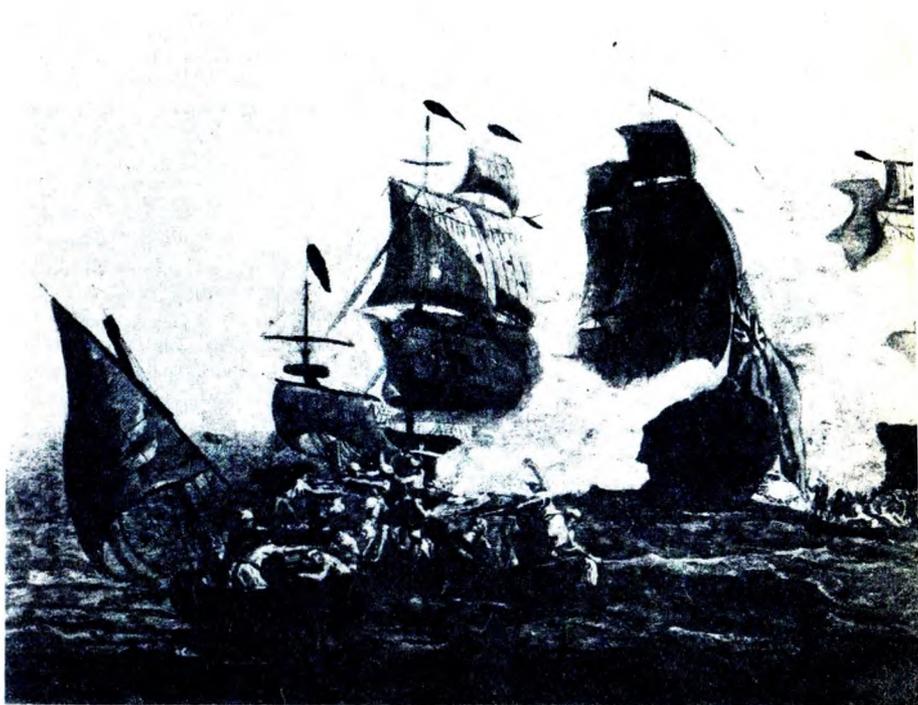
Берберские пираты, долгое время планавшие на фелюках и галерах, начали использовать высокобортные парусные суда, построенные или купленные христианскими ренегатами. Одно время пиратство напоминало настоящие морские войны ▶

ное) зрелище — прибытие пиратской флотилии с добычей. С 1566 по 1630 год добычу привозили в Алжир в среднем 60—80 раз в год. Огромный мол, защищающий порт сегодня, существовал и в 1606 году. Его построил Барбаросса, вернее, тысячи христианских рабов, которые целые два года занимались этим каторжным трудом. В порту стоят несколько десятков судов размером с галеру (гребную или парусную), галиоты (мелкие парусные галеры), бригантины (мелкие галеры с палубой), а также шебеки, пинассы, тарганы... И новинка Дансера — два или три «круглых судна». По тем временам они огромны:

30—40 метров в длину, две-три мачты, квадратные паруса.

С галер, входящих в порт, гремит пушечный выстрел, возвещающий об удаче. За ними следуют захваченные суда с приспущенными флагами. Таков обычай. Пленники знают о своей участи—их продадут в рабство. Товары тоже распродают. Даже если это не золото,

серебро и драгоценные изделия, даже если в трюмах захваченных судов находятся самые обычные средиземноморские грузы—хлопок, ткани, сахар, зерно, масло, железо, соль, смола, древесный уголь, сыр, колбасы и прочая, и прочая (все эти наименования встречаются в накладных той эпохи),—пиратская добыча приносит доход. Иногда раздел добычи происходит на борту еще до входа в порт. Стоит судну бросить якорь, как торговцы поднимаются на борт и начинают переговоры о покупке некоторых захваченных товаров, не пользующихся спросом в Магрибе, которые они перепродают через своих соотечественников в Ливорно (Италия).

Выручка от продажи добычи распределяется следующим образом: 9—11 процентов правительству, то есть деям; райсы и их компаньоны делят между собой половину оставшихся денег, а командам идут последние 45 процентов. Эти деньги делятся на доли и распределяются

как у флибустьеров того времени (и у современных рыбаков): одна доля каждому матросу; две доли — боцманам, конопатчикам и пушкарям; три доли — офицерам, главному пушкарю, кормчему и хирургу. Гребцы-рабы не получают ничего.

1606 год. Возвращение пиратской флотилии в Алжир сопровождается, как в свое время возвращение флибустьеров на остров Тортуга, шумными оргиями и попойками. Содержатели харчевен и проститутки тут как тут, стоит появиться матросне с туго набитой мошной. Судя по сохранившимся свидетельствам, запреты Корана мало препятствовали бурным возлияниям. В нижнем городе гремят песни и музыка, а печальные колонны только что закованных в цепи пленников-христиан бредут по улицам на каторгу; раненые кое-как перевязаны; одежду у всех отобрали, а взамен дали лохмотья.

Дансер знал, что на верфях его ждут раисы и их компаньоны, они являлись ежедневно. При каждой встрече раисы обсуждали, стоит или не стоит переходить на новые типы судов. Как уже говорилось, предприниматели-пираты занимали великолепные дома квартала Фахс, выстроенные в арабском стиле, с внутренним двориком, где бил фонтан и имелось керамическое возвышение для музыкантов. Мебель заменяли ковры и подушки. Но иногда среди привычного убранства бросались в глаза кое-какие ценные предметы, захваченные в качестве добычи, — венецианские зеркала, серванты, английские и голландские настенные часы, по которым сходили с ума все магрибские богачи. Забавное зрелище: часто эти люди в тюрбанах беседуют вовсе не на арабском, а на своем родном языке — андалузском, корсиканском, итальянском, английском, французском или голландском.

Как любые капиталисты, раисы и их компаньоны не любили понапрасну рисковать деньгами. Со времени прибытия Дансера в Алжир, которое совпало с периодом превращения пиратства в индустрию, они вели бесконечные споры. Перед каждым походом, с учетом последних новостей, принималось решение, куда, сколько и какие суда отправить в плавание. Небольшое количество слабых судов могло упустить выгодную добычу, посылать же слишком мощный флот означало увеличить число участников при разделе добычи. Следовало соблюдать принцип равновесия. Несчастливым христианам, внезапно увидевшим перед собой смуглых пиратов, и в голову не могло прийти, что эта встреча вовсе не случайность.

Уже четверть века магрибские пираты изредка проходили через Гибралтар и нападали в Атлантике на испанские галионы, которым удалось уйти от алчных карибских флибустьеров, а также на английские и голландские суда. Часть магрибских арматоров осуждала подобные действия:

— Добыча иногда громадна, но риск слишком велик. Наши галеры и галиоты не приспособлены для нападения на высокобортные океанские суда. Лучше заниматься привычным корсарством на нашем море, оно приносит постоянные доходы.

— Да, постоянные. Но они раз от раза уменьшаются из-за конкуренции. В конце концов мы разоримся.

Появление Дансера и его настойчивое предложение строить высокобор-

тные суда открывало новые перспективы. Пиратство в Атлантике становилось менее рискованным. У парусников имелось и еще одно преимущество—отсутствие пленных гребцов и экономия на пище. Консерваторы возражали, что прокорм гребцов стоит сущие пустяки. — И все же в каждое плавание мы должны брать пищу на шестьдесят—

С XII века все крупные города Северной Африки имели свои невольничьи рынки, где торговали христианами и неграми

сто гребцов. Припасы занимают трюмы, и иногда приходится отказываться от части добычи. А парусники куда вместительнее. Но строительство высокобортных судов требовало крупных капиталовложений, а здесь, как всегда, находились и смельчаки, и трусы. Начиная с 1606 года смельчаки стали одерживать верх. Симону де Дансеру пришлось даже установить очередь на заказы. Затем он организовал школу для строителей кораблей. Но и новое поколение судостроителей не успевало выполнять заказы. Тогда раисы стали заказывать суда прямо в Голландии. Голландские верфи заказы принимали, хотя и знали, для чего предназначались эти суда. Коммерция превыше всего—этот девиз не устарел и сегодня.

Мне не хочется читать мораль, рассказывая о конце жизненного пути Симона де Дансера, но не упомянуть о нем нельзя. Он сколотил в Алжире огромное состояние и наладил прекрасные отношения с пашами и бейями. От них он узнал, что в Средиземное море вышло два флота — английский и испанский — с целью взять живым или мертвым человека, который способствовал столь опасному усилению магрибского пиратства.

— Среди нас ты в полной безопасности! — утешали его паши.

Между тем поползли тревожные слухи о неких иностранцах, которые, даже не приняв мусульманства (а Дансер был одним из них), слишком разбогатели в Магрибе. Голландца мало-помалу охватило беспокойство. Он решил тайно отойти от дел и вернуться в Европу. Но не в Испанию и Англию, где к нему симпатии не питали. Король Франции Генрих IV пользовался славой либерального государя, чья казна не всегда была в блестящем состоянии. Никому не известно, как Дансер передал ему письмо и возместил убытки французской коммерции, но в результате этого демарша прощение было обещано.

Не менее сложно было скрыться из Алжира со всем состоянием или хотя бы с деньгами. Желание сохранить богатства (весьма мощный стимул во все времена) заставило Дансера хорошенько поразмыслить, чтобы найти выход. Однажды в Алжир вернулись четыре пиратские галеры с исключительно богатой добычей. Между арматорами и крупными богачами Алжира разгорелись торги, и Дансер одержал верх.

— Завтра я приду на судно с условленной суммой.

Пиратские обычаи требуют оплаты наличными. Дансер поступает, как обещал, но, разумеется, является на борт не один. Его сопровождают телохранители — ведь он несет золото. Мусульманские команды пируют на суше, пропивая аванс, выданный раисами. На судах осталось несколько офицеров-мавров и гребцы-христиане. Охрана Дансера расковывает гребцов, и те немедленно захватывают мавров. Еще не успели объявить тревогу, как галеры уже покинули порт.

— На Марсель! — раздалась команда.

Марсель, любимый город, знакомый Дансеру по славным временам, — город, откуда он отплыл в поисках новых авантюр. Хорошо бы осесть в нем свободным человеком! Но не тут-то было. Бывший сброд, разбогатевший благодаря Дансеру, встречает своего прежнего патрона с распростертыми объятиями, но арматоры и торговцы, чьи суда и товары попали в руки алжирских пиратов, хотят расправиться с ним. Дансер может появляться на улице только в сопровождении охраны из преданных ему людей. Оскорбления сыплются со всех сторон.

— Надо ехать в Париж искать защиты короля.

Генрих IV не проявил близорукости, даровав прощение пирату за деньги.

— Я счастлив видеть вас, господин Дансер, поскольку хочу поручить вам важное дело. Наш флот готовится к отплытию в Ла-Гуллет² в Тунисе. Мы поссорились с беем, который оскорбил нас, и я хочу наказать его. Ваше знание берберской жизни может нам помочь. Отправляйтесь в эту экспедицию.

Неизвестно, в каком качестве Дансер принимал участие в этой

экспедиции, но ее итог ощутим: сожжено множество кораблей бея, во Францию привезено 450 пушек и добычи на 400 000 крон.

Семь лет беззаботного существования. Даже Марсель простил Дансера—ведь он женился на уроженке этого города. Какой демон тщеславия заставил его принять от Людовика XIII, наследника Генриха IV, новую миссию, на этот раз дипломатическую, которая грозит Дансеру лишь опасностями? По словам английского путешественника Уильяма Лайтгоу, жившего тогда в Тунисе, Дансеру следовало явиться в роли чрезвычайного посла короля к бею, получить от него несколько захваченных французских кораблей и отвести их во Францию. Может, бывшего пирата опьянило звание чрезвычайного посла и он забыл, что бей помнит о его участии в захвате Ла-Гуллетт семью годами ранее. Эпилог нетрудно предугадать: суда были возвращены, но Дансера завлекли в ловушку, обезглавили и выбросили тело и голову в ров.

Вооружение магрибских флотов парусниками, которые так перевозил Дансер, несомненно, способствовало усилению пиратства. В Алжир прибывало все больше товаров и пленников.

Процессию пленников торжественно вели через весь город. Потом несчастных загоняли в подземные тюрьмы, и там приступал к делу перводчик: имя, страна, род занятий, финансовое положение семьи.

— Капитан? Кормчий? Главный пушкарь? Мастер-конопатчик? Сюда! Специалисты по мореплаванию могли быть уверены, что их не отправят на невольничий рынок; их знания представляли слишком большую ценность. Они попадут на пиратские суда, где могут сделать карьеру и, быть может, вновь занять капитанскую должность, если откажутся от своей веры и согласятся на обрезание. К врачам относились не хуже. Сменив веру, они тоже могли сделать карьеру. На невольничьи рынки не попадали также красивые девушки и молодые женщины. Поставщики гаремов платили хорошо. Красивые юноши тоже ценились.

Может удивить, что сортировка живого товара происходила в присутствии европейских чиновников. В Алжире имелся французский консул, а в Тунисе— вице-консул. Эти дипломаты пытались добиться возвращения без выкупа пленников или пленниц (кроме молодых и красивых), имеющих во Франции влиятельных родственников. В зависимости от времени и политической конъюнктуры им удавалось или не удавалось освободить их. Мавры всегда стояли перед дилеммой: либо пойти навстречу требованиям консулов за те или иные дипломатические уступки, либо сорвать крупный куш. Они выясняли ранг пленников по одежде, ухоженным рукам, бумагам, найденным при них. Так, Сервантес, привезенный пленником в Алжир (1575 год) и имевший при себе рекомендательное письмо к губернатору Нидерландов дону Хуану Австрийскому, оставался в неволе очень долго и пережил немало драматических событий, пока его не выкупили за громадную сумму. Пленников, за которых не могли дать выкуп, ждала тяжкая участь каторжников.

Крупнейший невольничий рынок в Алжире, Бадастан, действовал несколько дней в неделю. Там продавали женщин постарше и менее привлекательных. Их покупали в качестве домашней прислуги. Детей,

даже самых маленьких, без всякой жалости отрывали от матерей и отправляли на сравнительно легкие работы. Продавали и мужчин, за которых не могли дать выкуп. Все происходило точно так же, как в XVIII веке на невольничьих рынках Луизианы: возможные покупатели щупали мышцы, осматривали зубы, требовали от продавца:

— Пусть он побегаёт. Пусть отнесет мешок с зерном. Пусть эти двое поборются. Я возьму того, кто сильнее.

Пленников крепче покупали за хорошую цену, а затем их владельцы сдавали своих рабов внаем. Землевладельцы и хозяева огородов покупали рабов для сельскохозяйственных работ. И наконец, представители раисов приобретали гребцов для судов.

Одно время несчастные надеялись, что их выкупит какой-нибудь религиозный орден. И они знали, что выкуп будет тем выше, чем больше за них заплатят покупатели, а потому всегда жаловались на плохое здоровье и бедность. С другой стороны, если вас покупали за хорошую цену, к вам относились лучше, как к доброй лошади или ценной утвари. По свидетельству англичанина Окли, хозяева встречались всякие — и жестокие, и обычные.

Его купил моряк-мавр, чтобы сделать кузнецом на своем судне, которому предстояло отправиться в пиратскую экспедицию.

— А если придется напасть на соотечественников? Никогда!

— Я тебя понимаю. Отправляйся на сушу и зарабатывай себе на жизнь. Но помни, что ты мой раб и должен ежемесячно платить мне определенную сумму.

Окли некоторое время был кузнецом, потом открыл харчевню. Доходы от харчевни позволили ему войти в долю с одним из его соотечественников-рабов, который держал портняжную мастерскую для рабов.

«Рэндел работал вместе с женой и сыном, которые попали в плен вместе с ним, и их, по счастью, не разлучили. На материальное положение жаловаться не приходилось, но мы страдали от отсутствия свободы и религиозного утешения. Случайно мы встретились с товарищем по несчастью, англиканским священником Спрэтом. Три раза в неделю он читал нам Евангелие и молился вместе с нами. Мы собирались в подвале, который я арендовал. Иногда собиралось шестьдесят — восемьдесят человек, и, хотя наши молитвы доносились до прохожих, ни мавры, ни турки ни разу не помешали нам».

Мавританский капитан, владелец Окли, потерпел несколько неудач, разорился и продал все свое имущество и рабов. Окли попал к «одному пожилому господину», который проникся к своему рабу дружескими чувствами и вскоре стал относиться к нему как к сыну.

«Мне хотелось обрести свободу, но из честности я не решался на побег». Окли считал, что, если побег удастся, его хозяин потеряет деньги, которые он заплатил за него, а это были деньги на старость. Честный раб поделился сомнениями со священником, и тот объяснил ему, что никто не имеет права на владение существом, созданным по образу бога. В подвале, где они молились, Окли вместе с шестью соотечественниками собрали по частям лодку, которую закончили ночью на берегу. После многих приключений они доплыли до Майорки, а затем добрались до Англии.

На рынках Северной Африки даже во времена расцвета пиратства часто встречались европейцы. То были торговцы-ренегаты либо монахи, пытавшиеся выкупить и отправить в родные страны рабов-христиан

Пример Окли показывает, насколько различны были условия жизни христиан-рабов в Берберии. Совершенно иным было существование несчастных, посаженных гребцами на галеры.

Полторы тысячи лет галера была самым распространенным судном на Средиземном море. С античности до XVIII века их формы, такелаж, оснастка, характеристики постоянно совершенствовались, но условия жизни гребцов на галерах—было ли это берберское, папское или королевское судно—не менялись.

В одной из книг я описал галеру в то время, когда она достигла совершенства, и объяснил, чем достигается слаженная работа этого пятидесятивесельного механизма, приводимого в движение пятьюстами рук. Этот живой движитель использовался на изящных судах с низкой посадкой длиной до 50 метров. На галерах имелись две мачты и паруса, но ими пользовались редко. Полуобнаженные гребцы стояли лицом к корме и впятером ворочали весло, садясь на скамью после каждого гребка. Живую машину поддерживали в рабочем состоянии с помощью кнута.

На платформе на носу галеры располагались пушки. На христианских галерах на корме устраивалось некое подобие каюты, затянутой тканями, где жили капитан и офицеры, обычно непомерно тщеславные люди знатного происхождения. Эти господа общались с гребцами через галерного старосту (некто вроде боцмана), который командовал своим помощником и надсмотрщиками. Длинный узкий мостик от носа до кормы делил галеру пополам. По нему расхаживали помощник старосты и надсмотрщики, наблюдавшие за гребцами. На берберских галерах галерный староста, его помощник и надсмотрщики именовались иначе, но их функции оставались теми же.

Участь гребцов была ужасна не только из-за нечеловеческих условий труда и побоев (все тело рабов покрывали рубцы от бича), но и потому, что их приковывали к скамьям за щиколотку. Спали они валетом, в промежутках между скамьями. Тут же ели и справляли нужду. От грациозных галер несло, как от бочек золотарей. Изредка их мыли, поливая из ведер морской водой.

На мусульманских судах гребцами были только рабы-христиане. На христианских судах их состав был значительно разнообразнее. На них работали и добровольцы (в малом количестве, оплата—один су в день), закованные в цепи, как и невольники, и жившие в тех же ужасных условиях; и мусульманские рабы, купленные королевскими чиновниками на специальных невольничьих рынках Европы (в Венеции, Палермо, Генуе) или захваченные на магрибском берегу либо в море; преступники (от закоренелых убийц до контрабандистов, торговавших солью, и просто бродяг, которым «посчастливилось» встретить жандармов как раз в то время, когда флот нуждался в людях и судьям были разосланы циркуляры: «Его величеству нужны осужденные на галерные работы»).

Кроме того, после отмены Нантского эдикта³ на французских галерах появилось множество протестантов. Большинство галерников имели разные сроки наказания, в их мрачной жизни им светила звезда надежды. Гугенотов осуждали пожизненно. К ним особо жестоко

относились надсмотрщики, священники требовали от них отказа от веры, их не допускали к отправлению религиозного культа, тогда как католикам вменяли в обязанность присутствие на мессе.

На борту мусульманских галер рабам позволяли слушать мессу или молиться согласно своему культу, если имелись священники обеих религий, а такое случалось часто.

Рабы-христиане в Магрибе могли *всегда* надеяться на выкуп. По крайней мере теоретически. До XVI века из-за отсутствия рабочих рук цены на рабов в Магрибе были так высоки, что семья зачастую была не в состоянии выкупить пленного родственника. Оставалась единственная надежда на «выкупные сообщества».

Эти религиозные ассоциации занимались сбором необходимых средств для выкупа христианских рабов в Берберии. Они собирали милостыню в церквах, ходили по домам, совершали паломничества, а также участвовали в процессиях выкупленных христиан. Старейшим обществом, основанным в XIII веке, был Орден святой троицы для выкупа пленных. Люди называли их тринитариями. На всех невольничьих рынках и во всех портах Магриба встречались люди в белом одеянии с капюшоном и голубыми или красными крестами на груди. Мусульмане не трогали этих монахов, которые регулярно привозили деньги и выкупали рабов.

Выкупом занимались и монахи Ордена благодарения, основанного святым Петром Ноласким, а также доминиканцы и францисканцы. Священники и монахи занимались не только сбором и доставкой выкупа. Они строили в Магрибе больницы. Из-за полного отсутствия гигиены в подземельях и тяжелого труда рабы часто болели, смертность была очень высока. Мусульмане не мешали деятельности монахов, которые способствовали сохранению их живого капитала.

Религиозные общества развили такую активную деятельность, что с середины XVI века для большей части мусульман-рабовладельцев рабы стали уже не столько дешевой рабочей силой, сколько источником доходов. Покупка раба с целью его выгодной перепродажи превратилась в обычную торговую операцию. Стоимость рабов менялась в зависимости от дипломатической конъюнктуры, избытка или недостатка захваченных пленников, размеров выкупа, предлагаемого религиозным орденом. Их члены пользовались уважением, как комиссионеры. А когда на смену галерам пришли парусники и нужда в гребцах отпала, раб стал восприниматься лишь как предмет спекуляции, а не как рабочая сила. К тому же рабов уже не принуждали принимать ислам: сменивший веру раб не уезжал из Магриба, а значит, выкуп за него пропадал.

К 1650 году к уже существующим орденам присоединяются лазаристы Марсельской миссии. Ее глава, бывший одновременно главным священником королевских галер, носил имя монсеньера Венсана. Это — влиятельное лицо с блестящими связями при дворе. В то же время этот человек очень набожен и одержим идеей благотворительности в пользу бедных. Из высказываний его первых биографов трудно

проследить за его деятельностью главного священника галер, но, по-видимому, его всетерпение помогло ему добиться некоторых послаблений для гребцов хотя бы на время пребывания судов в порту: улучшение пищи, меньше жестокости, медицинская помощь, моральная поддержка со стороны священников. Священники стали подлинными моральными мучителями (не все) только после отмены Нантского эдикта, заразившись настроениями, охватившими тогда французов. Монсеньер Венсан основал Марсельскую миссию и больницу для гребцов, поскольку Марсель был крупнейшим портом. Сам он познал несчастья галерников не во Франции, а в Тунисе, когда очутился в роли пленника и раба.

Сыну скромного ландского крестьянина, священнику Венсану (будущий святой Венсан), исполнилось двадцать четыре года, когда он отправился в морское путешествие из Марселя в Нарбонн (ему казалось, что морем он доберется быстрее). Судно, на котором он плыл, было захвачено в Лионском заливе тремя турецкими судами.

Во время abordaja трое были убиты, а несколько пассажиров, в том числе и Венсан, ранены стрелами. У турок погиб один воин, они отомстили за его смерть, в куски изрубив кормчего. Пленных доставляют в Тунис. Венсана покупает на рынке некий мавр. Участь его похожа на судьбу англичанина Окли, поскольку покупателем оказался старый алхимик, «человек большой доброты и великого смирения». Венсану поручают поддерживать огонь в печах алхимика, который пытается получить философский камень. К Венсану относятся с уважением, но через несколько месяцев алхимик умирает, и раб переходит по наследству к ренегату Гийому Готье, ренегату вдвойне, поскольку этот бывший священник имеет трех жен.

О своей жизни в плену Венсан рассказал в письме одному из друзей, господину де Комме. И на новом месте он встречает хорошее отношение. Он обращает трех жен ренегата в христианскую веру, а самого Готье возвращает в лоно родной церкви. Через десять месяцев Венсан, его хозяин и хозяйки бегут на парусном суденышке. Они добираются до Сицилии, а затем вдоль итальянских и французских берегов до Эгю-Морта.

В ту эпоху из Магриба бежало много рабов. Точное количество удачных побегов неизвестно, но они, по-видимому, были довольно часты, поскольку моряки Майорки и Валенсы стали профессиональными организаторами бегства морем. К ним обращались семьи пленников, а в Магрибе они содержали агентов, подыскивающих возможных беглецов. Клиентов хватало, и, как всегда в подобном случае, появились и обманщики, которые предавали или убивали доверившихся им людей.

Берберское пиратство получило в первой половине XVII века такой размах и силу, что хронисты говорят о нем как о государственном предприятии, почти не упоминая о похождениях отдельных личностей. Но все же следует вспомнить о голландском ренегате Яне Янце, который взял в кормчие раба-датчанина, знавшего северные моря, и с

тремя судами отправился в 1627 году в Исландию. Мавры разграбили Рейкьявик, бывшую колонию викингов! Поскольку добыча состояла лишь из соленой рыбы и моржовых шкур, они прихватили с собой несколько сот исландцев—мужчин, женщин и детей. Этот набег свидетельствует об отваге пиратов-берберов того времени. Пиратство наносило ущерб торговле не только средиземноморской, но и многих западноевропейских наций.

Политика европейских государств по отношению к подобной тирании выглядит жалкой. Объединившись, они могли прочесать Средиземное море и уничтожить пиратов, как это сделал в свое время Помпей. Но нет. Каждое правительство имело свои причины для защиты мавров. Франции нужна была их поддержка в войне против Испании; голландцы с удовольствием наблюдали, как гибнет морская торговля их конкурентов; англичане и шведы выглядели не лучше. Каждый рассуждал таким образом:

— Зачем наказывать мавров, лучше установим с ними добрые отношения! Обеспечим себе статус привилегированной нации.

За деньги. И лишь в собственных интересах заключая с каждым из североафриканских государств—Алжиром, Тунисом, Сале⁴—«договоры», чтобы избежать пиратских нападений. Участь соседей никого не беспокоила. Политика не только отвратительная, но и до глупости близорукая. Мавры соблюдали договор полгода и, восполняя убытки, грабили с еще большей жестокостью тех, кто не подписал договора. Затем они забывали о договоре. Иногда налеты возобновлялись раньше, чем через полгода. В 1620 году сэр Роберт Мэнсел прибыл по поручению английского правительства в Алжир, чтобы заключить очередной договор о ненападении и заплатить оговоренные деньги. Не успел он вернуться в Англию, как в алжирские порты было приведено сорок английских судов, захваченных пиратами.

Но даже по отношению к самому доверчивому противнику опасно переходить некие границы вероломства. Берберское пиратство процветает и опьянено своими успехами, когда в 1620 году, в отместку за обман, допущенный по отношению к сэру Роберту Мэнселу, пушки английского флота открывают огонь по Алжиру. Двадцать лет спустя мальтийский флот захватывает врасплох и топит на стоянке Ла-Гуллетт суда тунисского дея. Едва последний успевает заново отстроить свой флот, как адмирал Блейк, посланный Кромвелем, сжигает его и направляется в Алжир. Алжирский дей так напуган гибелью тунисского флота, что тут же принимает ультиматум Блейка и возвращает ему всех пленных англичан. Европа, которой, быть может, опротивела прежняя трусость, празднует победу.

Но репрессии не оказывают сильного воздействия на пиратов по одной простой причине: пиратство—единственное прибыльное занятие берберских государств. Этот промысел дал жизнь блестящей цивилизации; гибель пиратства равносильна ее гибели. И раисы снова отправляются в море.

Морское могущество (а оно есть у европейских держав) позволяет применять против упрямого врага и другие средства, в частности блокаду. Начиная с 1650 года европейские эскадры—голландские,

французские, английские — сначала поочередно, а затем совместно блокируют берберские порты, вынуждая раисов к бездействию или перехватывая их добычу. В это время мы становимся свидетелями появления новой тактики, хорошо знакомой по второй мировой войне: европейцы вооружают торговые суда или организуют конвои под охраной военных судов.

Поддержание блокады и защита конвоев — дело дорогое. Поэтому сто́ит полузадушенным блокадой деям раскаяться в грехах, сто́ит им послать своих эмиссаров тому или иному правительству с уверениями в добрых намерениях и обещанием неукоснительно соблюдать договоры о ненападении, как к ним начинают прислушиваться. Им снова платят, и не только деньгами, но и оружием — эта новая форма оплаты выдержит испытание временем. Тот, кто раскошелливается, получает временную передышку, а затем берберы, не отказавшиеся от прежних привычек, забывают о договоре. И возобновляется цикл вероломства — репрессии. Огневая мощь европейцев растет, и необъявленные войны становятся все более и более кровопролитными. За вероломство деев расплачивается мирное население.

Когда в 1671 году Блейк возвращается, он громит и сжигает алжирский флот в порту Бужи (Беджаяя): многие дома разрушены, мертвецами усеяны все улицы. Жители города столь возмущены, что восстают, убивают царька-агу и преподносят его голову англичанам. Английские корабли пять лет могут спокойно плавать в Средиземном море. Последствия другой карательной экспедиции, состоявшейся двенадцать лет спустя, совершенно иные.

В 1683 году перед Алжиром со своей эскадрой появляется Дюкен⁵. Начинается обстрел. Несколькими кварталам разрушено, 8000 человек убито. Население восстает и, пока обстрел продолжается, убивает дея и ставит на его место капитана галер Хаджу Хассана, прозванного Мертвой Головой из-за лица, напоминающего череп. Мертвая Голова желает спасти город, но считает, что мольбы не помогут. Он посылает эмиссара к Дюкену:

— Если обстрел не прекратится, я привяжу к жерлу каждой пушки по французу и начну стрелять.

Дюкен выслушал посланца и приказал: «Продолжать огонь». Мертвая Голова выполняет угрозу. Первым из французов привязан к пушке апостольский викарий Жан ле Ваше, отдавший тридцать лет служению пленникам-христианам. Затем наступает очередь еще двадцати французов, в том числе и консула.

Французский флот ушел, когда кончились боеприпасы. Через пять лет история повторяется. Снова к жерлам пушек привязаны французы, которых разрывает вылетающее ядро: так погибает еще сорок восемь человек.

Итак, соотношение сил между европейскими и берберскими государствами незаметно изменилось. Мы присутствовали при анархическом рождении пиратства, затем оно развилось и укрепилось под сенью Османской империи. Когда последняя пришла в упадок, пиратство стало индустрией, постоянно совершенствуя свою технику и организацию. Оно стало экономической основой общества, которое проводило по

отношению к европейской торговле почти бескровную политику действенного и тонкого шантажа. И вдруг жестокость, которую трудно объяснить. Что же произошло? Дело в том, что со сцены ушли почти все ренегаты.

Организаторами берберского пиратства были европейские ренегаты. Они создали почти мирную процветающую индустрию с конвенциями по выкупу и религиозной терпимостью. Но ренегаты, европейские авантюристы, которые подняли технику берберского мореплавания до европейского совершенства (Дансер и иже с ним), перестали заниматься пиратством, когда европейские государства ввели в Средиземное море настоящие военные эскадры: против них пираты были бессильны. Мавры остались в одиночестве.

Берберские государства приходят в упадок. Монахи религиозных орденов, занимавшихся выкупом, либо изгнаны, либо перебиты, больницы и часовни разрушены. Беднеет техника магрибского мореплавания. У оставшихся раисов нет ни знаний, ни отваги раисов-ренегатов. В 1788 году весь флот алжирского дея состоит из восьми барок и двух галиотов.

Но закат еще не означает сумерек. Еще многие христианские суда станут жертвой мусульманских пиратов в Средиземном море. Алжирское пиратство вновь расцветет во времена Французской революции и империи. Даже новый обстрел Алжира англо-голландским флотом в августе 1816 года не покончит с пиратством. Но оно теперь носит случайный и анархический характер, как и при рождении. Раисы с их устаревшими суденышками, подчиняясь приказу султанов, нападают только на мелкие одиночные торговые суда.

Султаны жалуются, что в их гаремы попадает меньше женщин, чем во времена великих раисов, и подстегивают своих капитанов. Напрасно. Западные страны перестают рассматривать пиратство как нормальное явление. Они перестают мириться с ним, как мирились прежде. Магрибские государи не осознали перемен и продолжали пиратствовать.

...26 мая 1830 года из Тулона отплывает громадный французский флот, и в истории Средиземного моря открывается новая страница. Но вначале другие персонажи сменяют деев и султанов на сцене нашего театра.

VI

Охота на Орла

Сентябрь 1793 года. На высоте, господствующей над тулонским рейдом, над городом и его окрестностями, стоит батарея санкюлотов. Пологий склон холма переходит в долину, за которой начинается другой холм. На его вершине расположен английский редут. Батареи ведут ленивую перестрелку. Над пушками поднимается черный дым. Артиллеристы методично засыпают порох, скатывают ядро в жерло пушки, наводят орудие, подносят запал. Раздается залп. Пушки в те времена стреляли оглушительно, хотя звук у них был менее резким, чем у современных орудий.

Позади пушек расхаживает худой, небольшого роста офицер. Иногда он останавливается меж двух орудий и разглядывает английский редут в подзорную трубу. Затем поворачивается и отдает отрывистые приказания. Говорит он немного в нос. Сунув трубу в карман камзола, он скрещивает руки за спиной или почесывает запястья, шею или лопатки. Он страдает чесоткой. Чесотка — бич армий тех времен. На офицере голубой камзол с черным позументом и рейтузы, застегивающиеся по бокам от бедра до лодыжки. Потертая треуголка чуть сдвинута набок, две черные ленты развеваются на ветру.

Восходящее солнце освещает профиль этого капитана артиллерии. Черты его изжелта-бледного лица довольно правильны. Прямые жесткие волосы ниспадают на шею и закрывают уши. В наружности офицера нет ничего примечательного, но у него острый взгляд, а корсиканское имя — Наполеон Буонапарте — немного нелепо для французского офицера. Ему двадцать четыре года.

С высоты холма Буонапарте видит море, простирающееся от громадного рейда до самого горизонта; от его бесконечности сжималось сердце во время первого путешествия, когда он с родными покинул остров. «Мне было девять лет, но я был решительным ребенком».

Накануне отъезда из Аяччо друг семьи монах-лазарист благословил Наполеона и его брата Жозефа. Свою первую ночь вне дома оба королевских стипендиата провели с отцом и еще двумя родственниками в Бастии, на жалком постоялом дворе. Они спали на тюфяках,

брошенных прямо на пол. Потом неудобная тартана¹ доставила путешественников в Специю, откуда они добрались до Генуи, а затем до Франции. С тех пор минуло целых пятнадцать лет—жизнь летит быстро.

Капитан артиллерии Бонапарт может по пальцам пересчитать, сколько

Горацио Нельсон (1758—1805). Один из величайших морских военачальников. Невысокий, худой человек, страдающий морской болезнью. В битвах он потерял руку и глаз

раз за это время он побывал на Корсике. Еще не разорвана его связь с родиной, где он мечтал сделать свою маленькую карьеру—стать начальником батальона корсиканских волонтеров. В конце концов он был вынужден бежать с дорогого ему острова. 3 июня 1793 года Бонапарт поспешно покинул Корсику вместе с родными: Он прибыл в Тулон, пока еще не сдавшийся англичанам, разместил семью в пригороде Ла-Валетт и вернулся в свой полк, расквартированный в городе. И вот теперь перед ним—великолепный рейд, захваченный англичанами, которые останутся его врагами до самой смерти. Перед ним—море, на котором не раз будет решаться его судьба.

Тот же сентябрь 1793 года. Шестидесятичетырехпушечный английский корабль «Агамемнон», выполнив безупречный маневр, вошел в Неаполитанскую бухту, опустил паруса и стал на якорь. Флаг, который развевался на гафеле бригаантины, был спущен: одновременно к небу взлетел флаг на корме. Капитан, стоявший на мостике рядом с

Эмили Лайон, дочь деревенского кузнеца, затем танцовщица, стала супругой посла Гамильтона. Леди Гамильтон считалась одной из красивейших женщин Европы. Ее связь с адмиралом Нельсоном — одна из величайших любовных драм в истории

вахтенным офицером, приказал спустить шлюпку. Он спешил вручить депеши адмирала Худа послу Уильяму Гамильтону.

У невысокого — всего метр шестьдесят — и худого капитана «Агамемнона» соломенно-желтые волосы и узкие плечи. Но его удлиненное лицо освещено прекрасными глазами со странным выражением: в них — спокойствие, почти мечтательность и в то же время непоколебимая воля. Тридцатипятилетнего офицера зовут Горацио Нельсон.

Сын пастора, ушедший в море двенадцатилетним мальчуганом, Нельсон служит в Индии, затем в звании лейтенанта сражается в Америке. Его зачислили в средиземноморскую эскадру, как только началась война с Францией. Офицер был на хорошем счету: «Смел, предприимчив, прекрасно управляет судном; слабое здоровье, но на службе это не отражается».

В тот день, 10 сентября 1793 года, Горацио Нельсон выглядел утомленным. Уже полгода «Агамемнон» без устали бороздил Средиземное море, проведя на якорных стоянках не более двадцати дней. А если на море начиналось волнение, Нельсон страдал от приступов морской болезни.

Когда командир «Агамемнона» явился к английскому послу, тот позвал свою супругу:

— Милая Эмма, следует пригласить к обеду капитана Нельсона. Я беседовал с ним. Этот человек с невзрачной внешностью может стать величайшим из английских моряков.

Уильям Гамильтон, наверное, никогда бы не произнес этих слов, если бы знал, сколь сильным окажется взаимное потрясение, когда его жена и Нельсон увидят друг друга! Нам придется на время позабыть о Средиземном море, чтобы познакомиться с одним из главных действующих лиц великой любовной драмы. Но мы вернемся на это море задолго до ее развязки.

В Англии конца XVIII века женщины и восьмилетние дети работают в угольных шахтах в ужасающих условиях, по двадцать часов в день. В то же время английские замки и богатые сельские поместья далеко превосходят по своему комфорту замки и поместья континента. Каждого из гостей сэра Гарри Фетерстонхью, владельца поместья Ап-Парк в окрестностях Портсмута, обслуживает отдельный лакей.

10 сентября 1781 года к одиннадцати часам утра в доме тишина и безмолвие, только бесшумно мелькают слуги. Гости на лошадях скачут по полям, охотясь на лисицу. Только Френсис Чарльз Гревиль, второй сын графа Уорика, остался в доме. Он сидит перед камином в одном из салонов и беседует с юной женщиной. Она сидит чуть позади него, как бы опасаясь, что их взгляды скрестятся.

— Эмма, вы ведете безумную жизнь. Так долго продолжаться не может. Вы служите забавой для гостей сэра Гарри. Я не хочу вас оскорбить. И с вами так откровенен потому, что знаю — вы достойны лучшей жизни, чем та, которую вы ведете здесь.

— Но я не выбирала эту жизнь, дорогой Гревиль. У бедных людей нет выбора.

— Как? Даже у столь прекрасных женщин, как вы... Я понимаю вас, и все же... Сколько вам лет? Семнадцать, не правда ли? Вы познакомились с сэром Гарри в Лондоне, в «Храме здоровья»? Это место пользуется ужасной репутацией.

— Но там бывают шикарные господа. Они принимают минеральные ванны и проходят курс магнитотерапии. Директор устраивает публичные лекции.

— А вы, вы танцуете для оживления лекции.

— Я не танцевала, а изображала античные статуи. Меня находят выразительной.

— «Выразительной»?! Это слишком слабый эпитет для вас, Эмма. Почему вы не стали актрисой? Вы же служили у Томаса Линлея, директора театра «Друри Лейн».

— Разве может стать актрисой дочь деревенского кузнеца? Мне было двенадцать лет, когда меня взяли служанкой к Линлею. Затем...

Лучше не вспоминать, кем я была в Лондоне. Восемнадцать ужасных месяцев. Но мне не хотелось заживо гнить на мануфактурах, ведь я была красива.

- Ваша мать жила вместе с вами. Она соглашалась на все?
- Конечно, чтобы не умереть от голода. Потом я поступила в «Храм здоровья», где меня заметил Ромни², который сделал несколько моих портретов, и сэр Гарри, пригласивший меня сюда.
- С вашей матерью?
- Да, она по-прежнему заботится обо мне.
- Не без выгоды для себя. Почему вы не отправились сегодня на охоту?
- Я немного устала. И знала, что вы тоже на охоту не поедете. Мне нравится ваше общество. Вы не похожи на других гостей, которые заняты лишь обжорством, охотой, пьянством и женщинами. Наверное, я люблю вас, дорогой Гревиль.

— Эмма!

Долгое молчание. Ромни и многие любители искусства считают семнадцатилетнюю Эмили Лайон красивейшей женщиной Европы. У нее классические черты лица, она превосходно сложена и к тому же необычайно выразительна. Ни один мужчина не может устоять перед ее притягательной силой. И эта ожившая богиня красоты заявляет уважаемому сэру Чарльзу Френсису Гревиллю, тридцатидвухлетнему коллекционеру и библиофилу, что любит его!

— Выслушайте меня, Эмма. Сегодня вечером я покидаю Ап-Парк. Уверен, вы долго здесь не задержитесь. Я предвижу это. Вот несколько конвертов с моим адресом, сохраните их. Если у вас возникнут трудности, напишите мне, и я помогу вам. Нет, не надо меня благодарить, не покидайте вашего кресла. Я слышу, охотники возвращаются.

Январь 1782 года. Скромный домик в Хауордене около Честера. Эмили Лайон пишет письмо. На шестом месяце беременности ее изгнали из Ап-Парка. Пришлось просить приюта у бабушки по отцовской линии. Ни сэр Гарри, ни кто-либо из его гостей не пожелали признать своим будущего ребенка. Сломанную, ставшую ненужной игрушку, хотя это и красивейшая женщина Европы, выбросили на свалку. Письмо к Гревиллю — мольба о помощи.

Через несколько дней приходит ответ. Удивительный ответ. С точки зрения психологии все письма Гревилля удивительны. Редко встретишь такую мелочность в организации своей интимной жизни. Гревиль согласен стать спасителем Эмили, если та по-прежнему любит его и согласна на положение его любовницы. Но он выставляет условия.

Эмили поселится у него, в Паддингтон-Грин, вблизи Лондона. С матерью. Но и Эмили, и ее матери запрещено встречаться с прежними знакомыми. Эмили может видаться только с теми людьми, которых ей представит Чарльз. И ей, и матери придется сменить имена: теперь они будут называться Эмма Харт и миссис Кадогэн. Эмили начнет учиться хорошим манерам и изящным искусствам, например пению.

Но договор вступит в силу только после родов. А до того ее ожидает в Лондоне уединенная жизнь, которую организует сам Гревиль. Если

Эмма примет эти условия, Гревиль берет на себя все остальное. В том числе и ребенка, которого придется отдать на воспитание в чужие руки.

К письму прилагалась некоторая сумма денег на тот случай, если Эмма решится приехать к нему. «Не тратьте эти деньги понапрасну, сохраните их на известный случай. Да благословит вас бог, дорогая Эмма. Примите поскорее решение и напишите мне».

В камине горит уголь. Через мелкие квадратики окна Эмма смотрит на холодные, застывшие поля. В сером небе скользят чайки, прилетевшие с ирландского побережья. Эмили по-прежнему держит в длинных пальцах письмо от досточтимого Френсиса Чарльза Гревилля. На ее прекрасном лице, ничуть не подурневшем от беременности, написано недоумение.

Через три с половиной года, в июне 1785 года, Гревиль пишет письмо сэру Уильяму Гамильтону, послу Англии в Королевстве обеих Сицилий. Гревиль поддерживает со своим дядюшкой обширную и откровенную переписку, как и положено двум культурным людям, свободным от предрассудков. «Единственное, в чем мы должны идти навстречу людям нашего сословия, это придерживаться рамок *благоприличия*».

Уильям Гамильтон, вдовец пятидесяти пяти лет, любитель искусств, автор научных брошюр о Везувии, равнодушен к хорошеньким женщинам. Гревиль относится к многочисленным галантным похождениям дядюшки со снисходительностью, поскольку женитьба посла может лишить его, Гревилля, немалого наследства. Вот что написал племянник дядюшке в письме, датированном июнем 1785 года:

«Эмма стала еще прекраснее, чем в ваш последний приезд в Англию три года назад. Она так красива, что не только Ромни, но и Рейнолдс³ решил написать ее портрет. Она прелестно поет, и у нее безупречные манеры. Она стала моей гордостью в кругу друзей. Она не покидает меня, и я не сомневаюсь в ее верности, тем более что я знаю, какие предложения она получает. Короче говоря, трудно вообразить себе лучшую подругу».

Может быть, он собирается жениться на Эмме? Ни в коем случае. Прежде всего в определенных слоях общества любовниц в жены не берут. К тому же у Эммы нет ни пени, а Гревиль едва поддерживает свой престиж с помощью оклада, который ему выплачивает Адмиралтейство. Но подошел возраст—Гревиллю тридцать пять лет,—когда джентльмену следует жениться и устроить свою жизнь. «Предположим, что мне встретится леди, у которой тридцать тысяч фунтов...» Начиная с этих слов, все письмо представляет собой памятник циничной ловкости.

Устроение жизни, как его понимает Гревиль, предполагает отказ от Эммы. Просто прогнать ее, даже дав пенсию, человек с чувствительным сердцем не может себе позволить, нужно найти более гуманное решение. Что же делать? «Мне нужно время на размышление. Хочу немного попутешествовать по Англии. Почему бы вам, дорогой дядюшка, не пригласить Эмму в Неаполь на несколько месяцев? Она совершенно очаровательна. Вам даже не обязательно помещать ее у

себя, можете поселить ее в каком-нибудь домике, она быстро привыкнет к уединенной жизни. Несмотря на ее прошлое, она ничуть не развращена. У нее есть гордость, она будет ценить ваших друзей, как ценит моих. Вы можете провести этот эксперимент, совершенно ничем не рискуя».

В этой фразе заложен скрытый смысл, поскольку дальше говорится: «Добавлю, что она единственная женщина, которая ничем не оскорбила моих чувств. Вряд ли есть более чистая, нежная и приятная подруга, чем она».

Посол проглотил приманку, как голодная щука. Он отправил приглашение Эмме. Эмма, уверенная, что через несколько месяцев Гревиль придет за ней, соглашается. 26 апреля 1786 года она прибывает в Неаполь. А через четыре дня пишет письмо своему ненаглядному Гревиллю:

«Все ко мне относятся хорошо, сэр Уильям очарователен, но меня обеспокоило то, что он мне сказал сегодня утром. Он сообщил, что вы не собираетесь приезжать за мной в Неаполь. Это ужасно. Лучше я тысячу раз умру от голода вблизи от вас, чем жить в богатстве, не видя вас. Гревиль, милый Гревиль, заберите меня! Никто и никогда не будет вас так любить, как я». Ответа не последовало.

Можно догадаться о последующих событиях. Устав от молчания Гревилья, Эмма уступает домогательствам влюбленного посла. Бывшая Эмма Лайон, аттракцион «Храма здоровья», становится леди Гамильтон. Уильям Гамильтон женится на ней в 1791 году во время путешествия в Англию, разрушив надежды племянника на наследство. В 1793 году, когда муж представляет ее Нельсону, Эмме двадцать восемь лет. Красота ее по-прежнему чарует.

Нельсона пригласили на торжественный обед к Гамильтонам, а затем на ряд официальных приемов. Его собеседники не удивлялись его расспросам о леди Гамильтон — она была украшением двора обеих Сицилий и высшего общества Неаполя. Король Фердинанд IV безуспешно домогался ее любви. Королева Мария-Каролина Габсбургская (сестра Марии-Антуанетты) приглашала на ее концерты по четыреста человек.

Нельсон женился в 1785 году на Фанни Нисбет, молодой вдове врача. Подобно многим морякам, он любил жену и обманывал ее во всех портах мира. В письме из Неаполя он написал ей, что леди Гамильтон — «женщина приятных манер, которая достойно занимает свое высокое положение в обществе». И все. Приятные манеры жены посла состояли из чарующих улыбок и взглядов, которые сокрушали сердца всех мужчин. Эмили обещала писать Нельсону.

20 флореаля VI года (9 мая 1798 года) в Тулон через Французские ворота прибывает кортеж из нескольких карет. В одной из них сидит генерал Бонапарт. В свои двадцать девять лет он успел наголову разбить австрийцев в Италии, угрожает Вене, а теперь решил нанести удар Англии в Египте. По-прежнему худой и желтый, он в то же время выглядит и одет лучше, чем некогда капитан-артиллерист.

Кортеж направляется к особняку Марин, где разместится генерал и его супруга. Она собирается отправиться вместе с ним. Но через неделю она отказывается от поездки, ссылаясь на слабое здоровье. На самом деле она рвется в Париж, где ее ждет красавец гусар. Бонапарт отправится без нее. Но она будет присутствовать при отплытии экспедиции.

Когда генерал выходит из коляски, солдаты и моряки отдают честь. Собрались все власти и влиятельные лица Тулона. Бонапарта бурно приветствуют. Он отвечает благожелательно, но односложно, называя всех гражданами. Те, на кого падает его взгляд, не думают ни о его возрасте, ни о его невзрачной фигуре. Офицеры незамедлительно выполняют малейшие его приказы.

Вот уже несколько недель в Тулоне собираются экспедиционный корпус и флот для его транспортировки. Тринадцать линейных кораблей, в том числе один стодвадцатипушечный, два судна и шесть фрегатов, принадлежащих Венеции, восемь французских фрегатов, 62 корвета, тендеры и прочие мелкие суда, более 400 транспортных судов — всего 500 парусников, на борту которых — 38 000 пехотинцев и 10 000 моряков. Стоящий на рейде флот выглядит внушительно.

Никто не знает, к какому берегу он поплывет. По прибытии в Тулон Бонапарт воодушевляет войска, но не сообщает места назначения.

— Я поведу вас в страну, где ваши подвиги затмят все, что вы сделали до сих пор!

Судя по его словам, кампания будет столь же успешной, как и итальянская.

— Обещаю, что каждый солдат, вернувшийся из этой экспедиции, сможет купить шесть арпанов⁴ земли!

В ответ раздаются радостные возгласы. Но даже в штабе мало кто знает о цели похода. Предполагают, что речь идет о Сицилии или Неаполе. Присутствие великой армады на рейде развязывает языки. Полиция ищет английских шпионов. Чтобы обмануть Нельсона, бороздящего Средиземное море, распускаются слухи о подготовке нападения на Англию. Ни одно судно не может покинуть Тулон в течение двух дней после отплытия эскадры — нужно помешать английским шпионам добраться до Нельсона!

Отплытие состоялось 19 мая 1798 года (30 флореаля VI года). У арсенала стоит парадная шляпка, которая должна доставить главнокомандующего на борт «Орьяна» («Восток»). Бонапарт выходит из кареты. Еще раз окидывает взглядом рейд, на секунду его взгляд останавливается на высотах Балатье, откуда пять лет назад его пушки обстреливали порт и город. Цепь солдат сдерживает приветствующую его толпу.

Неподалеку от города, на мысе Манег, около Большой башни, вокруг гражданки Бонапарт стоит небольшая группа офицеров, чиновников и дам. Бриз развеивает легкий шарф на голове Жозефины. Эскадра готова к отплытию. Поднимаются громадные паруса. Фрегаты и корветы авангарда покидают рейд. Отплытие — торжественный и волнующий момент, приятный глазу и сердцу. Тяжелые суда с войсками на борту одно за другим проходят перед фортом Эгийетт,

пропуская вперед военные корабли. Жозефине кажется, что перед ней проплывают все парусники мира.

— Гражданка Бонапарт,—говорит один из офицеров,—вот «Орьян».
Генерал, несомненно, стоит на мостике.

Но прекрасные глаза Жозефины видят только чьи-то силуэты. Смотрит ли в ее сторону Бонапарт? Конечно, хотя она и не узнала его. Он послал ей прощальный привет: «Орьян» приспускает флаг—трехцветная эмблема медленно спустилась и снова поднялась. Свидетели говорят, что на глаза Жозефины навернулись слезы. Не просто устроено человеческое сердце!

Весной в Средиземном море бывают временами сильные ветры. Главнокомандующий укрылся в каюте, поскольку страдал от морской болезни. От нее страдали все соратники Бонапарта—ученые и высокопоставленные военные, солдаты, размещенные на нижних палубах и в трюмах, и даже лошади.

Через несколько дней море успокоилось, и жизнь на «Орьяне» вошла в обычное русло. Лучшее развлечение в плавании—азартные игры. Офицеры штаба играли по крупной, а когда несколько счастливицков обобрали своих друзей, все набросились на книги. Бонапарт выходил из каюты, прогуливался по палубе, спускался в кают-компанию, интересовался, что читают его подчиненные:

— Романы? Читиво для горничных! Читайте историю!

Иногда корветы-разведчики захватывали нейтральное судно, и капитана приводили к Бонапарту для допроса. Когда отплыли из порта, какие корабли встретили, куда направлялись, видели ли английскую эскадру? Разумеется, английские шпионы наблюдали за армადой на тулонском рейде, присутствовали при ее выходе в море. Произойдет ли столкновение с англичанами, или встречи удастся избежать?

Каждый вечер главнокомандующий приглашал к столу ученых экспедиции и военачальников. Он предлагал ту или иную тему для дебатов, заставляя каждого отвечать на вопросы. Наполеона интересовало все. Эти вечера, которые он называл своим Институтом (скромное подобие Института Франции)⁵, пришлось по вкусу не всем его гостям. Так, Жюно однажды заснул и, к его великому удовольствию, был отослан в каюту. 9 июня после трехнедельного морского перехода на горизонте возник остров Мальта.

Как только Бонапарт прибыл в Тулон, Горацио Нельсона, героя битвы с испанцами у мыса Сан-Винсенти, увенчанного славой калеку (он лишился руки при высадке в Санта-Крус на Тенерифе), назначают командующим «отдельной эскадрой» в Средиземном море с заданием любой ценой перехватить французский флот. Попав в бурю, в которой его «Вангард» потерял фок-мачту и две стены, он подошел к Тулону слишком поздно. К тому же он разминулся с быстрыми английскими фрегатами-разведчиками. Кроме шедшего под его флагом «Вангарда» в его эскадру входили один пятидесятипушечный и тринадцать семидесятичетырехпушечных кораблей. Британский консул в Ливорно, получивший донесения своих шпионов, сообщил ему сведения о составе французской армады.

— Как вы думаете, куда она движется?— осведомился Нельсон.

— Сицилия, Мальта или Египет. Адмиралтейство не верит, что она направляется в Египет.

— А я уверен в этом.

Вперед! Мальта лежит на пути в Египет. 20 июня, когда английская эскадра подошла к острову, к ней устремились две парусные лодки с возбужденными людьми. Нельсон приказал лечь в дрейф и спустить трап.

Через минуту он знал все. Французская эскадра прибыла на Мальту 9 июня и произвела высадку 15 000 солдат. Здешний гарнизон состоял из 332 рыцарей Мальтийского ордена, из которых 200 были французами. После некоторых колебаний Великий магистр Фердинанд Хомпеш отдал приказ о капитуляции.

— Буонапарте занял дворец Паризио. Он изгнал большинство рыцарей и присоединил остров к французским владениям, введя новую конституцию. На острове оставлен гарнизон из 4000 человек.

— А французский флот?

— Двинулся дальше. Вчера.

С минуту Нельсон смотрит своим единственным глазом (второй глаз он потерял при осаде Кальви, когда ему в голову угодил осколок ядра) на серый скалистый остров, лежащий на лиловой глади моря. С такого расстояния стены и форты не видны, но адмирал знает укрепления Валлетты, которые постоянно совершенствовались в течение двух последних веков и являются одним из лучших фортификационных сооружений в мире. Сейчас там размещился четырехтысячный французский гарнизон. Главная задача Нельсона — перехватить вражескую эскадру.

— В путь!

Еще неделя в море. 28 июня над низким берегом вырисовываются белые строения Александрии. В порту стоит несколько фелюк. И ни одного судна на рейде.

Нельсон в гневе топает ногой по палубе.

— Неужели я обогнал Бонапарта, не заметив его?

Он действительно обогнал французскую эскадру в ночь с 22 на 23 июня, но это выяснится позже.

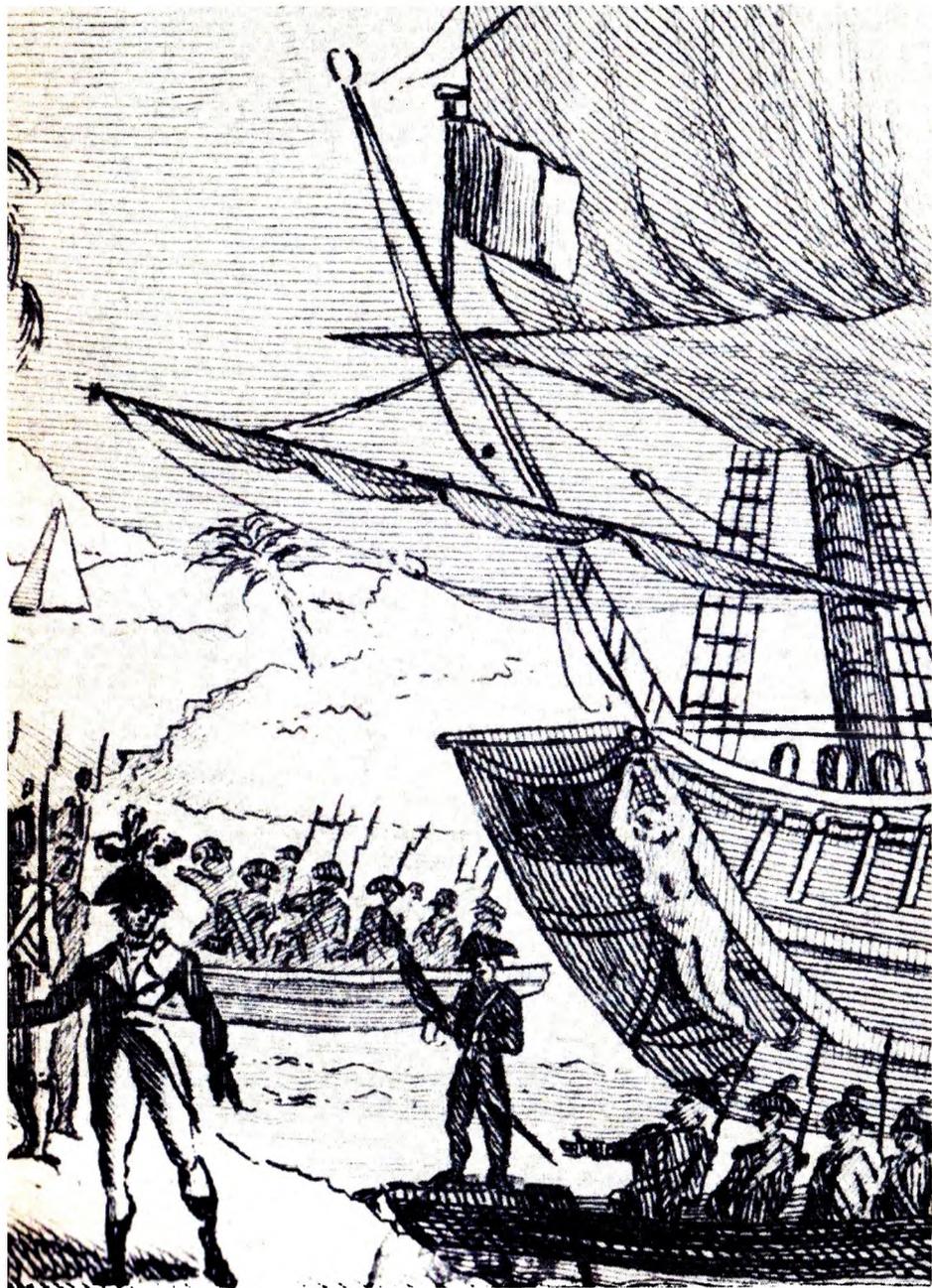
— Не стоит терять время. Французский экспедиционный корпус, отплывший с Мальты, находится между Мальтой и Александрией. Разворот на 180 градусов!

Приказ выполнен. Но курс на Мальту взять нельзя из-за встречного ветра. Эскадра вынуждена лавировать. Вначале правым галсом в направлении Малой Азии. Средиземное море отступило от Нельсона, как и в ночь с 22 на 23 июня. Французская армада получила невероятное преимущество. Ей удалось пройти к Египту. Ее упустили дважды!

Нельсон этого, разумеется, еще не знает, он прочесывает море. И делает это с завидным англосаксонским упрямством. Галс налево, галс направо. Нельсон добирается до Мальты, а затем до Сиракуз в Сицилии. Ничего!

Наступило 20 июля.

2 июля 1798 года. Бонапарт высаживается в Александрии. Он направится в Каир, а Нельсон разгромит флот адмирала Брюэса при Абукире

— Сегодня я знаю о положении противника не больше, чем двадцать семь дней назад.

Есть от чего прийти в бешенство. Он потерял связь с быстрыми разведывательными фрегатами («Моя эскадра словно ослепла») и наудачу идет из Сицилии в направлении Малой Азии. Его гордости нанесен ощутимый удар. Он еще больше худеет. Наконец, 28 июля в море у берегов Греции к югу от Мореи (Рион) его авангард перехватывает небольшое французское суденышко и сигнализирует флагом:

— Бонапарт высадился в Александрии 2 июля.

Нельсон бросается вперед.

«Гром тысячи пушек разрывает воздух. Вокруг свистят осколки металла, борта кораблей с треском ломаются от ударов ядер, слышатся вопли искалеченных матросов и крики «ура» победителей при виде пламени, лижущего борта вражеских судов под непрерывный шорох волн». Для простого солдата все битвы — и сухопутные, и морские — одинаковы. Только главнокомандующий, особенно если он владеет инициативой, видит ход операции. «Война — искусство простое и требует лишь действий», — писал Наполеон. Задолго до того, как Бонапарт сформулировал эту мысль, Нельсон доказал ее на деле под Абукиром.

Перед походом на Каир Бонапарт посоветовал адмиралу Брюэсу не оставлять флот в открытом море перед Александрией ввиду возможности нападения англичан. Брюэс не решился войти в порт Александрии из-за узких и мелких проходов, а поставил суда на якорь на соседнем рейде, в бухте Абукир, под защитой скал, на глубоком месте, с тем чтобы вести оборону лишь со стороны открытого моря.

Удача Нельсона в сражении при Абукире (1—2 августа) — а в бою она всегда на стороне таланта, мужества, подготовки — состояла в том, что один из его офицеров — капитан Фоули, командир «Голиафа», заметил ошибку в построении французского флота. Суда встали на якорь так, что между ними и берегом остался проход. Фоули направил туда свое судно, за ним последовали другие, и французы оказались меж двух огней, чего Брюэс никак не ожидал.

Часть французских экипажей находилась в это время на берегу, и вообще французы уступали англичанам в доблести и выучке, да и пушки англичан били точнее. «Маневр англичан, — написано в отчете лейтенанта Лашдеседа из штаба Брюэса, — состоял в том, что несколько английских судов нападало на наше судно, они расправлялись с ним, а затем переходили к следующему в линии. Наши корабли, стоявшие на нескольких якорях, не могли развернуться, пока враг уничтожал соседа. Они беспомощно ждали своей очереди». Заметим, что морская тактика Нельсона точно соответствовала тактике Наполеона на суше. Несмотря на множество проявлений героизма (так, капитану «Тоннана» Дюпети-Туару оторвало ядром обе ноги; он велел посадить себя в бочку с отрубями и командовал судном, пока не истек кровью), разгром оказался полным, и Бонапарт практически лишился флота.

Наполеоновская эпопея имеет и светлые, и темные стороны. Египет-

ский поход с его грабежами, намеренным избием пленных в Яффе не относится к числу славных дел; его омрачило и почти тайное бегство Бонапарта из Египта, где он оставил французскую армию на Клебера. Он даже не решился встретиться с Клебером и передал ему свои полномочия в письме.

Бонапарт взял Каир, но продолжение кампании оказалось не столь счастливым. 24 августа 1799 года он тайно садится на судно, оставив армию на генерала Клебера ►

На обратном пути французской эскадре пришлось просачиваться сквозь сеть крейсирующих английских судов. Флотилия, отплывшая во Францию, состояла из двух фрегатов венецианской постройки («Мюриона» и «Каррера») и двух шеек («Фортуны» и «Реванша») с запасом воды на три месяца и провизии на четыре месяца для четырехсот пассажиров.

Никто не знал, чем кончится этот переход, и следовало ждать худшего. Бонапарт со своим секретарем Бурьеном, а также с Бертье, Бертолле и Евгением Богарне отправился на «Мюрионе»; «Каррер» забрал Мюрата, Мармона, Персевале де Гранмезона; на каждом фрегате имелся отряд охраны. Флотилия вышла в море 24 августа 1799 года.

Первая часть путешествия, от Александрии до Аяччо, длилась тридцать семь дней. Море было гладким, и морская болезнь никого не мучила. Бриз дул чаще всего навстречу. Флотилия буквально ползла вдоль африканского побережья, держась как можно ближе к берегу, чтобы избежать патрульных английских фрегатов. Месяц пути от Александрии до мыса Бон — в среднем 4,2 километра в час.

День тянется бесконечно. Чтобы хоть как-то убить время, пассажиры подолгу сидят за обеденным столом, и это раздражает Бонапарта. Долгая сиеста, чтение книг, потом генерал донимает бесконечными вопросами двух ученых — Монжу и Бертолле. Ночью плывут с погашенными огнями, любой проблеск света пугает. Однажды утром наконец показывается Тунис и развалины Карфагена. Бонапарт вспоминает о Ганнибале. Быстрые фелюки скользят по синей воде. Может быть, пираты? Но напасть на фрегаты они не осмеливаются. Африка остается позади. Курс на север! Будто по сигналу, бриз свежеет и дует в нужном направлении, флотилия словно летит по пустынному морю. Сардиния. 29 сентября — пролив Бонифачи; 1 октября — Корсика, Аяччо.

Бонапарт провел там неделю, отчасти из-за того, что стих истер, отчасти потому, что с радостью вернулся в родной дом и встретился

со своей кормилицей. Но вести, которые доходят до него, тревожны: Франция в руках врага, завоеванные ею земли отобраны. Эти несколько дней на Корсике Бонапарт живет в каком-то отупении, он не в состоянии строить проекты на будущее, его преследует одна мысль: Жозефина постыдно обманула его, сделала всеобщим посмешищем, и с ней надо развестись!

7 октября. Снова благоприятный ветер наполняет паруса кораблей. Крохотная флотилия отплывает к вечеру. Сто тридцать морских миль (240 километров) отделяют Аяччо от залива Фрежюс. Бонапарту и его окружению путешествие кажется очень долгим, но не по причине жестокой качки, а из-за тревоги за свою судьбу. 8 октября, когда на закате дня корабли подходят к Йерским островам, выясняется, что английские суда блокировали французское побережье. Впереди по левому борту на западе вырисовываются паруса семи судов, затем на горизонте появляются новые паруса — еще семь судов.

— Флот адмирала Смита, — говорит Бонапарт.

— Может быть, вернемся обратно на Корсику? — предлагает капитан Гантом. — Ночь скроет нас от глаз противника.

— Ни в коем случае! Вперед!

Паруса английских судов все растут. Быстро темнеет. Среди пассажиров царит тревога и страх. Светает, но тревога не проходит. Изредка слышатся пушечные залпы.

— Англичане извещают друг друга о положении судов.

Утром море пустынно, лишь в восточной части горизонта видны удаляющиеся паруса вражеского флота. Опасность миновала. Французская береговая батарея, приняв крохотную флотилию за англичан, вдруг открывает огонь, но недоразумение быстро улаживается. Суда становятся на якорь перед Сен-Рафаэлем. Генерал Бонапарт навсегда прощается с благожелательным к нему Средиземным морем. Но императору Наполеону еще предстоит встреча с ним через пятнадцать лет.

Со слов Нельсона мы знаем, как встретила его леди Гамильтон, когда он, контр-адмирал, победитель при Абукире, вернулся 28 сентября 1798 года в Неаполь: «Она взошла по наружному трапу, почти без сознания упала мне на руки и прошептала: «О боже, возможно ли это?» Она пришла в себя, лишь выплакавшись».

«На руки» — выражение в данном случае неточное: одноглазый Нельсон был одноруким. Сам он подшучивал над своими увечьями: «Готовлюсь показать вам остатки Горацио Нельсона», — писал он леди Гамильтон. Она с нетерпением ждала его возвращения: «Нет, мне не хочется умирать, я готовлюсь приветствовать и расцеловать победителя. С ног до головы одеваюсь а-ля Нельсон. Моя шаль вышита золотыми якорями. Серьги повторяют форму якорей Нельсона. Мы все влюблены в Нельсона». Герой, по-видимому, тоже обезумел от любви, поскольку именно в письме к своей супруге он написал, что леди Гамильтон от радости «упала ему на руки». Любая, даже не очень ревнивая и подозрительная, супруга сообразила бы что к чему.

Посол Гамильтон тоже в курсе дела. Эмме еще нет и тридцати пяти лет, ему — уже около семидесяти, и он понимает, что в его возрасте подвигов не совершить. А потому пусть поклонником Эммы станет человек заслуженный. Самое главное — не нарушать правил *благоприличия*. И он решает не замечать происходящего.

В Англии редко говорят: «Абукир». Британцы говорили и говорят: «Нильская победа». Они и их союзники в Европе поняли, что уничтожение экспедиционного флота французов явилось первым серьезным ударом по корсиканскому чудовищу.

Поэтому-то Нельсону и оказали ошеломляющий прием в Неаполе, улицы которого были увешаны полотнищами со словами: «Да здравствует Горацио Нельсон, наш освободитель!» Ему присвоили титул барона Нильского, он отвечал на овации и тосты в свою честь на бесчисленных банкетах и празднествах. Он пьянел от любви в объятиях одной из красивейших женщин Европы. Шли дни и ночи, но праздник не прекращался. Неаполь стал «второй Капуей»⁶.

— Французы наступают!

Поражение под Абукиром не помешало им пройти через всю Италию. Войска Шампоне у ворот Неаполя. Ну и что же! Нельсон сажает на корабль королевскую чету, Гамильтонов и часть двора и переправляет эти сливки общества в Палермо, где *сладкая жизнь* начинается с новой силой. Она не затихает в Палермо и в то время, как король Фердинанд IV начинает в Неаполе кровавую расправу над сторонниками изгнанных оттуда французов. Связь Нельсона и Эммы Гамильтон стала как бы катализатором волны развлечений. Леди Гамильтон играет на арфе и поет на борту адмирального судна «Фоудройант». Она выступает на вечерах со своим давним номером, слегка прикрывая наготу полупрозрачной тканью, и эти выступления вызывают взрывы энтузиазма. Нельсон счастлив и горд. «Говорят, — строго пишет ему адмирал Гаудол, — что вы превратились в Ринальдо в руках Армиды»⁷.

По утрам утомленный Нельсон возвращается на борт, где его встречает осуждающий взгляд адъютанта. Нельсон получает от короля Фердинанда титул герцога Бронте, ему вручают награды и многочисленные подарки, но одновременно суда его величества везут депеши о его жизни в Гибралтар и далее в Лондон.

Лорды Адмиралтейства по очереди перечитывают письмо Джона Мура, посланного с миссией в Палермо: «Нельсон усыпан звездами, лентами и медалями. Он больше похож на опереточного принца, чем на нильского победителя. Жалко, что этот храбрый моряк, столь много сделавший для родины, выступает в роли паяца». Особое недовольство вызвал его похжий на дезертирство поступок: был случай, когда он покинул «Фоудройант», поднял свой флаг на торговом судне и, несмотря на блокаду Неаполя, отправился в Палермо к своей возлюбленной.

Но происходит событие, которое спасает Нельсона от дисциплинарного взыскания. Посол Уильям Гамильтон отозван в Лондон.

— Я еду с вами! — заявляет Нельсон.

Влюбленный адмирал просит предоставить ему отпуск по состоянию

здоровья и тут же получает его, поскольку лорды Адмиралтейства желают избежать скандала.

6 ноября 1800 года. Торговое судно, отплывшее из Гамбурга, входит в порт Грейт-Ярмут (графство Норфолк) на Северном море. На его борту знаменитое трио — супруги Гамильтон и Нельсон. Путешествие из Италии продолжалось пять месяцев. Странное путешествие, странное общество.

К покидавшему Италию трио присоединилась королева Мария-Каролина: она пожелала, по ее словам, снова повидать родную Вену. Они прибыли в Вену и оставили там королеву. Трио провело в праздниках все лето, путешествуя по монархистской Европе, поскольку Нельсон по-прежнему считается «победителем Бонапарта». Однако Нельсон ощутил в комплиментах неприятный тон: высокомерное венское общество находило Эмму слишком броской и считало вызывающей их связь с согласия мужа. Нельсон с тревогой ждет встречи с родиной.

— Это не должно вас беспокоить, — говорит Эмма. — Поглядите на этих людей.

С причала, запруженного толпой, доносятся возгласы: «Да здравствует нильский герой!» Хотя о его подвиге здесь уже слегка забыли, как и в Вене, появление самого Нельсона обновляет его славу. От порта до рагуши, а на следующий день от Грейт-Ярмута до Лондона они движутся как бы в сплошном коридоре восторженных англичан. Эмма рыдает от радости. Сидя рядом со своим героем, она отвечает на приветствия. Поразительное событие для Англии: толпа приветствует и адмирала, и женщину, не связанную с ним брачными узами.

Адмиралтейство, учреждение в Англии более почитаемое, чем божий храм, игнорирует любой факт, который выходит за рамки его прямых интересов. Пока снаружи доносятся восторженные вопли толпы, лорд Спенсер обращается к Нельсону с приветственной речью, более похожей на холодный душ:

— Вы скорее поправите свое здоровье в Англии, а не в безделье при иностранном дворе, какие бы почести вам ни воздавались и каким бы успехом вы ни пользовались благодаря вашим заслугам.

Эммы рядом с Нельсоном нет, нет ее с ним и в тот момент, когда он выходит из экипажа перед особняком Неро на Кинг-стрит, который временно занимает Фанни, леди Нельсон, его законная супруга. Переступая порог особняка, адмирал знает, что близится минута откровенного разговора.

При беседе супругов никто не присутствовал. Современники вспоминают только об их поведении в последующие дни и недели. В их слова жадно вслушиваются — люди всегда проявляют любопытство к поступкам и жестам сильных мира сего.

«Леди Нельсон отклонила приглашение лорд-мэра принять участие в банкете, на котором адмиралу вручили почетное оружие — саблю... Леди Нельсон пригласила лорда и леди Гамильтон провести несколько дней в имении Нельсонов в Раунд-Вуд. Лорд и леди Гамильтон и лорд

и леди Нельсон вместе были в театре...» Истина открылась, по-видимому, в театре. Эмма падает в обморок. Фанни бросается к ней в полутемной ложе, расшнуровывает ее платье. И видит, что жена послана на шестом месяце беременности.

— Я присутствовал на последнем обеде четы Нельсон,— рассказывал адвокат Хаслвуд.— Нас было трое, они и я. В какой-то момент адмирал стал восхвалять достоинства «дорогой леди Гамильтон». Леди Нельсон возмутилась: «Я достаточно наслушалась о дорогой леди Гамильтон. Выбирайте, она или я». Адмирал ответил: «Поостерегитесь, я многим обязан леди Гамильтон». Леди Нельсон тут же встала и вышла из комнаты, а некоторое время спустя покинула дом.

Нет лучшего времени года, чем английская весна, если стоит хорошая погода. 1803 год. Мертон-Плейс в Суррее, в окрестностях Уимблдона, в то время одно из самых лучших английских имений. Оно невелико, но очень уютно. Дом со вкусом украшен и отделан Эммой Гамильтон. Мертон принадлежит Нельсону. Он приобрел его два года назад.

— Хочу окончить свои дни здесь,— повторяет Нельсон.

Адмиралу всего сорок пять лет, но груз их тяжок. С момента возвращения в Англию он уходил в море дважды. В первый раз он возглавил победную экспедицию против Копенгагена, морской базы лиги нейтральных стран, а потом выступил против французской десантной флотилии в Булони. Нельсон считает, что заслужил право на пенсию. У Эммы родилась девочка. Нельсон обожает свою дочку Горацию. Ее поручили заботам кормилицы в качестве племянницы адмирала. Своей бывшей супруге Фанни Нельсон адмирал выплачивает достаточное содержание. И ошибочно думает, что его семейная жизнь втроем ничем не нарушает правил благопристойности, поскольку английское общество, казалось бы, согласно с таким положением. Пока еще никто не отказался от многочисленных приглашений в Мертон, которые рассылает Эмма.

В своем кабинете в стиле Чиппендейл⁸ Эмма откладывает в сторону пригласительные карточки и перечитывает последние письма обожаемого героя. «Я почитаю, нет, я обожаю Вас, и если бы Вы были одиноки и бедны, тут же женился бы на Вас». «Моя любовь, Вы первая и лучшая среди всех женщин... Я плавал повсюду, но ни разу не встретил женщины, которая могла бы сравниться с Вами...» В сердце изможденного, больного адмирала ярко горело любовное пламя.

Несколько дней спустя Эмма с удивлением находит на своем письменном столе письмо от собственного супруга, лорда Гамильтона. Старый джентльмен не нашел в себе силы решиться на личную беседу и предпочел написать: «Я не люблю проводить время в одиночестве, но и здесь я сталкиваюсь с тем, что раздражало меня в Неаполе в последние годы,— за столом всегда сидит не меньше двенадцати—четырнадцати человек... Иногда хочется чувствовать себя хозяином собственного времени, удить рыбу в Темзе, ездить в Лондон, посещать музеи или свой клуб, присутствовать на продаже картин. В противном случае нам обоим следует предпочесть разлуку—спокойную и разумную». Печальная жалоба старого джентльмена— сколько стариков так и не произнесло ее вслух! Но ему осталось жаловаться недолго, он не

успел выставить ультиматум. 6 апреля в десять часов утра он умирает спокойной достойной смертью — «на руках леди Гамильтон и на моих руках», пишет Нельсон.

«За исключением годовой ренты в восемьсот фунтов стерлингов моей жене, все свое имущество я завещаю племяннику, сэру Френсису Чарльзу Гревиллю». Эмму могло бы удивить содержание завещания, но нет, это ее не волнует. Перед ней и Нельсоном стоит лишь одна проблема: как поддерживать отношения без мужа, присутствие которого позволяло сохранять элементарные правила благопристойности? Возлюбленные пытаются найти приемлемое решение, но вскоре их мукам наступает конец — из Адмиралтейства приходит пакет: «Вице-адмирал Нельсон назначается главнокомандующим средиземноморской эскадрой. Ему надлежит в кратчайший срок явиться к месту службы». Амьенский мирный договор разорван, война с Францией возобновилась. Главная задача английской эскадры — блокада Тулона. 21 марта 1803 года средиземноморская эскадра отплывает из Портсмута. Нельсон поднимает свой флаг на грот-мачте «Виктори». Этот корабль войдет в историю.

19 июля 1805 года. «Вот уже два года, как я не покидаю «Виктори». По-прежнему его мучают приступы морской болезни во время волнения. Нескончаемое патрулирование Тулона — курс на восток, разворот, курс на запад, разворот, и одна и та же раздражающая запись в судовом журнале: «Вражеская эскадра в море не вышла». Но однажды, когда вахтенный офицер заносит в журнал эту фразу, поступает сообщение от фрегата-разведчика: «Французского флота в Тулоне нет». Когда, как и в каком направлении ушли французы? От огорчения Нельсон даже заболевает. Его эскадра направляется в Александрию, затем в Атлантику, доходит до Антильских островов. Океан пуст. Как только на море начинается волнение, возобновляются приступы морской болезни, но это пустяки: «Я буквально валюсь с ног от усталости и почти ничего не вижу. Единственный глаз затягивает бельмо». Несколько раз Нельсон подает прошение об отставке. Отказ. Адмиралтейство считает, что нанести решающий удар может только он один, хотя это обессилевший однорукий и одноглазый человек. Лорды уверены: гений, спящий в этой истерзанной плоти, еще жив. Но поскольку французский флот по-прежнему неуловим, а в докладах доктора Иста сообщается о резком ухудшении здоровья адмирала, Адмиралтейство предоставляет ему отдых. 20 августа больной герой прибывает в Мертон и почти без чувств падает на руки Эммы. Нельсон и слышать не хочет об эскадрах, плаваниях, битвах и даже о море.

Нельсон отдыхает в Мертоне. Через двенадцать дней, 2 сентября 1805 года, в пять часов утра в имение является капитан первого ранга Блэквуд.

— Сэр, франко-испанская эскадра обнаружена! Она стоит в Кадисе. Лорды Адмиралтейства хотят, чтобы вы уничтожили ее.

Нельсон колеблется или делает вид, что колеблется, и поворачивается к

Эмме. И эта женщина без роду и племени, бывшая танцовщица, бывшая игрушка гостей Ап-Парка, получает право на место в истории, сказав всего несколько слов:

— Я знаю, вы не найдете покоя, пока не разобьете этот объединенный флот. Нельсон, без промедления отправляйтесь в Кадис, хотя мы будем оплакивать ваше отсутствие. Вы одержите славную победу!

Перед отплытием из Портсмута Нельсон пишет ей: «Отважная, отважная Эмма! Если исчезнут Эммы, то не будет и Нельсонов!»

Наиболее полное описание Трафальгарской битвы сделано (в 1907 году) полковником Дебриером. Но о гении Нельсона можно рассказать в нескольких словах. В те времена эскадры во время боя обычно проходили бортами друг к другу и вели огонь из всех пушек одного борта. Нельсон решил сосредоточить сначала удар на пятом или шестом корабле вражеского строя, уничтожить его, расчленив тем самым боевой порядок противника, и затем уже расправиться с остальными судами.

21 октября 1805 года его маневр удался, и франко-испанский строй оказался разорванным. В момент, когда «Виктори» очутилась вблизи французского корабля «Редутабль», Нельсон расхаживал по мостику. Он остановился, чтобы отдать приказ убрать в безопасное место портрет леди Гамильтон, висевший в каюте. И вдруг упал, успев сказать своему адъютанту:

— На этот раз, Харди, они убили меня!

— Надеюсь, что нет, сэр!

Он умер три часа спустя. Последние слова, которые он сказал доктору Скотту, бортовому священнику, были следующие:

— Я завещаю леди Гамильтон и мою дочь Горацию родине.

Какие исторические слова произнес бы Наполеон, если бы, как Нельсон при Трафальгаре, нашел славную смерть во время французской кампании (январь—март 1814 года)? Зачем гадать? Его судьба драматически совершенна, и ни одному писателю не удалось бы придумать ничего лучшего, а тем более тех отчаянных положений, в которых бывал Наполеон.

После горечи поражения и унижений этот человек, столь ревностно оберегавший свою славу, снова встречается со Средиземным морем. Это произошло 27 апреля 1814 года. Он пережил страшные часы. Вступление союзников в Париж, предательство толпы, русские офицеры, которые из окон Тюильри бросают прохожим серебряные монеты, чтобы те кричали: «Да здравствуют Бурбоны!» («Они с жадностью дрались за них, катаясь по земле и вызывая смех иностранных офицеров»), отречение, попытка самоубийства; трагическое утешение во время прощания в Фонтенбло и град оскорблений, павших на голову изгнанника, начиная с Монтелимара («Он убил наших сыновей, племянников и многих молодых людей! Смерть ему!»), ряд передержанных (даже в форму австрийского офицера), чтобы скрыться от народного гнева...

Сан-Рафаэль. Наконец-то благожелательное Средиземное море. Когда

он поднимается на борт английского фрегата «Андэнтид» («Бесстрашный»), который отвезет его на остров Эльба, в его новое крохотное королевство, императору салютуют пушки—двадцать один залп.

Поднявшись на борт, Наполеон снимает треуголку и приветствует офицеров. Капитан Томас Эшер сопровождает его в каюту. «Он улыбнулся, когда я сказал, что у меня нет лучшего помещения, и ответил, что все очень удобно и в высшей степени подходит для сна». В момент отплытия фрегата Наполеон стоял на палубе и смотрел на исчезающий берег; к этому берегу он приставал, вернувшись из Египта пятнадцать лет назад. Его историческая эпопея продолжалась сто восемьдесят месяцев.

В четыре часа утра Наполеон встал и выпил чашку чрезвычайно крепкого кофе. В семь часов поднялся на палубу. Во время завтрака он сидит во главе стола. Вместе с ним завтракают генералы Бертран и Друо, австрийский генерал Коллер и капитан судна. Он не страдает от качки, даже когда днем поднимается сильное волнение. Он читает, гуляет по палубе, наблюдает за работой матросов, расспрашивает их, как в былые времена.

— Вашим матросам дают какао и сахар. Так всегда было?

— Нет, сир. Но ваша континентальная блокада препятствовала продаже наших товаров, поэтому мы решили кормить ими матросов.

«Наполеона восхищала четкая служба на борту судна и взаимное уважение офицеров разных чинов. Он считал такое уважение основой хорошей дисциплины и не удивлялся строгости офицеров при любом упущении».

— Я тщетно пытался ввести подобные порядки во французском флоте. Но мои капитаны и их экипажи оказались слишком упрямыми.

Наполеону хотелось побывать в Аяччо, и он сообщил о своем желании капитану Эшеру. «Я объяснил ему, что город лежит в стороне от нашего пути. Он предложил остановиться в Кальви, который хорошо знал, указывал глубину вод и другие особенности порта. Он был бы превосходным лоцманом. доведись нам войти в этот порт».

Ничто не ускользает от его взгляда на борту судна, он чуть ли не готов взять на себя командование.

— Вы поставили все паруса?

— Нет, только те, что необходимы.

— Когда вы преследуете вражеский фрегат, вы поднимаете дополнительные паруса?

Наполеон обратил внимание, что не поставлена бизань.

— При преследовании врага я бы поднял этот парус,— ответил капитан.

— Если он полезен, его можно поднять и сейчас.

Несокрушимые жизненные силы! Победенный, оскорбленный человек опять смотрит в будущее, хотя это незначительное будущее. Он стоит на палубе с подозрительной трубой в руке и разглядывает побережье своего нового королевства. Через сколько часов они войдут в порт?

Они прибывают на место ночью, но надо соблности формальности по передаче власти, да и прием не подготовлен. Наполеон отправил Друо на сушу, а сам с раннего утра расхаживал по палубе и расспрашивал капитана порта, явившегося на борт: каковы здесь глубины, какие

корабли причаливают к берегу, в каком состоянии фортификационные сооружения и сколько в них размещено солдат? В восемь часов нетерпеливый император требует лодку:

— Хочу осмотреть другой берег бухты. Капитан, вы будете меня сопровождать.

Вернувшись на борт к завтраку, Наполсон требует перо и бумагу.

— Вот флаг, который я выбрал для Эльбы.

Белое полотнище с красной полосой по диагонали; на полосе — три золотые пчелы империи: по условиям отречения Наполеон сохраняет императорский титул. Наступило 4 мая 1814 года.

Июнь 1814 года. Писарь лондонской тюрьмы Кингс-Бенч объясняет стоящей перед ним заключенной, старой, отяжелевшей и опухшей женщине с отсутствующим выражением лица:

— Мистер Смит заплатил позавчера ваши долги, за которые вас заключили в тюрьму. Вас отпустят на свободу через час. Главная смотрительница вернет вам вашу одежду. Распишитесь вот здесь, и вы свободны.

Женщина склоняется над столом и расписывается: «Эмма Гамильтон». «Завещаю леди Гамильтон и мою дочь Горацию родине». Англия отказалась от этого наследства. Высшее британское общество единодушно решило *игнорировать* (в английском языке этот глагол имеет исключительную силу, являясь синонимом глаголов *отстранять*, *презирать*, *отрекаться*) женщину, которая скандально афишировала свою связь со славным адмиралом. После смерти Нельсона она тратила деньги, не считая. Пенсия помогла бы ей избежать нищеты. Священник Уильям Нельсон, брат адмирала, мелкий провинциальный викарий, унаследовал титул графа Нельсона Трафальгарского и получил 120 000 фунтов стерлингов, «которые позволят ему занять подобающее место в обществе». Но ничего не оставлено женщине, о которой Нельсон сказал: «Если исчезнут Эммы, то не будет и Нельсонов». Она наказана за то, что нарушила правила благоприличия. Эмме еще нет пятидесяти, но выглядит она на все шестьдесят.

«Вскоре, — пишет ее дочь Горация, — ее характер испортился, она пристрастилась к спиртному». У Горации чертовое сердце, она всегда отвергала отцовство Нельсона, но признает, что даже в минуты жестокой нищеты Эмма не тронула ни пени из небольшой ренты, оставленной адмиралом на воспитание дочери. Горация вышла замуж за пастора и умерла в 1881 году в возрасте восьмидесяти лет.

— Дорогая Эмма, я вытащил вас из Кингс-Бенч, но вам нельзя оставаться в Англии. Вас преследуют и другие кредиторы, они могут снова бросить вас в тюрьму.

Эти слова произнес ее последний щедрый друг — Смит. И женщина, которую обожествлял Нельсон, вынуждена бежать из спасенной им Англии. Бесстрастная история написала последние строки ее необычной судьбы. Эмма с дочерью живут в Кале — в начале в скромном отеле, затем в дешевом семейном пансионе и, наконец, в лачуге на Французской улице. Там в середине января 1815 года, в возрасте

пятидесяти лет, и скончалась Эмма Гамильтон. Перед смертью ее исповедовал католический священник, а похороны состоялись на кладбище Кале. Некогда она выразила желание быть похороненной между мужем и Нельсоном в соборе святого Павла в Лондоне. Несбыточная мечта. Но разве не напоминает вся ее жизнь несбыточный сон?

18 февраля 1815 года, ровно через месяц после смерти Эммы Гамильтон, Наполеон, изгнанник на Эльбе, объявляет Друо о своем решении, которое снова потрясет Европу:

— Франция требует моего возвращения. Через несколько дней я покину остров — нация призывает меня!

Несколькими днями раньше он намекнул о своем намерении в разговоре с Понсом де л'Эро, директором шахт острова.

— Сир,— ответил Понс,— возвращение вашего величества во Францию может вызвать гражданскую, а может быть, и европейскую войну.

— Ни того, ни другого не случится.

Наполеон принимал решение не самолично. Преданные ему люди писали, являлись к нему. «Бурбоны непопулярны, их ненавидят...» Кроме того, император знает о заговоре: на Венском конгрессе предложено отнять у него остров Эльба и отправить в ссылку, подальше от Европы. Но забудем об истории империи, вернемся к человеку, который сорок шесть лет назад родился на одном из островов Средиземного моря, а теперь стал пленником на другом острове этого моря.

16 февраля Наполеон начал отдавать первые приказы, касающиеся бегства. Друо приказано отремонтировать бриг «Энконстан», погрузить на него пушки, ружья, патроны; казначею Пейрюссу — отправить на борт сундуки с золотом и книгами и т.д. Эти приказы отданы тайно, один не знает, что поручено другому. Император хитрит, чтобы скрыть свои истинные намерения. Затем предосторожностей становится все меньше, а через несколько дней подготовка уже носит официальный характер.

Разве Наполеон не находится под наблюдением? Конечно, находится. Союзники поручили неофициальный надзор английскому полковнику Кемпбеллу. Сухой, дисциплинированный и флегматичный человек имеет лишь одну слабость — он любит женщин. Кемпбелл увлечен очаровательной итальянской графиней Мимачи и часто отправляется на материк на предоставленном ему фрегате «Патридж». С 14 февраля 1815 года Кемпбелл развлекается в Ливорно.

В воскресенье 24 февраля приготовления к бегству ведутся настолько открыто, что все население острова знает об отъезде императора. В порту собралась флотилия из самых разнообразных судов: бриг «Энконстан» (двухмачтовое судно с квадратными парусами, 400—500 регистровых тонн); эсперонада «Каролина» (небольшой мальтийский шлюс для каботажного плавания типа тартаны, 30 регистро-

вых тонн); две шебеки—«Этуаль» и «Сен-Жозеф» (узкие парусники малого водоизмещения, снабженные веслами); полакра «Сент-Эспри» (квадратные паруса, 190 регистровых тонн). Армия—тысяча человек и польские уланы с лошадьми—покидают казармы и грузятся на суда.

В семь часов вечера уже темно, город освещен лампами с цветными стеклами. Появляется Наполеон в костюме охотника. Он едет в открытом экипаже в порт под приветственные крики толпы. Когда он выходит из экипажа, восторженная толпа на руках доносит его до «Каролины», которая должна доставить его на «Энконстан».

— Жители Эльбы, благодарю вас за любовь и преданность. Вы были добры ко мне...

Ему целуют руки. Он с трудом высвобождается из объятий. От этого человека исходит необыкновенная притягательная сила. Поражает удивительное непостоянство толпы: годом раньше эти люди были союзниками Бурбонов.

Брига «Энконстан» доносится пушечный залп—сигнал к отплытию. Все суда получили один приказ: «Взять курс на Гольф-Жуан, двигаясь как можно дальше от берегов Италии и Корсики. Идти сначала на северо-северо-запад до широты острова Горгона, затем лечь курсом на запад».

Прекрасная погода, спокойное море, благоприятный, но слишком слабый юго-восточный ветер. Всю ночь и весь следующий день флотилия плывет с ужасающей медлительностью. Все решилось 27 февраля.

Первая встреча: далеко на востоке показался «Патридж». Кемпбелл, предупрежденный шпионом, поспешно покинул объятия возлюбленной. Солнце только-только взошло над горизонтом. «Патридж» движется медленно, меняя галсы, чтобы быстрее оказаться на юге. Наблюдатели «Патриджа» менее внимательны, чем наблюдатели на «Энконстане». Они ничего не заметили.

— Надо во что бы то ни стало ускорить ход,—приказывает Наполеон. «Энконстан» избавляется от двух шлюпок, которые тянул на буксире, однако скорости почти не прибавилось: по-прежнему дует слабый ветер. Тянутся часы. Все молчат. К вечеру наблюдатель брига замечает два фрегата, идущих на юг по левому борту. Позже выясняется, что то были королевские суда «Флер-де-Лис» и «Мельпомена». Солнце стоит над самым горизонтом. С фрегатом их не заметили.

Гретья встреча носит водевильный характер. Почти на широте острова Горгона прямо к «Энконстану» направляется парусник под французским флагом. Наполеон приказывает гренадерам лечь на палубу, чтобы их не заметили с приближающегося судна. Будет ли бой? Парусник приближается; Тайад, один из офицеров, говорит:

— Это «Зефир». Я знаю его капитана. Его зовут Андрье.

«Зефир» медленно проплывает рядом с бригам.

— Куда направляетесь?—спрашивает его капитан.

Голос разносится над спокойным морем. Наполеон, спрятавшись позади лейтенанта Тайада, подсказывает: «Скажите, мы идем в Ливорно».

— В Ливорно. А вы?

— В Геную. Как чувствует себя император?

— Превосходно.

Гренадеров никто не видел. «Зефир» удаляется. Когда он исчезает из виду, капитан «Энконстан» приказывает взять курс на запад, на Францию.

Море спокойно. Звездное небо. Ветер чуть усилился, а ночью еще посвежел. 28 февраля на заре новая тревога: в западной части горизонта появляется парус. Он растет, поскольку «Энконстан» движется навстречу ему. Стоит ли менять курс, терять время, рисковать? Капитан разглядывает судно в подзорную трубу.

— По меньшей мере шестьдесят пушек. Но он идет на юг.

Парусник величественно удаляется к югу. Море спокойно и пустынно, ветер наполняет паруса флотилии. Наполеон указывает на сияющее голубое небо.

— Взошло солнце Аустерлица!

Последний подарок Средиземного моря, ни разу не предавшего своего сына. Теперь, вдали от него, Орел полетит навстречу своей мрачной судьбе...

VII

Лессепс Великолепный

Однажды, весенним утром 1833 года, вице-консул Франции в Александрии, сидя за своим столом, внимательно слушал посетителя, человека лет тридцати пяти с открытым и умным лицом. Правда, одет тот был необычно — морская тужурка, открытая рубашка, узкие длинные брюки, свисающий до колен шелковый шарф. На тужурке вышито крупными буквами: «LE PÈRE» (Отец).

— Примите его, если желаете, — сказал перед тем генеральный консул своему заместителю. — Я листал его дело. Сумасшедший. Недавно выпущен из тюрьмы. Я распоряжусь, чтобы его немедленно выслали.

Посетителя звали Проспер Анфантен. Он был последователем графа Сен-Симона (1760—1825)¹, философа и экономиста, создателя учения о некой разновидности социализма с высоко развитой иерархией. Ну а сам Проспер Анфантен оказал влияние на столь блестящие умы, как Бланки², Мишель Шевалье. Леон Галеви, братья Перейре.

Пророческие наклонности не помешали этому последователю Сен-Симона быть землевладельцем, начальником порта, потом основателем и директором (1845 год) «Лионской компании железных дорог».

В 1833 году он вышел из тюрьмы, куда попал за оскорбление нравственности, ибо последователи созданной им религии проповедовали свободную любовь. Однажды во сне он услышал голос, который велел ему отправиться в Египет: «В этой стране ты найдешь себе супругу, которая станет матерью твоей религии и с которой ты родишь мессию». Его сопровождало десятка три последователей, столь же странно одетых и вызывавших такое же любопытство, как и их предводитель.

Теперь он объяснял вице-консулу, что его пресловутый сон — он только что понял это — следовало толковать следующим образом:

— Моя миссия состоит в том, чтобы сделать из Средиземного моря свадебное ложе для брака Запада и Востока. Этот брак вступит в силу после прорытия канала через Суэцкий перешеек.

У Проспера Анфантена были предшественники. Четыре тысячи лет назад фараон Сенусерт I велел прорыть пресноводный канал из точки,

где ныне расположен Каир, до Красного моря. Канал существовал и 500 лет спустя — царица Хатшепсут использовала его при отправке экспедиции в Пунт (ныне Эритрея). Затем его занесло песком. Заново канал отрыли при фараоне Нехо (600 год до нашей эры). Согласно Геродоту, на работах было занято 100 000 землекопов. Канал регулярно засыпало песками, но его снова и снова отрывали. Это продолжалось до 776 года, когда один из халифов велел закрыть его из соображений военной безопасности. Напомним, что канал связывал Красное море с Нилом, а не со Средиземным морем.

Проспер Анфантен плохо знал дела фараонов, но детально ознакомился со сравнительно недавними проектами и изысканиями, относящимися к прокладке канала через перешеек, в частности с памятной запиской Лейбница (переданной Людовику XIV) и предложениями Луи де Ложье (марсельский коммерсант, 1777 год) и Мюра (консул Франции в Каире, 1782 год). Вице-консул Франции в Александрии слушал гостя тем более внимательно, что был знаком с содержанием многих документов, в том числе и с докладом, составленным в 1798 году по приказу Бонапарта одним из инженеров его экспедиции: по странному совпадению, он носил то же имя, которое значилось на тужурке Проспера Анфантена: Ле Пер. Вице-консула, двадцативосьмилетнего, атлетически сложенного человека с энергичным взглядом и ухоженными усами, звали Фердинанд де Лессепс.

Когда я был ребенком, имя Лессепса занимало почетное место в школьных учебниках чуть ли не наравне с именем Пастера. Этим в какой-то мере исправлялась вопиющая несправедливость, допущенная по отношению к этому человеку: осуждение (пять лет тюрьмы и 3000 франков штрафа) Фердинанда де Лессепса и его сына Шарля из-за «панамского скандала». Кстати, кассационный суд отменил приговор. Ни отец, ни сын не извлекли ни гроша из лопнувшего предприятия. К счастью, «отец Суэцкого канала», которому было в момент вынесения приговора восемьдесят пять лет, ничего не узнал о нем, поскольку незадолго до этого с ним случился удар.

Вся жизнь Лессепса может служить примером бескорыстия, идеализма и исключительных деловых качеств: редкое сочетание черт характера, которое почти автоматически создает человеку максимум врагов.

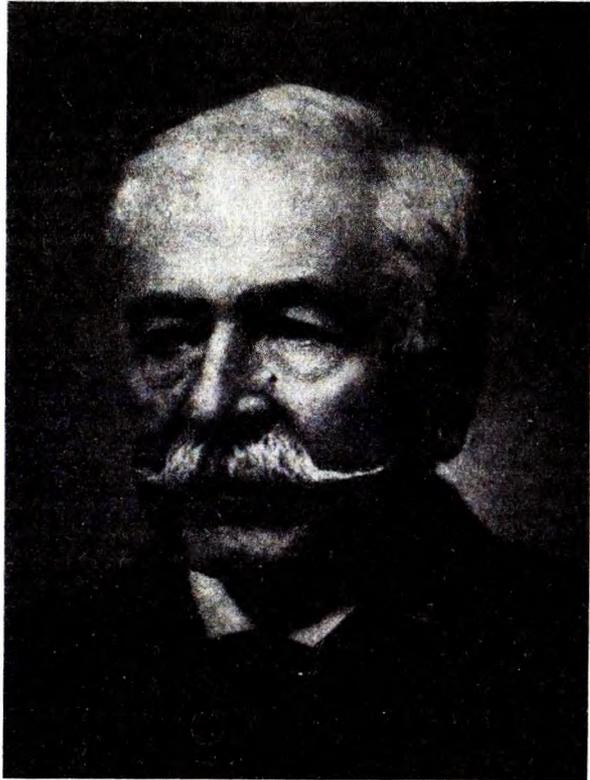
Фердинанд де Лессепс поступил на дипломатическую службу, идя по стопам отца, графа Матье де Лессепса, который сделал блестящую служебную карьеру при Наполеоне и близок сдружился с Мехметом Али, вице-королем Египта. Во время консульской службы в Лиссабоне Фердинанда де Лессепса представили графине де Монтихо, матери очаровательной девочки по имени Евгения. После смерти отца (1832 год) горечь Фердинанда по поводу утраты разделил Мехмет Али:

— Я хочу, чтобы вы стали такими же друзьями с моим сыном, какими были мы с вашим отцом.

Сын Мехмета Али, Мехмет Саид, страдал ожирением, и вице-король заставлял его бороться с этим недугом с помощью физических упражнений и сурового режима питания. Фердинанд, у которого Саид часто бывал, занимался с ним фехтованием и тайком подкармливал макаронами, любимым, но запретным блюдом.

Лессепс заинтересовался проектами по прорытию канала через перешеек совершенно случайно. Когда он прибыл в Египет, на судне был объявлен карантин по случаю холеры, и ему пришлось заполнить вынужденное безделье чтением книг, которые в изобилии присылал французский генеральный консул в Александрии. Тогда-то он и решил

Фердинанд де Лессепс, воплощение энергии и настойчивости. Десять лет он упорно добивался разрешения на строительство Суэцкого канала: Англия противилась реализации проекта

непременно реализовать этот проект. Встреча с Проспером Анфантемом, состоявшаяся год спустя, укрепила его решимость. А незадачливый сен-симонист вернулся во Францию.

Лессепс составил памятную записку, набросок проекта. Но кому его вручить? Вице-королю Мехмету Али? Этот властный бородач внушал молодому вице-консулу робость, хотя был известен своими современными взглядами реформатора и «проевропейца». Он улучшил ирригационную сеть Нижнего Египта, прорыв канал от Нила до Александрии. На работы согнали 60 000 феллахов. Условия работы в пустыне были тяжелыми, не хватало пищи и жилья. В результате 15 000 рабочих умерло. Лессепс решил вести дело по-иному.

Когда его назначили консулом в Каир, ему пришлось на несколько лет забыть о своем проекте, вначале из-за эпидемии холеры, пока

Фердинанд сам занимался больными, к которым боялись подойти даже врачи. К счастью, никто, кроме этих медиков, не затаил зла на него. Египтяне превозносили его. Лессенса наградили орденом Почетного легиона. Во время отпуска он влюбился в дочь старого друга семьи и вскоре женился на ней. Он занимает различные дипломатические посты в Александрии, Роттердаме, Малаге, Барселоне, Риме, где правительство Луи-Наполеона поручает ему невыполнимую миссию — добиться примирения папы с Римской республикой³. Он терпит полный провал и оказывается козлом отпущения. Лессепс уходит в отставку и переезжает в имение тещи, в Берри. Несчастья преследуют его: один из трех его сыновей умирает в Барселоне, другой сын, Шарль, подхватывает в лицее скарлатину и заражает всю семью. Его жена умирает, оставив сорокавосемилетнего Фердинанда безутешным вдовцом. Чтобы как-то отвлечься от невзгод, Фердинанд возвращается к проекту своей молодости — каналу. Новый удар судьбы лишает его благоприятных условий для реализации замысла.

В 1849 году умирает восьмидесятилетний вице-король Египта Мехмет Али, отец восьмидесяти четырех детей. Но у египтян, как богатых, так и бедных, огромная рождаемость уравнивается огромной смертностью — из восьмидесяти четырех отпрысков Мехмета Али в живых осталось всего четверо. И среди них только один сын. Один из внуков, тридцатишестилетний Аббас, старше этого сына, и, согласно новым законам о наследовании по старшинству, он и становится новым вице-королем. Ксенофоб и реакционер, он первым делом закрывает школы и больницы.

Не без беспокойства Фердинанд де Лессепс издалека следит за действиями нового монарха, но девиз любого делового человека — «Попытка не пытка». Провал. «Ну что же, подождем». К счастью, судьба вознаграждает не только энергичных, но и терпеливых. Год спустя Лессепс получает ошеломительную весть: Аббас убит гвардией. Корона вице-короля перешла к тридцатидвухлетнему Мехмету Саиду, другу детства.

Раннее утро, но представители дипломатического корпуса в парадной одежде уже собрались в большой зале приемов каирского дворца. Накануне они с удивлением прочитали и перечитали приглашение: «Вице-король желает объявить великую новость». Почему утром? Что за новость? Может, просто фарс? Саид обожает фарсы.

Разодетые глашатаи возвещают его выход. Появляется Саид-паша. Его наряд расшит драгоценными камнями и золотом. Он без улыбки входит в залу. Бородатый, величественный из-за своей тучности. Держа левую руку на рукояти великолепной короткой сабли, Саид подходит к трону и после короткого приветствия произносит несколько слов на французском языке, языке дипломатов и культурных египтян того времени. Он «решил провести через Суэцкий перешеек морской канал, поручив своему преданному высокопородному и высокопоставленному другу, графу Фердинанду де Лессепсу, органи-

звать акционерную компанию, капиталы которой составят взносы всех держав».

Присутствующие бросают взгляд на вдруг побледневшего генерального консула Великобритании. Лицо дипломата белеет словно мел, когда вице-король дружески приглашает Лессепса дать дополнительные разъяснения.

Если вы держали в руках один из довоенных атласов с маршрутами морских путей, вы обратили внимание, что множество пунктирных линий из Атлантики сходятся в Гибралтаре, плотным пучком пересекают Средиземное море, достигает Порт-Саида, а затем выходит у Суэца: Лондон—Калькутта, Ливерпуль—Рангун, Лондон—Шанхай, Ливерпуль—Брисбейн—Мальбурн, Лондон—Иокогама и т. д. Вы увидите и французские линии, к примеру Марсель—Сидней—Нумея, Марсель—Мадагаскар, но английских линий куда больше. И в этом нет ничего удивительного—в XIX и в начале XX века каждое третье судно плавало под британским флагом.

Ни одна страна в мире не получила от Суэцкого канала столько выгод, как Англия. Четверть тоннажа, прошедшего по этому водному пути, принадлежит Англии. «Суэц—ключ к дороге на Индию». Британское правительство не ведало покоя, пока не заполучило сей ключ себе в карман. Премьер-министр Дизраэли⁴ и королева Виктория приветствовали эту стратегическую победу как великое достижение англичан. И однако у Фердинанда де Лессепса, пока шло сооружение канала, не было более решительного и упрямого противника проекта, чем британское правительство. Оно не переставало распространять слухи, что Лессепс—«французский агент», который преследовал лишь одну цель—покончить с британским влиянием в Египте и на Ближнем Востоке. Лессепса называли и авантюристом, и мошенником, собирающимся нажить состояние за счет уважаемых английских капиталистов. Его предприятие называли химерой, невыполнимой затеей, обреченной на провал по тысяче причин, и продолжали бороться с ним всеми средствами. Так поступали государственные деятели одной из самой могущественных тогда наций мира.

Предлогом для открытия враждебных действий оказалась якобы защита интересов египетских железных дорог. Англичанин Стефенсон открыл железнодорожную линию Александрия—Каир. Другой его соотечественник—Вэгхорн организовал сообщение между Каиром и Суэцем, но не по железной дороге. Путешественников пересаживали в конные экипажи, которые пересекали пустыню со скоростью шести километров в час. Люди и животные страдали от жажды, и, кроме того, существовала постоянная опасность нападений бедуинов. Для устранения неудобств такого путешествия, по мнению Вэгхорна, железную дорогу Александрия—Каир следовало продолжить до Суэца, и он уже обратился к английскому парламенту за разрешением на начало работ. Проект Лессепса стал препятствием на пути его замысла.

Титул вице-короля означал, что Египет не был полностью суверенной страной. Любое важное решение вице-короля должно было утверждаться турецким правительством, или Высокой Портой, как говорили

тогда в европейских канцеляриях. Лессепс знал, что никакие работы и ходатайства о финансовой поддержке проекта немыслимы, пока султан не ратифицирует концессию. Он также знал, что султан ничего не предпринимал без согласия британского правительства. Следовательно, предстояли встречи с султаном и английскими государственными деятелями.

Рассказ о демаршах Фердинанда де Лессепса в Лондоне и Стамбуле (тогда его еще называли Константинополь⁵) занял бы целую книгу, которую, кстати, с юмором и горечью написал английский писатель Р. Дафф. Лессепса принимают султан и великий визирь. Турки со вниманием относятся к другу вице-короля Египта: его помещают во дворец и окружают поистине восточной роскошью. Каждый день является высокопоставленный чиновник, чтобы осведомиться: не раздражают ли графа климат и пища, достаточно ли ему двенадцати слуг? Обратил ли он внимание, что из его окон открывается сказочный вид на залив Золотой Рог? Проект? Его с интересом и надлежащим рвением изучают в кабинетах Высокой Порты, а это значит, что никто в него и не заглядывает, поскольку великий визирь сказал:

— Предположим, что проект интересен и его реализуют. Тогда вице-король приобретет влияние. Кто знает, быть может, ему захочется добиться независимости Египта?

Лессепс встречается в Константинополе с лордом Стрэтфордом, послом Великобритании. Он знает, что посол — большой друг и наставник великого визиря. Англия тех времен располагала достаточными средствами, чтобы суметь оказать любую поддержку.

Стрэтфорд — решительный противник канала по причине существования английского проекта железной дороги, а также из соображений высокой политики:

— Честолюбие вице-короля Египта может непомерно возрасти после выполнения проекта. А вдруг он объявит войну Турции? И выиграет ее? Россия окажет помощь султану, займет Константинополь, прольвы, появится на Средиземном море. Будет нарушено равновесие между державами.

Холодный, как глыба льда, Стрэдфорд, разумеется, не излагал этих своих соображений «агенту французского правительства». Он произнес всего несколько слов:

— Ваши аргументы превосходны, но проект будет осуществлен не раньше чем через сто лет.

Лессепс вернулся в Каир, встретился со своим другом Саидом, который горел от нетерпения. Затем Фердинанд отправился в Лондон.

Недрузи Лессепса называли его интриганом, поскольку ему всегда удавалось встретиться с влиятельными лицами. Но не следует забывать, что он не относился к разряду простых посетителей. Его прошлая консульская карьера помогала получать рекомендательные письма. Едва приехав в Лондон, он встречается сначала с министром иностранных дел лордом Кларендоном⁶, затем с премьер-министром лордом Пальмерстоном⁷, а это уже было своего рода подвигом. Пальмерстон, которому только что исполнился семьдесят один год,

оказал ему столь же холодный прием, как и посол в Константинополе. По-видимому, он исходил из тех же соображений, когда противился идее создания канала. Он принял Лессепса с показной приветливостью, но заявил, что проект неосуществим, и прежде всего из-за недостатка финансовых средств у Египта. На любое проявление настойчивости Пальмерстон отвечал вежливым отказом. Во время обеда Лессепс с удивлением узнал, что граф Персины, французский посол, полностью разделяет британскую точку зрения. Этот человек попал на дипломатическую службу с помощью интриг и надеялся, что хорошие манеры за столом позволят присутствующим забыть о его недавнем сержантском прошлом.

Но в такой стране, как Англия, государственные деятели — это еще не все. Реальная власть находится в руках банкиров, крупных промышленников, богатых купцов и журналистов. Лессепс добился встречи с ними, изложил им свой проект и сумел заинтересовать их.

— Нам нужно заключение экспертов о технической стороне дела. Лессепс вернулся в Каир, рассказал о своих демаршах вице-королю. Тот ответил: «Я оплачу расходы».

Прибыли эксперты, инженеры. Лессепс пригласил людей самых разных национальностей — четырех англичан, четырех французов, австрийца, голландца, русского, немца, испанца и итальянца. Вначале он вместе со своим сыном Шарлем и друзьями, супружеской четой Лафосс, организовал путешествие экспертов по Нилу. Саид не скупился. К каждой трапезе подавалось пять разных вин. Шампанское открывали по малейшему поводу. Инженеры не стали проводить изысканий и выразили свою уверенность в успехе, которую не охладило даже путешествие через пустыню на верблюдах. После двух дней «инспекции» эксперты подписали доклад, который начинался словами: «Работа не представляет особых трудностей, и успех несомненен».

Чем больше идеи опережают свое время и чем большие последствия влечет за собой воплощение в жизнь какого-либо проекта, тем серьезнее трудности, которые приходится преодолевать при его осуществлении. Христофор Колумб изложил свой проект португальскому королю (как известно, проект Колумба не приняли) в 1484 году, а отплыл лишь 2 августа 1492 года, восемь лет спустя. Магеллан, проект которого отверг другой португальский король в 1516 году, покинул Санлукар-де-Баррамедра только три года спустя. Неудачные демарши Фердинанда де Лессепса можно сравнить с злоключениями великих открывателей XV—XVI веков. Но упорство и настойчивость всегда побеждают.

Он снова в Англии. Всем и каждому он показывает восторженный отзыв экспертов. Банкиры и крупные промышленники согласны, однако, как известно, работы не могут начаться без согласия Высокой Порты, а следовательно, английского правительства. Но Пальмерстон по-прежнему занимает упрямую и враждебную позицию. Даже восста-

ние сипаев (1857 год)⁸, когда более или менее информированные англичане говорили, что «войска могли бы прибыть в Индию быстрее, если бы существовал канал!», не смогло сломить упрямства британского премьер-министра. Лессепс возвращается в Высокую Порту, тщетно пытается добиться ее разрешения на строительство, едет в Париж, встречается с Джеймсом Ротшильдом, «королем банкиров и банкиром королей».

— Как только у меня будут деньги, противников проекта поубавится. Вы можете помочь мне, выпустив на рынок акции канала на двести миллионов франков.

— Согласен. Вы получите поддержку моих парижских, провинциальных и заграничных банков.

— Что вы требуете взамен?

— Пять процентов.

— Никогда. Я обращаюсь прямо к широкой публике.

Маленькая контора на площади Вандом начинает продажу акций. Выпущено 400 000 акций по 500 франков каждая. 5 процентов дохода в год. Лессепс убедил своего друга Саида купить 64 000 акций. 31 035 французов купили в среднем по девять акций на человека. К сожалению, среди покупателей нет англичан, даже из числа его сторонников, в связи с резким обострением отношений между двумя странами: анархист Орсини⁹, получивший в свое время убежище в Англии, бросил бомбу в экипаж императорской четы.

Хотя проданы еще не все акции, Лессепс делает следующий шаг. В феврале 1859 года он подписывает с одним французским предпринимателем контракт о начале работ.

А Высокая Порта? Приходится идти на хитрость. Дальнейшее развитие событий подтвердило справедливость подобных действий. Лессепс пишет великому визирю: «Не думайте, что я хочу начать сооружение канала. Речь идет лишь о *служебном канале* для доставки оборудования и рабочей силы. Настоящий канал будет начат лишь после получения султанского *фирмана*». Но трасса так называемого служебного канала совпадает с начальным отрезком трассы настоящего канала. И 25 апреля Лессепс торжественно наносит первый удар киркой по песчаной почве пустыни вблизи Порт-Саида.

Через пятнадцать дней все останавливается. Великий визирь султана довел до сведения вице-короля, что разъяснения Лессепса по поводу «служебного канала» неудовлетворительны, и испуганный Саид отдает приказ приостановить работы.

Одно из качеств делового человека, стремящегося к поставленной цели,— умение поддерживать связи, как необходимые, так и те, которые могут стать таковыми. Фердинанд де Лессепс не прерывал контакта с графиней Монтихо, которой его представили в Лиссабоне в его бытность консулом. Он посылал поздравления ее дочери, ставшей французской императрицей. И графиня добилась для него аудиенции у Наполеона III.

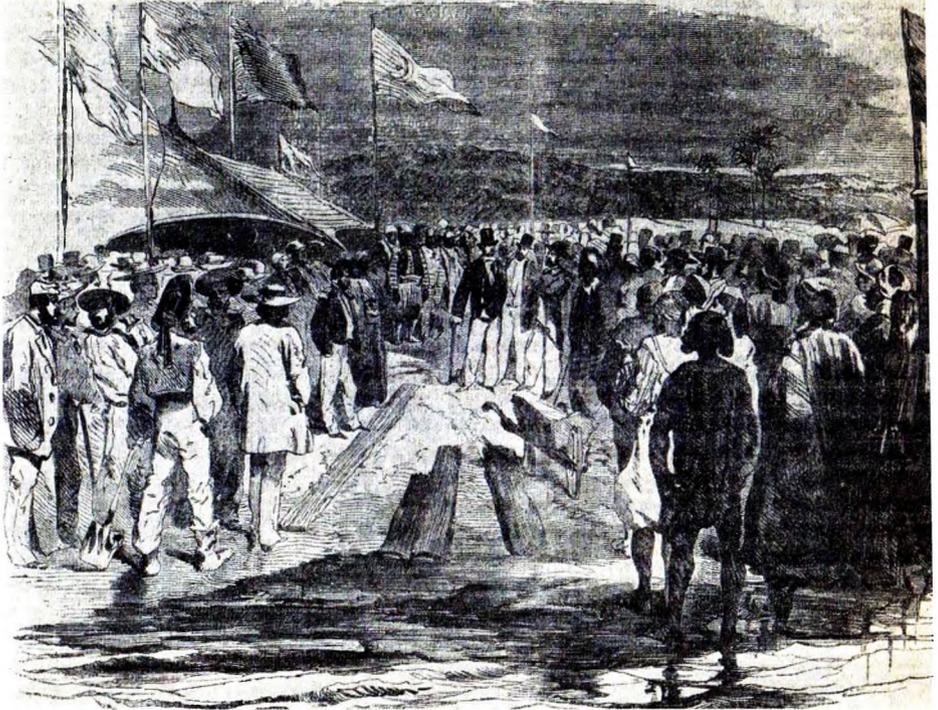
Император не мешкая приступил к делу:

— Господин Лессепс, почему столько людей противится вашему предприятю?

— Сир, видимо, все полагают, что ваше величество не намерено нас поддерживать.

Скрытый в словах Лессепса упрек подействовал. Задетый Наполеон III оказал помощь Лессепсу, прежде всего заменив генерального консула Франции в Каире, враждебно относящегося к идее канала, и приказав

Первый удар киркой (25 апреля 1859 года)

послу в Константинополе поддерживать Лессепса. Хотя препятствия еще оставались, но горизонт несколько расчистился. Османское правительство разрешило начать «подготовительные работы».

На перешейке, где должен был пройти канал, жили лишь бродячие племена бедуинов. Где найти в Египте рабочих? На нильских берегах. Но феллахи, волшебники земледельцы этой узкой плодородной полоски земли, вовсе не хотели работать в пустыне. Как заставить их? Ввести поденную работу.

Во времена фараонов поденщины не было, поскольку существовало рабство. Поденная работа оказалась в Египте нововведением — работа становилась обязательной и оплачиваемой. Тарифные ставки были до

смешного низкими, но разве в Европе, переживавшей период бурной индустриализации, рабочим платили больше?

Когда Лессепс приступил к подготовительным работам, он попросил Саида направить для рытья канала рабочих, но вице-король, побаивавшийся Турции, отказался. Он согласился на это лишь тогда, когда под давлением Наполеона III Высокая Порта начала уступать. На стройку прибыло сначала 2500, затем 12 000, потом 15 000 рабочих.

Хотя во многих серьезных энциклопедиях и словарях утверждается обратное, рабочим все-таки платили. Как мы уже говорили, мало — всего два с половиной пиастра (около пятидесяти сантимов) в день. Англичане платили по два пиастра в день рабочим, занятым на строительстве египетских железных дорог. Не будем идеализировать условия жизни феллахов, работавших на канале. Копать, перетаскивать землю и камни в пустыне — работа тяжелая. Но не стоит и полностью доверять словам врагов Лессепса.

Остались фотографии, на которых запечатлены самые обычные общественные работы: люди с лопатами и кирками; люди, толкающие вагонетки по рельсам; машины. Правда, первые два года машин не было, но затем они появились. Ежедневная норма земельных работ, назначенная Лессепсом, не превышала кубического метра на человека — не столь уж непосильная задача даже для слабых мускулов феллахов. На строительстве канала работали не только поденщики, но и добровольцы.

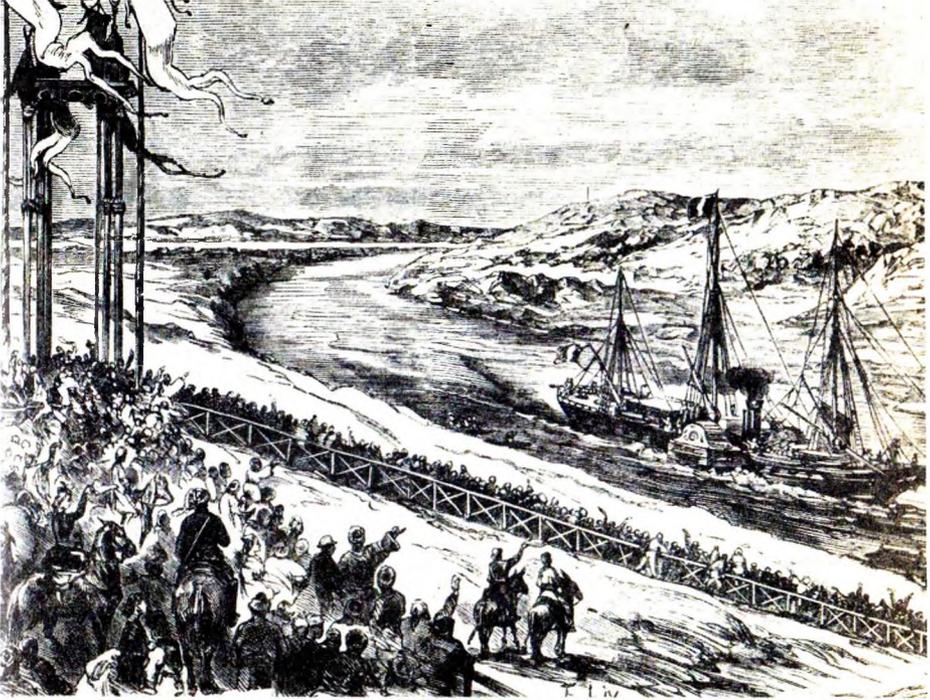
Рабочие спали в палатках — это было вполне естественно на Востоке. По вечерам в лагере раздавалась музыка, и начинались пляски. Опасаясь холеры, Лессепс установил суровые правила гигиены. Когда он узнал, что ораторы палаты общин описывали стройку как ад, он отправил в Форин офис (министерство иностранных дел Великобритании) письмо, где подробно описал условия труда женщин и детей в шахтах и на заводах Великобритании, а также указал на уровень смертности в английской колонии — Индии. Для сравнения он привел соответствующие цифры, относящиеся к его персоналу: среди европейцев смертность была вдвое ниже, чем во Франции, а среди египетских рабочих одна смерть приходилась на 5000 человек — это было куда ниже, чем в среднем по Египту.

В задачу этой книги не входит детальное описание строительства канала. Рабочие дни похожи один на другой, меняется лишь погода. Каждое время года приносит свои особенности — сначала стоит удушающая жара, затем она спадает, а ночи бывают даже холодными. День и ночь через пустыню идут караваны с припасами. Самый тяжелый груз — вода. Воды нужно много, и доставляют ее в бочках. Лессепс решает пролить канал, идущий от Каира до озера Тимсах около Исмаилии. По нему на стройку начинает поступать пресная нильская вода. В то же время «служебный канал» с морской водой, начатый в Порт-Саиде, постепенно расширяется, приобретает очертания, становится (хотя *фирман* ещё не подписан) морским каналом.

Самые многочисленные машины — паровые драги, которые вычерпывают озерный ил. Запахи угольного дыма и испарений плывут над пустыней.

Лессепс совершает важнейшую сделку— он убеждает вице-короля продать компании 10 000 гектаров земли вдоль канала с пресной водой. — Я проведу их ирригацию. Бедуины осядут и займутся земледелием и скотоводством. Расчет оказался верным. Явилось немало добровольцев. Они занимают-

Эгля», первое судно, прошедшее канал из конца в конец

ся либо ирригацией, либо рытьем морского канала при условии, что получат клочок плодородной земли. Эти 10 000 гектаров обводненных земель затем перепроданы Египту за 10 миллионов золотых франков. Лессепс писал, что «лучшего финансового положения до сих пор не было».

18 января 1863 года в сорокалетнем возрасте умирает Саид. Положение резко ухудшается. Не для канала. Для Лессепса.

Все—наследник Саида, его племянник Исмаил, турки, англичане и даже французы, среди которых герцог Морни, незаконнорожденный двоюродный брат Наполеона III,—вдруг осознают, что строительство канала близится к успешному завершению. Надо захватить компанию в свои руки и устранить Лессепса. Ради этого в Англии собран капитал в девять миллионов фунтов стерлингов.

Повод для отстранения Лессепса — поденная работа, которую он организовал с согласия Саида. В ней уже нет особой нужды, вполне хватает машин. Пора все свалить с больной головы на здоровую! Начинается злобная газетная кампания. А затем в дело вмешивается притаившийся враг — холера.

«Бацилла-запятая» (Кох выделит ее и даст ей название лишь в 1883 году) свирепствует в стране так, что любой более или менее состоятельный египтянин думает лишь о том, как бы поскорее покинуть Египет. Новый вице-король, министры и высокопоставленные чиновники — люди богатые, так же как и (увы!) множество врачей. Поэтому главная задача Лессепса — помешать рабочим (инженерно-технический состав не дрогнул) последовать примеру могущественных хозяев:

— Куда вы пойдете? Холера гуляет по Египту. А здесь вы получите медицинскую помощь.

И действительно, в Тель-эль-Кебире Лессепс с помощью французаврача открывает медицинский центр, организует срочные курсы для санитаров. Он и сам ухаживает за больными.

Любой эпидемии приходит конец. В декабре, после окончания жаркого периода, холера идет на убыль. Лессепс облегченно вздыхает. Вскоре приходит весть, что у его любимого внука, живущего в Исмаилии вместе с родителями, начались приступы рвоты. Неутомимый дед садится на коня и всю ночь скачет через пустыню. Когда он добирается до кровати ребенка, тот уже мертв. И Лессепс падает в обморок.

Нельзя терять надежду даже в самых тяжких испытаниях. В начале 1866 года международный заговор против Лессепса терпит провал благодаря решению Наполеона III подтвердить концессию, выданную девять лет назад Саидом. 2 мая 1866 года, когда две трети работы уже выполнено, султан наконец публикует официальный фирман, разрешающий строительство канала.

«На всех парах» — так можно сказать о завершении работ. Громадные по тем временам машины перебрасывают тонны песка, земли и камней. Они дымят днем, окружены красноватым сиянием ночью — строительство идет круглые сутки.

Впечатляющее зрелище, как и любая промышленная эпопея. Канал посещают известные лица — Теник, старший сын вице-короля, Эдуард, принц Уэльский, старший сын королевы Виктории. Одной фразой он выносит приговор покойному премьер-министру:

— Лорд Пальмерстон проявил жалкую близорукость.

Затем появляется и вице-король Исмаил, само воплощение обходительности. Исмаил преисполняется гордости, когда 15 августа 1869 года узнает, что прокладка канала завершена. Воды Средиземного и Красного морей готовы слиться (в районе северной оконечности Горького озера). Их удерживают две плотины. Обращаясь к толпе, застывшей позади вице-короля, Лессепс произносит:

— Тридцать пять веков назад Моисей повелел водам Красного моря расступиться, и они повиновались ему. Сегодня государь Египта приказывает им вернуться, и они повинуются ему.

Исмаил взмахнул рукой. Перемычки рухнули. Воды Средиземного и Красного морей устремились навстречу друг другу. Работа завершена, остались лишь некоторые доделки. Исмаил пользуется этой отсрочкой, чтобы посетить Европу и разослать тысячи приглашений на церемонию открытия канала. Ожидаются многочисленные гости, и Исмаилу хочется блеснуть восточной пышностью, чтобы оставить свое имя в веках.

— Хозяйкой церемонии может быть только императрица Евгения, — говорит Лессепс.

Исмаил согласен. Теперь он ищет дружбы с Францией, чтобы избавиться от турецкой опеки. Он уже получил титул хедива, а это намного лучше, чем звание вице-короля. Евгения прибыла в Александрию 19 октября на борту императорской яхты «Эгль» («Орел») за месяц до открытия канала.

Нил, пирамиды, памятники седой старины, которые еще Клеопатра показывала Цезарю и Марку Антонию. Императрица капризна и требовательна. Она как бы предчувствует, что Францию ждут великие несчастья и хочет вкусить всех удовольствий. Лессепс, которого она с императорской фамильярностью зовет Фернандо, удовлетворяет и предупреждает любой ее каприз. Вокруг Евгении кружится рой эlegantных офицеров. В ее свите находится и молодой египтолог, которому поручено толкование иероглифов, но его никто не слушает.

Гости хедива съезжаются в Каир и Александрию — высокие военные чины, дипломаты, знаменитости, в том числе писатели и драматурги — Теофиль Готье, Золя, Ибсен... Их тут же сортируют по рангам и размещают в разных отелях, больших и поменьше (но даже лучшие гостиницы плохи), возят на прогулки по Нилу. Никакой организации. Повсюду царит хаос. Гостей то теряют, то снова находят. Но голоса недовольных тонут в характерном гомоне Востока, волна официально-энтузиазма захлестывает все.

Наконец между 13 и 16 ноября прибыли остальные именитые гости — австрийский император Франц-Иосиф, наследный принц прусского королевства, королевская чета из Голландии, послы Англии и России в Константинополе. Все суда первого каравана (восемьдесят, из них пятьдесят военных) собрались в Порт-Саиде, порту средиземноморской части канала.

При появлении на рейде яхты «Эгль», которая открывала парад судов, грянул пушечный салют. Для знатных гостей хедив Исмаил разбил на причалах городок, словно вышедший из сказок «Тысячи и одной ночи». Состоялась довольно странная «вселенская» католикосомусульманская месса; магистр Бауэр, посол Ватикана во Франции и духовник императрицы, благословил Фердинанда де Лессепса и его творение. Затем начались банкеты, приемы, фейерверки на судах и на берегу. Менее знатные гости обзрели Порт-Саид, где, как грибы, выросли злачные заведения.

— Катастрофа! Надо отложить открытие!

Человек, вызвавший Лессепса с торжественного обеда, был невероятно бледен. В канале обнаружили препятствие — острую скалу, которую, как это часто случается, не заметили во время промеров. А теперь она стала причиной поломки драги. Лессепс немедленно отправился на место:

— Нужен порох. Если скалу не удастся взорвать, я пушу себе пулю в лоб.

Скалу удалось взорвать. Потом в Исмаилии начался пожар, но его успели затушить. Затем село на мель лоцманское судно, но его вовремя стащили на глубокое место. Когда наконец со всеми бедами было покончено, Лессепс с улыбкой поднялся на борт императорской яхты, чтобы показать канал императрице.

Кортеж судов бросил якоря перед Исмаилией, и снова начались банкеты и фейерверки. Провели лошадиные бега в пустыне. Евгений захотелось прокатиться по пустыне на лошади, затем на верблюде. Для увеселения знатных гостей поблизости разбиты лагеря кочевников-бедуинов. Их одели в новые бурнусы, и они на корточках сидели на новых коврах с королевских складов, играя дамасским оружием, выданным им на время церемоний. Они бешено вращали глазами, стреляли в воздух, крутили саблями, затем предлагали гостям кофе, шербет, наргиле. Уровень организации не всегда соответствовал канонам восточного гостеприимства. Иногда между двумя пирами нельзя было найти ни куска съестного. Во время одного гигантского приема, состоявшегося после довольно продолжительного поста, гости расхватали все угощение до того, как успели накрыть столы. Но все эти незначительные происшествия не могли омрачить общего ликования.

20 ноября путешествие закончилось в Суэце, где гостей уже ждали суда, чтобы проделать путь в обратном направлении. Три первых судна были английскими. Командующий королевским флотом в Суэце послал в Лондон телеграмму: «Яхта императрицы и другие суда прибыли. Канал имеет успех. Милн». Через несколько часов Лессепс получил телеграмму с горячими поздравлениями. Она была подписана министром иностранных дел лордом Кларендоном.

24 ноября императрица Евгения отбыла во Францию. На следующий день состоялась свадьба шестидесятичетырехлетнего Лессепса с девушкой двадцати четырех лет. Во втором браке Лессепс имел двенадцать детей. Последний родился в день его восьмидесятилетия.

Канал стал самым известным водным путем в истории. Маневры, предпринятые Англией, чтобы обеспечить себе финансовый контроль над каналом, к морской истории не относятся и вкратце сводятся к следующему. К концу 1875 года хедив, погрязший в долгах, решил сделать заем у французских банкиров, предложив им в качестве гарантии акции канала. Банкиры отказались. Мое невежество в финансовых делах не позволяет мне сказать, правы они были или нет. Как бы там ни было, премьер-министр Великобритании Дизраэли,

узнав о переговорах, отправил телеграмму генеральному консулу в Египте, а барон Ротшильд в тот же день предложил четыре миллиона фунтов стерлингов. Хедив уступил свои акции.
— Англии еще никогда не удавалось совершить столь удачной сделки, — сказал генеральный консул, подписывая соглашение.

И честь почетных гостей давались пиры и представления

Он был прав. В период между 1875 годом и второй мировой войной британское казначейство получило от канала более 50 миллионов фунтов стерлингов дохода. Французские акционеры тоже не жаловались. В течение долгих лет акции Суэцкого канала были превосходной гарантией от нищеты.

Константинопольская конвенция (1882 год) утвердила международный статус канала: как в военное, так и в мирное время он должен был оставаться открытым для любых *торговых* и *военных* судов всех стран. Сей утопический либерализм потерпел крах уже во время первой мировой войны. Как только канал оказался под угрозой, англичане захватили Палестину, а в 1936 году по договору с Египтом получили военный контроль над этой водной артерией. Но контроль не

распространялся на административные дела: в 1956 году в составе совета тридцати двух директоров было шестнадцать французов, девять англичан, пять египтян, голландец, американец и т. д.

О событиях последних трех десятилетий мы знаем из газет и журналов: национализация канала (26 июля 1956 года), израильская агрессия, в результате которой в 1967 году канал перестал функционировать.

Экономисты произнесли над ним нечто вроде надгробной речи:

— Водный путь, который казался жизненно важным для западного мира, превратился в границу между враждующими нациями — арабами и израильянами. Все оборудование разрушено. Четырнадцать судов, принадлежащих девяти странам, гниют в Горьком озере, а песок пустыни все больше и больше заносит канал. Мир продолжает жить без него. Прошло время громадных пассажирских судов, а пассажирам самолетов наплевать на перешейки и пустыни. Торговые суда теперь огибают мыс Доброй Надежды и сжигают в своих топках гораздо больше нефти, но зато их владельцы перестали платить за проход по каналу в Суэце или Порт-Саиде. Закрытие канала заставило нефтяные компании приступить к строительству гигантских танкеров, эксплуатация которых обходится намного дешевле, чем эксплуатация маленьких судов. И каждый год между Средиземным и Красным морями прокладывают все больше нефтепроводов. Канал стал не нужен в момент своей смерти.

Однако фантастический взлет цен на нефть и все большее количество нефти, производимой эмиратами Персидского залива, заставили экономистов пересмотреть свои соображения по поводу канала. Он может снова стать рентабельным. Похоже, история этого узкого водного пути, с большими трудами пробитого Лесепсом, еще не окончена¹⁰.

VIII

Балы и порох

В 1834 году названия Лазурный берег еще не существовало и не было выражения «отправиться на Берег», поскольку никто туда не ездил. Люди еще не знали, что такое оплаченный отпуск. А богачи, которые могли себе позволить отдых, еще не раскусили всех прелестей этого района. Средиземноморское побережье жило торговлей и промышленностью, рыбной ловлей, разведением характерных для Провансаля культур. Люди не имели большого достатка, жизнь была временами очень трудна. Единственными развлечениями были музыка и балы по случаю многочисленных старофранцузских праздников, празднование дней местных святых и крупные религиозные церемонии.

Тараск, дракон из дерева и ткани, чудовище приронского фольклора, был традиционным участником праздника святой Марии Магдалины в городах и деревнях; с середины поста начинались маскарады, серенады, кавалькады, балы. Высшей точки празднества достигали в Тулоне, где с 1 января до среды первой недели великого поста (у католиков) проходили традиционные маскарады.

В канун поста моряки всех судов, стоящих в порту и на рейде, вешали на конце реи смешного, тщательно изготовленного человечка. Его называли Карамантран. Затем всех Карамантранов свозили на сушу, моряки таскали их с собой, переходя из одной таверны в другую. В конце концов все чучела сжигались при общем ликовании. Как и Его Величество Карнавал, Карамантран, будучи морским подобием Тараска, символизировал (хотя его веселье палачи и не подозревали об этом) некоего мифического старца, со смертью которого начиналась весна. Этот характерный для всех древних цивилизаций миф не умирает до сих пор. Я сам видел, как в тридцатых годах на Тулонском рейде вешали Карамантрана. Ну а карнавал в Ницце приобрел свой нынешний вид в 1873 году.

С 1832 по 1834 год карнавалы в Тулоне праздновались с особой роскошью. Золото потекло в этот город рекой начиная с весны 1830 года, когда в Тулоне началась концентрация карательного экспедиционного корпуса и подготовка его к отправке в Алжир. К отплытию

Ежегодный карнавал в Ницце

готовилось 103 военных и 665 торговых судов. На них погрузили 2968 пушек, 63 000 солдат и 4000 лошадей. С собой везли все припасы и боевое снаряжение. С конца февраля по 25 мая в порту, арсенале, городе, его пригородах и окрестностях кипела жизнь, и торговцы с радостью подсчитывали доходы.

Кроме военных, живших на частных квартирах из-за отсутствия мест в казармах и лагерях, приехало множество посторонних лиц — просто зевак, а также разного рода поставщиков, торговцев, маклеров и публики, почуявшей возможность легкой наживы, — воров, мошенников и девиц легкого поведения. Началась невиданная инфляция, цены выросли в два-три раза, так же как и заработная плата. Народу еще прибавилось к моменту морского парада 4 мая 1830 года — красивейшее зрелище на красивейшем рейде. На празднестве присутствовал герцог Ангулемский, генералиссимус и великий адмирал Франции. Люди съезжались со всей округи. Отплытие эскадры состоялось 26 мая 1830 года.

Никто из наблюдавших за отплытием флота не предполагал, что присутствует при историческом событии: началось коренное изменение соотношения сил на Средиземном море. За один век промышленные нации Европы подчинили себе все мусульманские государства, лежащие на побережье Средиземного моря. Захват происходил непрерывно, и многие поколения европейцев едва замечали, какой размах приобрели события. Европа утвердила свое господство на северном побережье Африки. (Но через несколько десятилетий борьба возобновилась с новой силой.)

Перед отплытием из Тулона произошли важные события. Давным-давно покоренная и опустошенная турками Греция после ряда жестоко подавленных восстаний обрела независимость с помощью французского, английского и русского флотов, одержавших победу при Наварине (20 октября 1827 года) над турецкой эскадрой¹.

Французская армада пересекла море, высадила в Сиди-Ферруше десант, а через три недели (5 июля 1830 года) французы вошли в Алжир, освободив последних христианских рабов; дея выслали в Неаполь вместе с его женами и бриллиантами. Аналогичные события имели место в Ороне, Боне, Беджаие. Остальные французские морские силы громили Тунис и Триполи. Султан, лишившийся флота под Наварином, беспомощно наблюдал за развалом магрибских государств, покровителем которых он так долго считался. Колонизация, казалось, носила необратимый характер. Египет Мехмета Саида и Исмаил-паши стремился перенять западноевропейский образ жизни, а после перехода контроля над каналом в руки Англии стал практически английским протекторатом. Тунис превратился во французский протекторат в 1881 году. А Италия после войны с турками (1912 год) аннексировала часть Ливии и установила контроль над остальной частью страны.

Однако (многие ли знают об этом сегодня?) еще в 1900 году европейцы-рабы работали в поместьях и садах богатых мусульман в Мекнесе, Марракеше и других городах. Пассажирские суда спокойно проходили

через пролив мимо Гибралтарской скалы, начиненной британскими пушками, но пираты Сафи по-прежнему разбойничали в море, всю ночь до зари они рыскали в поисках мелких судов, похищали мужчин и женщин и продавали их на невольничьих рынках. Захватив Марокко, французы покончили со средиземноморским пиратством. Прежде

1830 год: французский флот обстреливает Алжир. Высаживается экспедиционный корпус

всего Франция стремилась обеспечить безопасность оазисов, расположенных южнее Орана. Усмирив и захватив Алжир, завоеватели обрушились на марокканских берберов, постоянно переходивших границу. Колонизация Алжира и Марокко имеет долгую кровавую историю, о которой не однажды рассказывали в разных книгах. Средиземное море стало *европейским*. Это была новая историческая реальность, казавшаяся многим французам естественной: ведь они еще на школьной скамье зазубривали названия «департаментов французского Алжира» с их главными городами и префектурами. Наше желание вписать в историческую перспективу все эпизоды «Великого часа Средиземного моря» заставило нас забежать вперед. Вернемся к нашему мирному путешествию по будущему Лазурному берегу.

Уже давно затихли в городах Средиземноморского побережья отзвуки карнавала 1834 года, когда в конце осени некий знатный англичанин, лорд Броэм, явился в таможенню Сен-Лоран-дю-Вара и заявил, что направляется в Ниццу. В Сен-Лоране (ныне коммуна Альп-Маритим, округ Грасс) имелась таможня, потому что в 1814 году Ниццу передали савойскому дому (Ницца вновь стала французской в 1860 году). Пьемонтские таможенники не разрешили лорду Броэму пересечь границу.

— Но почему?

— Во Франции свирепствует холера.

В 1832 году в Париже от холеры умерло 18 000 человек. Болезнь добралась до Марселя в декабре 1834 года, а до Тулона, где было зарегистрировано 2000 смертей,—в июне того же года. Я уже упоминал об эпидемиях холеры и чумы, свирепствовавших в Средиземноморском бассейне, да и во всей Европе, и не хотел бы повторяться. Лучше расскажу о непредвиденных последствиях закрытия пьемонтской границы в 1834 году.

Лорд Броэм, выдающийся адвокат, юрист и политический деятель, ставший в 1810 году членом палаты лордов, был в свое время государственным министром при двух правительствах. Выйдя в почетную и заслуженную отставку в возрасте пятидесяти шести лет, он решил совершить путешествие на юг Франции. Его не очень напугала парижская холера 1832 года. И когда пьемонтские таможенники запретили ему проезд в Ниццу, он сказал:

— Ну что же, проведу зиму в Канне.

Ему там очень понравилось, холера 1834—1835 годов в Марселе и Тулоне его не затронула. Он выстроил себе в полюбившемся городке великолепный дом (1838 год). Отдыхая там, он писал своим английским друзьям такие восторженные письма о мягкости климата, красоте местности, милом характере жителей, что каждую зиму число англичан, отдохавших в Канне и его окрестностях, росло. Не стоит и говорить, что отдыхающие приносили существенный доход краю. Возможно, что и без пропаганды лорда Броэма побережье с его благодатным климатом стало бы со временем притягательным как магнит, но так уж случилось, что именно он оказался пионером, и благодаря ему первыми отдыхающими стали культурные и любящие природу люди. Лорду Броэму в Канне поставлен памятник—он заслужил его.

Грузчики порта (слова «докер» еще не существовало) долгое время удивлялись невиданному грузу, который доставляли английские суда в Канн. Это был газон. Он прибывал в рулонах, которые во время морского перехода приходилось постоянно смачивать. Газон предназначался для вилл богатых англичан.

— Здесь он не приживется!

Всем известна любовь англичан к газонам. Привезенный в Канн газон акклиматизировался и перенес зиму. До наступления южного лета, которое все (кроме местного населения) считали невыносимым, англичане уезжали к себе на остров, оставляя виллы под присмотром сторожей. И газон умирал. Но каждое лето англичане снова привозили

его на Французскую Ривьеру, как тогда называли это побережье. В 1887 году адвокат Стефен Льежар написал книгу о своих впечатлениях после путешествия по этому району и назвал ее «Лазурный берег». Название понравилось и прижилось.

Богатые англичане ввели моду на Лазурный берег. Тогда он назывался Французской Ривьерой

Румын Негреско начал карьеру с нижней ступеньки гостиничного дела. Он служил в Монте-Карло, Англии, Франции. Став в 1903 году директором ресторана при казино Ниццы, он как-то предложил одному из своих клиентов-друзей:

— Господин Даррак, Ницце не хватает роскошного отеля. Давайте построим его вместе!

Даррак производил автомобили. Он согласился и нашел компаньонов.

Были созданы два общества с капиталом в два с половиной миллиона золотых франков, одно для строительства здания, второе для создания коммерческого фонда. Работы начались в 1910 году.

— Открытие состоится через два года, в первый день Нового года,— объявил Негреско.

Крупнейшие газеты мира говорили об этом строительстве. В ноябре 1912 года они сообщили, что открытие задерживается на месяц. В кабинете Негреско раздался телефонный звонок. Звонил американский промышленник, некто Герни:

— Несколько месяцев тому назад я заказал номер, чтобы встретить вместе с семьей Новый год в вашем отеле. Требую подтвердить мой заказ.

— Будет сделано, господин Герни.

Работы продолжались день и ночь, и единственный номер подготовили к назначенному сроку. Официальное открытие состоялось лишь через месяц.

Цены за проживание в отеле казались до смешного низкими американским миллионерам с мощной, набитой долларами. Один из соотечественников Герни купил под Ниццей виллу, больше похожую на замок, — некую смесь архитектурных стилей средних веков и Ренессанса. Своих слуг он вызывал, стреляя из револьвера. Однажды он заявил:

— Я люблю лунный свет и хочу любоваться им каждый вечер.

Электрики и инженеры немало потрудились, чтобы установить искусственную луну, которая вращалась вокруг замка. Он нанял сорок статистов, которые низко кланялись ему, когда он выходил из дома. Если миллионер отправлялся в ресторан, две дюжины статистов заранее занимали средние столики и отвешивали ему столь же низкий поклон, когда он появлялся в зале.

К счастью, репутация Лазурного берега создавалась не только богатыми англичанами, сливками европейского общества и консервными королями. С 1886 года в прибрежных водах на борту своей яхты «Бель-ами» («Милый друг») появлялся Ги де Мопассан. Яхта часто останавливалась в Канне. Преуспевающий и богатый писатель продолжал создавать по две книги в год, несмотря на ужасные головные боли. Он жил в Шале-де-л'Изер на авеню Грасс в Канне.

Позже побережье стал посещать Жан Лорен (его подлинное имя Поль Дюваль) — талантливый поэт, сказочник, романист, журналист, редактор отдела сплетен в «Журнале», декадент и эстет. А Кап-Мартэн облюбовал юный, но уже признанный талант Жан Кокто².

Лазурный берег стал основной темой в творчестве многих художников. В Эксе обосновался Сезанн³, изредка наезжавший в Эстак. В Агэ рисовал Гийомен. В Жуан-де-Пен недолго жил Клод Моне⁴. В 1892 году в Сан-Тропец прибыл Поль Синьяк⁵. Немалый подвиг, поскольку путешествие представляло большие трудности: в Тулоне пересадка с линии Париж—Лион—Средиземное море на узкоколейку Южно-Французской железной дороги до Ля-Фулкса, откуда в Сан-Тропец можно было добраться на небольшом суденышке.

В Сан-Тропече Поль Синьяк купил виллу «Ля Юн», а потом домик поменьше «Ле Сигаль». В 1908 году в дверь виллы позвонили три молодых художника — Андре Дюнуайе де Сегонзак, Жан-Луи Руссиньоль и Льюк-Альбер Моро. Синьяк поселил их в «Ле Сигаль». Художники посещали в Сан-Тропече старенькое кафе «Фредерик» с диванчиками, обитыми потертым бархатом, и столиками из белого мрамора.

Возникла средиземноморская художественная школа, к которой позже присоединились Матисс, Боннар, Марке, Камуэн, Лебаск, Манген, Турен.

В 1906 году шестидесятипятилетний художник Огюст Ренуар купил в О-де-Кань парк Колетт с оливковыми деревьями и построил себе простой домик, окруженный розовыми кустами. Мэтр поселился там с женой и тремя сыновьями, а также со своими моделями, чьи лица и тела он увековечил гениальной кистью: крепкой крестьянкой Большой Луизой и медсестрой Габриэль. Самая юная из трех его натурщиц, Деде, приезжала из Ниццы на трамвае. В «Колетт» бывали Клод Моне, Одилон Редон, Дерен, Модильяни, Роден, Майоль и торговцев картинами Дюран-Рюэль, первым поверивший в талант Ренуара.

Художники, жившие на Лазурном берегу, в летнее время были здесь почти единственными «чужаками». Отели в это время пустели, виллы казались мрачными и унылыми, владельцы магазинов оспаривали друг у друга скудную клиентуру — сторожей безлюдных имений. Закрывались театры и казино.

Сигналом к началу курортного сезона было обычно открытие знаменитого казино в Монте-Карло. С 1891 года принц Альберт I отделил театр от казино и назначил его директором не профессионала, а молодого студента-медика по имени Серж Гэнзбур, страстно влюбленного в музыку: дальнейшие события подтвердили правильность такого выбора. На премьеры опер Вагнера, Гуно, Пуччини, Массне, Сен-Санса попадали лишь знаменитости. В этой золоченой клетке, наверное самым удачным творением архитектора Гарнье, спектакли ставили с невероятной роскошью, ведущие певцы получали громадные гонорары: две тысячи франков за вечер платили Патти, Шаляпина, Саре Бернар. Такие расходы стали возможны благодаря игорному дому, прибыли от которого кормили все княжество.

5 марта 1899 года в 2 часа 20 минут ночи жители коммун, расположенных по соседству с пороховым заводом Лагубран (в четырех километрах от центра Тулона), проснулись от ужасающего грохота. Стены домов дрожали, как при землетрясении. Грозовые раскаты и воздушная волна докатились до Ниццы. От порохового завода осталась лишь воронка диаметром сорок метров и глубиной пятнадцать метров в центре. Рабочих на заводе не оказалось. От взрыва погибли жители ближайших домов — семьдесят человек.

Несколько дней о лагубранском взрыве говорил весь Берег, затем жизнь вернулась в привычное русло летней летаргии, отдыха после зимы. Военная гроза была еще далеко. 12 марта 1907 года несколько взрывов потрясли броненосец «Иена», стоявший на ремонте в доке тулонского арсенала. На рейд обрушился дождь шрапнели, громадные куски обшивки разлетелись на расстояние до пяти километров. Первый взрыв произошел в час пополудни; в пять часов двадцатиметровый броненосец, громада из раскаленной стали, продолжал гореть. Пожарные и жандармы едва сдерживали сбежавшихся зевак:

— Не подходите! Могут взорваться еще несколько пороховых погребов!

С пожаром удалось справиться лишь после того, как другой броненосец, «Патри», пушечным залпом выбил ворота сухого дока. Сто восемнадцать погибших, тринадцать пропавших без вести. На похороны прибыл президент Французской республики.

С мая 1896 года на борту военных судов произошло по крайней мере пять взрывов, не считая множества смертельных случаев во время стрельб. На суше кроме катастрофы на заводе Лагубран взрывы со смертельными исходами и увечьями имели место еще на шестнадцати пороховых заводах. В то время во Франции производился и использовался бездымный порох В. Он резко повысил эффективность стрельбы и вытеснил черный порох. Но если его хранили без соблюдения строжайших предосторожностей, он разлагался, и происходило самовозгорание. После катастрофы с «Иеной» несколько комиссий пришли к выводу, что порох В сам по себе не является причиной взрывов. Эксперты пороховой службы заявили, что взрыв произошел из-за небрежного, без соблюдения предписанных мер предосторожности хранения пороха на борту броненосца.

25 сентября 1911 года в 5.30 утра произошло самовозгорание в пороховых погребах броненосца «Либерте», стоявшего на якоре на тулонском рейде. Команда заняла свои места согласно пожарному расписанию, хотя огонь уже распространился по нижним палубам, батареям и верхней палубе. Матросы, которые бросились было в море, по приказу офицеров вернулись обратно. Началась борьба с пожаром. В 5.53 из носовой части броненосца вырвался огненный фонтан. Взрыв был невероятной силы. Броневая обшивка обрушилась на другие броненосцы, причиняя громадные разрушения на расстоянии до восьмисот метров. Дым скрыл все вокруг в радиусе до шестисот метров. Мелкие суда вокруг броненосца смело, словно пыль. Когда дым рассеялся, глазам открылся огромный бесформенный остов из черного дымящегося железа.

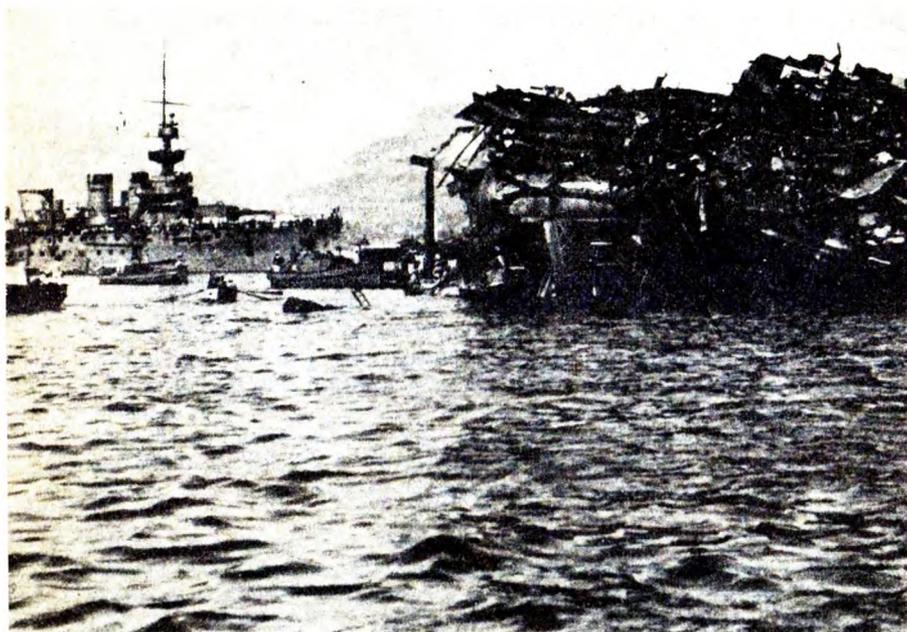
Двести восемьдесят убитых, сто тридцать шесть тяжелораненых. Президент Фальер, который в свое время следовал за гробами жертв с «Иены», прибыл в Тулон, чтобы присутствовать на новой траурной церемонии. Напряжение было таково, что чей-то крик: «Бомба! Спасайся, кто может!» — вызвал панику. Траурное шествие оказалось нарушенным, несколько людей затоптали насмерть.

В газетах вначале появились те же комментарии, что и после взрыва «Иены» и Лагубрана. Эксперты пороховой службы отрицали любую возможность самопроизвольного взрыва. По их мнению, причины драмы крылись в небрежном хранении пороха и несоблюдении необходимых мер предосторожности. Боевые качества пороха В придали ему в глазах ответственных чиновников некий оттенок божественности. Заявить, что он опасен,— это отдавало святотатством.

В конце концов специальной комиссии поручили составить доклад для Национального собрания. В нее вошел главный инженер морской артиллерии и шесть офицеров-моряков, в том числе капитан первого

ранга Шверер, выдающийся артиллерист, которого полностью поддерживал министр военно-морских сил Делкассе. Доклад Шверера, представленный в марте 1912 года, содержал обвинения против пороховой службы, чьи беспечность и недобросовестность были наконец разоблачены. Но потребовалось еще два года, чтобы заменить на борту

Взрыв броненосца «Либерте» на тулонском рейде (25 сентября 1911 года) был результатом упрямства некоторых ответственных лиц, выступавших за применение легко воспламеняющегося пороха В. 400 жертв

военных судов порох В взрывчатым веществом, которое прежде всего не убивало тех, кто им пользовался.

В начале августа 1914 года Лазурный берег изнывал от чудовищной жары. Вдруг над сожженными солнцем полями разнесся звук набата, а в Тулоне ухнула пушка арсенала: затем раздался второй залп, потом третий... Залпы извещали не об очередном взрыве. Началась мировая война, но никто не хотел этому верить... На следующий день тулонцы вышли полновобласть на парад военных кораблей. Это было незабываемое зрелище. Поезда, испещренные надписями мелом: «На Берлин!», «Поезд удовлетворений на Берлин!», отходили от вокзалов крупных южных городов. Англичане — но не все, ибо в их стране не

существовало всеобщей воинской повинности,— тоже садились в поезда, идущие на север. В конце концов жизнь вернулась в обычное русло, если не считать плохих вестей, траура, отсутствия многих мужчин. Фронт казался далеким.

Фронт казался еще более далеким жителям острова Мальта. Мальтийский архипелаг (Мальта, Гоцо — крохотный островок, лежащий поблизости от нее, и несколько других) входил в Британскую империю. Английский флот царил на семи морях, в Средиземном море его поддерживала большая часть французского флота; Германия на этом море военных судов практически не имела, а австрийский флот, как вскоре выяснилось, и не собирался покидать свое убежище в Кото (югославское побережье Адриатики). Линейные корабли французского и английского флотов подходили туда для обстрела австрийских судов. Крейсера обеих наций блокировали пролив Отранто, соединяющий Адриатическое и Ионическое моря, бороздили и патрулировали все Средиземное море. Военные корабли союзников заходили на Мальту за углем, для очистки котлов, замены котельных труб. Французские и английские матросы в увольнительной бродили, обнявшись, по крутым улочкам Валлетты, заходили в бары, где часто засыпали, уронив голову на руки,— не от спиртного, а от усталости. Люди выматывались от бесконечной патрульной войны без боев, тем более что суда того времени были лишены самых элементарных удобств для команды.

Мальтийцы не выказывали ни усталости, ни недовольства. Арсенал работал вовсю, коммерция процветала.

В жилах многих мальтийцев течет финикийская кровь (и не только она), и их по праву считают чемпионами торговли, поскольку они умеют покупать и продавать товары, даже не видя их. Я знал одного такого дельца — он нажил в первую мировую войну приличное состояние, продавая уголь английским военным кораблям, заходившим в Валлетту. Где он покупал уголь? В Англии.

В Валлетте издавались две ежедневные газеты, но подробные новости о военных действиях доходили с опозданием — по мере доставки английских газет. В военное время любой порт кишит шпионами, которые прислушиваются к болтовне моряков. В начале 1915 года вся Валлетта знала, что мощные англо-французские морские силы крейсируют у Дарданелл. Их официальной задачей был перехват двух немецких крейсеров — «Гебена» и «Бреслау». На самом деле Уильям Черчилль, бывший тогда главой Адмиралтейства, вел свою собственную кампанию в военном кабинете:

— Траншейная война сковала армии, и мы не покочим с ней, пока не изменим тактику. Решение может быть найдено в Восточном Средиземноморье. Надо прорваться в Дарданеллы, подойти к Константинополю и заставить Турцию сложить оружие. Тогда, соединившись с Россией, мы задушим державы Центральной Европы.

21 февраля 1915 года мальтийские газеты объявили о начале Дарданелльской операции⁶; ее продолжение и детали стали известны через

неделю после снятия цензуры и прибытия английских газет. Утром 19 февраля франко-британские морские силы вошли в Дарданелльский пролив, подвергнув обстрелу турецкие форты. Но операция провалилась. Три броненосца (один французский — «Буве» и два английских — «Иризистэбл» и «Океан») были потоплены, четыре судна (два английских и два французских) выведены из строя. Погибло около двух тысяч моряков.

Потом в порт Валлетты прибыли транспортные суда, они доставили десантный экспедиционный корпус, поскольку бои шли на берегах пролива. Затем газеты заговорили о Галлипольском полуострове; детали не сообщались, но было ясно, что турки яростно сопротивляются. Неудачи в этой операции во многом искупила радостная для мальтийцев новость: Италия объявила войну Австро-Венгрии (23 мая 1915 года), присоединившись к лагерю союзников. В Италии жили родственники, друзья, и на Мальте больше говорили на итальянском, чем на английском.

Началась неожиданная война на море: в Средиземное море проникли немецкие подводные лодки, они потопили два британских броненосца — «Триумф» и «Маджестик». Будучи островитянами, мальтийцы больше интересовались морскими, чем сухопутными, боями. Ютландская битва с ее неясным исходом (превознесенная как победа) обсуждалась в их газетах куда пространнее, чем бойня под Верденом. Арсенал Валлетты не пустел, он удваивал, утраивал производство. Работы и денег хватало всем, на улицах днем и поздно вечером царило оживление из-за большого количества моряков-отпускников. Во время войны траурные вести получали и в мальтийских семьях, и в семьях англичан, живших на Мальте, но в общем остров не очень страдал от войны. Эпидемия «испанки» в 1917 году унесла больше жизней, чем война.

Мальтийцы слышали первые выстрелы семь месяцев спустя после перемирия, а точнее, через три недели после подписания мирного договора в Версале. Стреляли английские войска по мальтийским мятежникам, сжегшим британский флаг перед резиденцией губернатора. Четверо убитых, сто раненых. Беспорядки продолжались еще два дня.

Мальта, ключ к Средиземноморью, не утратила этого значения до второй мировой войны. «Ключ» постоянно переходил из рук в руки, начиная от древних финикийцев и кончая современными англичанами. Параллельно происходило формирование мальтийской нации из людей самых разных национальностей. Рыцари Мальтийского ордена крепко держали ключ двести шестьдесят восемь лет, французы — два года (пока Бонапарт занимался египетской кампанией). Россия мечтала получить контроль над островом, но в 1800 году англичане завладели Мальтой и даже пошли на разрыв (в мае 1803 года) Амьенского мирного договора⁷, лишь бы не выпустить остров из рук.

С тех пор англо-мальтийские отношения напоминали взаимоотношения супружеской четы, состоящей из властного британца и темпераментной непостоянной южанки. Возникали самые разные проблемы (языковая была одной из важнейших) — их либо решили, либо обошли,

либо отбросили. В 1800 году Мальта стала британским владением, подотчетным министерству колоний. В 1887 году Мальте предоставили относительную независимость. Были созданы законодательный и исполнительный советы, но оставались «запретные темы» и право вето со стороны королевы, а главное, остался губернатор, представлявший королеву. Когда возник вопрос об утверждении английского языка в качестве официального вместо мальтийского и итальянского, среди мальтийцев начались беспорядки, и, хотя губернатор в 1903 году отменил советы и конституцию и стал править как диктатор, языковая проблема по-прежнему будоражила умы. Первая мировая война на время прекратила раздоры.

Конец войны обернулся для мальтийцев концом «эры процветания» — началась безработица, а жизнь подорожала. Родилась «Национальная партия», которая поставила своей целью добиться демократии и права на самоопределение. Проходили политические собрания, на которых ораторы ссылались на великий пример русской революции. Все это вылилось в мятежи 1919 года.

Комиссия, которой поручили расследование причин волнений, направила в Лондон проект конституции, разработанный «Национальной Ассоциацией мальтийского народа». Британское правительство одобрило большую часть текста и провозгласило 27 мая 1921 года новую мальтийскую конституцию. Остров перестал считаться доминионом и получил самоуправление. Относительное, правда. По-прежнему сохранялись губернатор и «запретные темы». Стремление мальтийцев к независимости наталкивалось на суровую действительность: без английских субсидий Мальте грозила нищенская жизнь. Мальта получила независимость в 1964 году, однако проблема существует до сих пор⁸.

Но вернемся к довоенным событиям. Редко случается, чтобы заседания британского Адмиралтейства проходили без упоминания о Мальте. До 1935 года британские стратеги находили ситуацию предельно ясной:

— В случае войны Мальта сыграет роль, аналогичную той, какую она сыграла в войне 1914—1918 годов. Нам вряд ли придется сражаться с противником, имеющим морские базы в Средиземном море.

Но после 1935 года стратегическая ситуация резко меняется. Муссолини сближается с Германией, бросает вызов Англии, совершает нападение на Абиссинию, решает создать и создает мощную авиацию. Некоторые английские историки, специалисты по мальтийскому вопросу, упоминают о неожиданном разногласии среди лордов Адмиралтейства:

— В случае войны итальянская авиация, базирующаяся в Сицилии и усиленная немецкими самолетами, начнет бомбардировать остров, а мы не сможем оказать ей действенного сопротивления. Остров потеряет свое значение. Следует выбрать иную стратегию — блокировать Средиземное море, заперев Гибралтар и Порт-Саид, а все ресурсы направить на создание и укрепление баз на пути вокруг мыса Доброй Надежды.

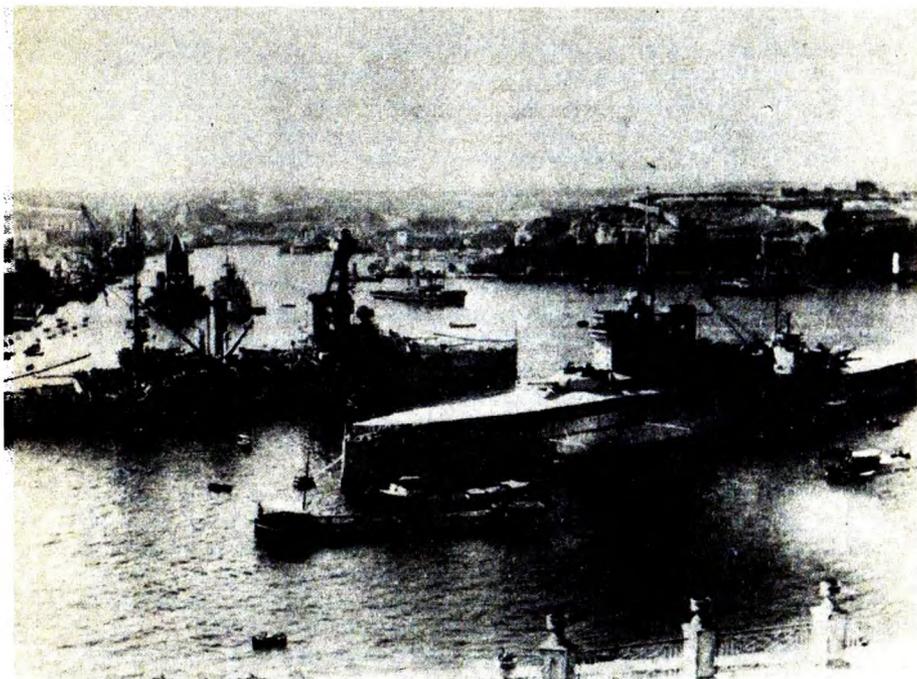
— От Лондона до Александрии вокруг мыса Доброй Надежды 11 608 морских миль, а через Гибралтар по Средиземному морю — 3097 миль.

— Неважно. Первый путь хотя и длиннее, но надежнее! Конечно, не

следует начинать немедленную эвакуацию Мальты, но в случае войны нецелесообразно долго оборонять остров. Сторонники этой стратегии получили в то время имя «партии Мыса». Их противники называли себя «Средиземноморской партией».

— Кто держит в своих руках Средиземное море, держит весь мир. Уйти

Английский флот на Мальте. Во время второй мировой войны остров Мальта, словно замок, заперал Средиземноморье

из Средиземного моря — значит отдать Египет врагу, потерять влияние на Ближнем Востоке и поставить под угрозу поставки нефти. Продолжительность пути вокруг мыса Доброй Надежды слишком велика, чтобы обеспечить во время войны достаточно быстрый оборот танкеров.

«Средиземноморская партия» одержала верх. Первый лорд Адмиралтейства посетил Мальту:

— Эту базу оставлять нельзя, — заявил он по возвращении. — Следует решить все проблемы, требующие сотрудничества с местными властями, и усилить оборонительные сооружения острова. Мальта должна выстоять против любых воздушных и морских атак, а также выдерживать возможную блокаду.

Столь решительные слова были произнесены осенью 1936 года. Дело не сдвинулось с мертвой точки и три года спустя. Великобритания подготовилась к войне, но, будучи уверена в своей непобедимости и привыкнув, что ее союзники обычно принимают на себя первый удар, ничего не сделала.

В мае 1940 года почти все мальтийские итальянцы вернулись на родину.

10 июня мальтийцы услышали по радио актерский голос Муссолини: — Настал день нашего окончательного решения...

Дуче открыл военные действия, считая, что ему ничто не грозит. На следующий день итальянская авиация совершила первый налет на Мальту. Семьдесят убитых. В мальтийских газетах появился тревожный комментарий: «Лишь благодаря счастливой случайности удалось избежать большого количества жертв, поскольку бомбоубежищ на острове оказалось до смешного мало. Почему британские власти, ответственные за оборону архипелага, не построили новых убежищ? Плотность населения на Мальте равна 895 обитателям на квадратный километр, а в Валлетте и в других городах достигает 1904 обитателей на квадратный километр, что второе превышает плотность населения в Голландии и Бельгии. Новые воздушные рейды закончатся кровопролитием. Почему итальянцы бомбят остров, не встречая никакого сопротивления? Что собирается делать сэр Уильям Добби?»

Генерал-майор Уильям Джордж Добби был британским губернатором и главнокомандующим местными силами. Прежде всего он организовал два конвоя для эвакуации в Александрию гражданских лиц английского происхождения, стремившихся покинуть архипелаг. Любой британский представитель за границей, как военный, так и гражданский, думает прежде всего о безопасности своих соотечественников. Затем генерал-майор принял решение, на которое пока не решилось правительство в Лондоне: он ввел на Мальте обязательную воинскую службу.

— Часть рекрутов пройдет ускоренное обучение для обслуживания зенитных орудий, которые должны доставить из Гибралтара. Остальные займутся строительством бомбоубежищ под руководством морских инженеров.

Первая итальянская бомбежка оказалась в какой-то мере символической. Передышка использовали. Скалистая Мальта в основном состоит из известняка. В этой породе легко вырыть хорошее убежище, но строились и бетонные укрытия. В конце 1940 года газеты опубликовали планы завершения к марту 1941 года строительства убежищ в скалах на 94 000 человек и бетонных убежищ на 22 000 человек; укрытия, выстроенные частными лицами, могли принять 54 500 жителей. При уже существующих убежищах на 60 000 человек укрытиями обеспечивалось 230 500 островитян. Планы были выполнены, и этим объясняется относительно малое количество жертв — 1600 убитых на 270 000 жителей. Столь высокая эффективность пассивной обороны вовсе не означает, что пребывание на Мальте во время второй мировой войны относилось к числу приятных.

— Все наши оборонительные средства состояли в начале войны из трех аэродромов и трех самолетов.— шутили мальтийцы.

Они не грешили против истины. Три аэродрома— Хэл-Фар, Такали и Люга. Взлетно-посадочные полосы первых двух заросли травой, а на третьем их окружали овраги и церкви. Свои три самолета типа «Гладиатор» мальтийцы называли «Вера», «Надежда» и «Милосердие».

После первого рейда итальянцев стали прибывать английские истребители. Они взлетали с авианосцев, стоявших в Гибралтаре, и садились на Мальте. Первая из этих операций провалилась: из четырнадцати «харрикейнов», поднявшихся с палубы авианосца «Аргус» в 650 километрах от Мальты, девять упали в море и погибли из-за нехватки горючего. В следующий раз истребители взлетели с более близкого расстояния.

— Эти самолеты— самое ценное, что у нас есть,—сказал рассудительный Уильям Добби.—Надо спрятать их в убежища. Поскольку бетона не хватает, укрытия следует построить из земли и пустых емкостей для бензина.

На строительство укрытия для одного «харрикейна» требовались сотни тонн земли. Все здоровые мальтийцы превратились в землекопов. На Мальту перебросили достаточное количество истребителей и бомбардировщиков, чтобы можно было не только противостоять итальянской авиации и защищать британские конвои в Средиземном море (в Ливии уже началась «война в пустыне»), но и бомбить итальянские конвои, идущие в Африку. Мальта в это время походила на большой неподвижный авианосец, который с честью выдержал свой первый бой. Но в январе 1941 года все изменилось.

— Самолеты с черными крестами! Немцы!

Чтобы выручить итальянского союзника, разбитого в Ливии, Гитлер приказал разместить в Сицилии немецкий воздушный корпус. Теперь над аэродромами и арсеналами Мальты в сопровождении «мессершмиттов» пронеслись «юнкерсы-88». Их пилоты пикировали на суда, стоящие в Валлетте, с невероятной точностью. Парадоксально, но их талант бомбометания оказался спасительным для великолепных памятников города.

10 января в открытом море в авианосец «Иластриэд» попадает пятисоткилограммовая бомба, и он едва добирается до порта. Тринадцать дней и ночей рабочие мальтийского арсенала, не покладая рук, трудятся над устранением серьезных повреждений под почти непрерывными дневными бомбежками. В ночь с 23 на 24 «Иластриэд» снимается с якоря и берет курс на Александрию.

Начиная с этого момента, германо-итальянские воздушные рейды почти полностью нейтрализуют британскую авиацию, базирующуюся на острове. Германские ВВС, «Люфтваффе», господствуют в воздухе над всем Средиземным морем, немецкие парашютисты захватывают Крит, англичане отступают в Африке до Тобрука. Мальта блокирована. Конвои с припасами до острова уже не доходят.

— Гитлер напал на Россию!— Эта новость потрясает весь мир.

Мальтийцы, конечно, не представляют себе всех последствий этого события для их судьбы, но один факт очевиден: над островом

появляется куда меньше самолетов с черными крестами, поскольку часть военно-воздушных сил немцев переводится из Сицилии в Россию. На Мальту прорывается небольшая эскадра из крейсеров и эскадренных миноносцев; она получает кодовое наименование «Силы К». Через неделю после ее прибытия ночная тревога в Валлетте. Жители города бросаются в убежища. Но события разворачиваются странным образом.

— Это не бомбы!

— Похоже на пушечные выстрелы.

Действительно, стреляли пушки. Самые любопытные покидают убежища и видят порт, залитый светом прожекторов. Официальное разъяснение появилось в газетах лишь через день, но вся Мальта уже знает, что случилось: «Силы К» подверглись нападению торпед, управляемых людьми. Это итальянцы. На борту крохотного снаряда, начиненного взрывчаткой, один человек. Его счастье, если он успевае́т выбраться из торпеды до попадания в цель. На этот раз первые торпеды попали в защитные ограждения, не добравшись до цели. Объявили тревогу, и операция полностью провалилась.

Каждое крупное событие величайшей войны отражается на судьбе мальтийцев. 7 декабря 1941 года. Японцы уничтожают американский флот в Пёрл-Харборе. Еще через два дня в районе Малайзии потоплены линейный корабль «Принс оф Уэллс» и крейсер «Рипалз» английского королевского флота. Японцы захватывают Бирму. И Великобритания переводит на Дальний Восток морские силы, предназначенные для операций в Средиземном море.

С другой стороны, зима приостанавливает воздушные операции немцев на русском фронте, и Германия пользуется возможностью вернуть авиацию на Средиземное море и ввести туда подводные лодки⁹. Они с успехом атакуют и уничтожают авианосец «Арк Ройял» и линейный корабль «Бархэм». 12 декабря все суда «Сил К» подрываются на минах в море около Триполи. В ночь с 19 на 20 три торпеды с человеком-пилотом топят в порту Александрии линейные корабли «Вэйент» и «Куин Элизабет». На Средиземном море не остается ни одного английского линейного корабля. И начальник штаба итальянских военно-морских сил предлагает германскому верховному главнокомандованию:

— Наши соединенные силы должны захватить Мальту. Это единственное средство обеспечить беспрепятственное снабжение наших войск в Ливии. Конечно, в июле прошлого года захват был бы легче, поскольку теперь все мальтийские пляжи укреплены. Но операция по-прежнему возможна. У нас разработан план.

План, пересмотренный и исправленный немцами, состоял в следующем: парашютный и воздушный десанты, затем высадка на южном побережье острова, одновременно — захват островка Гоцо. Германский генштаб дал согласие, оставалось подтянуть необходимые силы и подготовить «коммандос».

— Наметим проведение операции на июль. А к тому времени добьемся полной нейтрализации Мальты с помощью многочисленных и мощных бомбардировок.

Сестра моей матери замужем за мальтийцем, и на Мальте у меня есть двоюродные братья.

С января 1941 года по октябрь 1942 года Мальта выдержала 3215 атак с воздуха.

— От бомб погибло не так уж много людей,— говорили мне братья.— Но почти постоянная жизнь в убежищах была весьма уныла, к тому же остров почти ничего не получал извне. В конце 1940 года ввели продуктовые карточки.

— Что выдавали по карточкам?

— Все, даже мыло и спички. В начале 1942 года власти ввели строгие ограничения на уголь, электричество и керосин, а ведь все готовили на керосинках. Болезненно ощущалось отсутствие муки. Мы ведь большие любители хлеба и макарон. Чтобы сэкономить керосин, власти организовали выпечку хлеба для всего острова, и его тоже стали давать в пайках.

— В 1942 году с целью экономии горючего правительство создало «виктори китчен» (кухни для победы). Вначале там можно было получить раз в день горячий обед за часть продуктовых карточек. Но с июля 1942 года следовало выбирать — либо карточки, либо «виктори китчен». Все чаще отключалось электричество. Ощущалась острая нехватка автобусов, единственного транспортного средства для работающего населения, жившего вне Валлетты.

Думаю, ни один аэродром союзников не подвергся такому количеству воздушных атак, как аэродромы Мальты. С января по октябрь 1942 года каждый день над Такари происходило несколько воздушных боев.

— Меня мобилизовали и определили в нелетный состав. Если мы не дежурили ночью, то отсыпались в пещерах в нескольких километрах от аэродрома. Вставать приходилось в четыре часа, а в четыре тридцать нас и пилотов «Спитфайеров» уже ждали автобусы. Мы сидели в убежищах и траншеях рядом с полосой, где стояли дежурные самолеты. Когда громкоговоритель рявкал: «Тревога!» — пилоты бросались к своим самолетам, взлетали, а через несколько минут с неба начинали сыпаться бомбы. Мы должны были засыпать воронки на полосах. Иногда удавалось дожидаться конца атаки, но чаще извещали о подходе новой волны вражеских самолетов, и в воздух надо было поднять новые истребители, а перед этим хотя бы очистить полосу от падающих с неба обломков самолетов.

— Сколько времени вы прослужили там?

— С января 1941-го по декабрь 1942-го.

— Как велики были потери?

— Их всегда восполняли...

— Много ли уцелело из тех, кого мобилизовали в январе 1941 года?

— Четверо или пятеро.

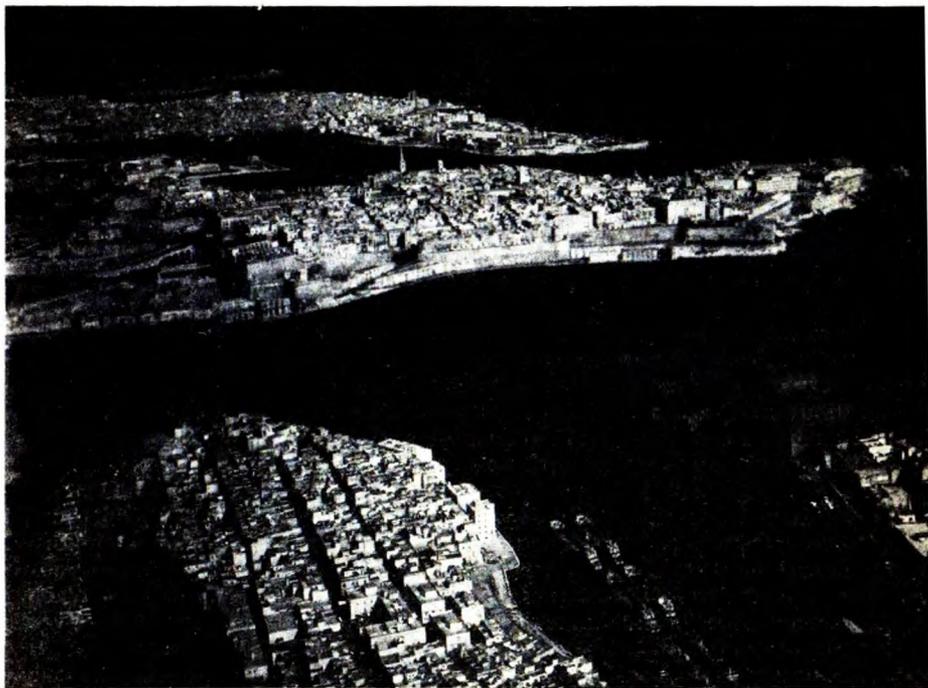
Человек, которого я расспрашивал, был муж моей двоюродной сестры.

Его рассказ сопровождался смехом, словно речь шла о каких-нибудь веселых вещах.

Летом 1942 года сэра Уильяма Добби заменил на посту губернатора лорд Горт, который считался более энергичным человеком. Энергия в

подобной ситуации была нелишней. Подводные лодки, единственные военные суда, которые могли добраться до Мальты, доставляли минимум самых необходимых грузов — медикаменты и сгущенное молоко для младенцев. Подлодки всплывали лишь ночью, особенно в порту Валлетты. Население жило в убежищах-пещерах вне города.

Порт Валлетта, великолепная естественная гавань. Город с его замечательными фортификациями и памятниками был с января 1941 года по декабрь 1942 года объектом массированных бомбежек. Германо-итальянские эскадрильи взлетали с Сицилии. Голодающее население жило в убежищах

Власти делали все возможное, чтобы поддерживать на приемлемом уровне гигиену. С начала года на Мальту прибыло всего два конвоя — в январе и марте. Они понесли тяжелые потери и доставили только пятую часть грузов.

— В то лето положение Мальты казалось совершенно отчаянным. Мы думали, что с нами покончат голод и нехватка медикаментов. Когда мы узнали, что английский король наградил Георгиевским крестом (награда для гражданских лиц, проявивших исключительное мужество, равноценная «кресту Виктории» в армии) все население Мальты, мы сочли, что с нами как бы попрощались.

14 июня конвой из Египта вынужден был вернуться, не выполнив поставленной задачи. Через несколько дней до Мальты добрались два судна из двенадцати. Затем ничего до 13 августа. В тот день прибыли жалкие остатки конвоя — один танкер и четыре грузовых судна. По пути были потоплены остальные четыре грузовых судна, а также три военных судна сопровождения — два крейсера и один авианосец.

— Слава богу, мы об этом не знали, иначе наше моральное состояние было бы еще хуже.

К счастью, мальтийцы не подозревали о германо-итальянском плане захвата острова, назначенного на июль. И только позднее им стало известно, почему захват острова не состоялся и почему с июля бомбардировки стали гораздо реже. Причиной тому оказался временный успех немцев в Африке и России¹⁰. Когда Роммель подошел к воротам Александрии, германский генштаб решил, что захват Мальты уже не нужен. Стратеги «Оси» сочли, что остров вскоре окажется в окружении враждебных ему стран — Ливии, Египта, Греции, Крита, Италии — и, не получая помощи и припасов от англичан, чье присутствие в Средиземном море сведено к нулю, сдастся сам. Кроме того, часть «Люфтваффе» снова отправили в Россию, что привело к сокращению воздушных налетов на Мальту.

— Наконец мы смогли выйти из убежищ и чуть-чуть передохнуть. День ото дня новости становились приятнее. Снова в порту появились британские военные суда. Но карточки не отменяли еще несколько месяцев. И сгущенное молоко для детей по-прежнему доставляли на подводных лодках.

В войне произошел поворот¹¹, тиски постепенно разжимались. Англичане посылали в Египет вокруг мыса Доброй Надежды — пришлось пойти на это — танки, пушки, самолеты. Часть этих самолетов отправили на Мальту. Они не только защищали остров, но и атаковали конвой с подкреплениями для Роммеля. Лишенный горючего, Роммель приостановил наступление, а затем начал отступать. Наконец 8 ноября американцы и англичане высадились в Северной Африке. Мальта была спасена. В начале декабря улучшилось снабжение и прибыли новые самолеты. Мальта стала базой наступательных операций союзников.

Сейчас остров уже не является единственным ключом к Средиземноморью, но его стратегическое значение достаточно велико, чтобы его правительство могло почти на равных говорить с Великобританией, в которой Мальта нуждается экономически.

Сейчас острову угрожает лишь вторжение армии туристов. Организаторы круизов и путешествий вдруг обнаружили, что Валлетта и ее рейды относятся к живописнейшим местам мира. Только бы туристы не нанесли слишком большого ущерба острову!

IX

Жестокое море

Январь 1942 года. На Средиземном море идут яростные сражения. Британские авианосцы и военные суда тонут как в открытом море, так и в порту Александрии. Франция после заключения перемирия¹ 1940 года остается юридически вне конфликта, но тем не менее испытывает ограничения, связанные с немецкой оккупацией и английской блокадой. Перестают поступать арахисовые орехи из Дакара, сахар с Антильских островов, рис, маис, сахар и маниок с Мадагаскара, фрукты из Северной Африки. В 1942 году Франция получила продуктов питания на три с половиной миллиона тонн меньше, чем обычно. Французские торговые суда, пытающиеся прорвать блокаду, обстреливаются и захватываются. Через сеть патрулей проходят лишь отдельные корабли. Пассажирские суда пропускаются почти беспрепятственно.

6 января 1942 года в шестнадцать часов из Алжира в Марсель отплывает судно «Ламорисьер» (капитан Мийассо). На судне водоизмещением 4712 тонн и длиной 112 метров, спущенном на воду в 1920 году, было помимо экипажа 88 военных и 176 гражданских пассажиров, а также 492 тонны груза.

Погода портилась уже в момент отплытия. По белесоватому небу неслись черные тучи, из которых наискось сыпал ледяной дождь. Едва корабль миновал мол, как белый Алжир исчез за сплошной завесой дождя. Каюты и салоны еле отапливались, но французы знали, что дела идут плохо повсюду. Они разучились требовать.

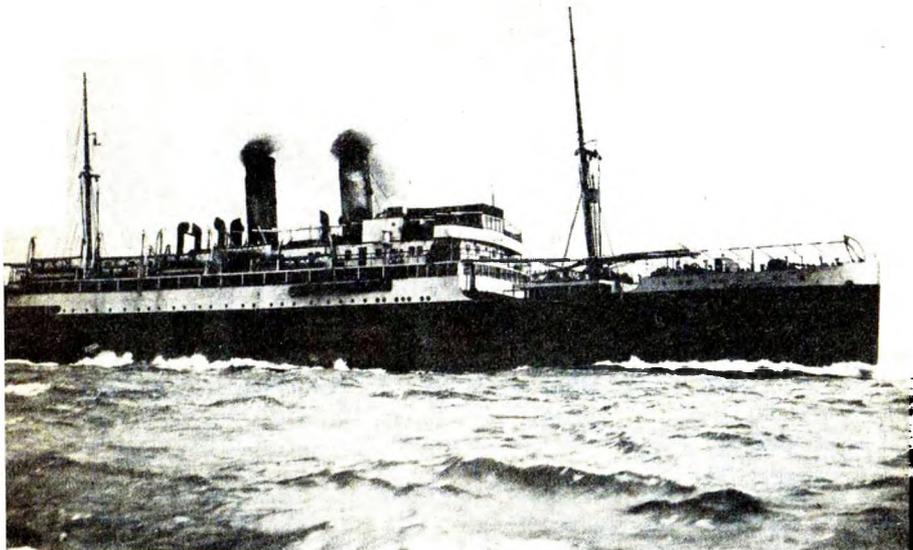
Семнадцать часов. Дважды ревет сирена, и матросы разбегаются по коридорам, стуча в двери кают: «Учебная тревога, все на палубу первого класса!» В каждой каюте есть надпись, указывающая место сбора пассажиров. Туда надо явиться в спасательном жилете. В мирное время учебные тревоги — повод для шуток. В 1942 году людям не до развлечений.

В ночь с 6-го на 7-е барометр падает, а к утру море разыгрывается не на шутку. Количество людей в ресторане уменьшается с каждым разом. «Ламорисьер» не может развить полной скорости из-за волнения на море и отвратительного качества угля.

Хороший уголь реквизирован немцами.

7 января, девятнадцать часов. От стеклов мостика несет холодом из-за пронзительного ветра. Вахтенный офицер записывает в бортовом журнале: «Ветер 9 баллов. Жестокое волнение». 9 баллов по шкале Бофорта соответствуют скорости ветра 66—77 километров в час, и

В январе 1942 года из Алжирского порта вышло почтово-пассажирское судно «Ламорисьера» с экипажем и 264 пассажирами на борту, среди которых было 176 гражданских лиц (мужчины, женщины, дети). Корабль затонул в открытом море, став жертвой шторма. Погибло более 200 человек

если моряк говорит: «жестокое волнение», погода стоит действительно плохая. Пассажиры «Ламорисьера» слышат мощные удары волн о борта старенького судна: тем, кто рискует выйти из каюты, приходится намертво вцепляться в поручни. На обед 7 января является лишь двадцать пассажиров.

Двадцать три часа двадцать минут. Пока пассажиры спят или страдают от приступов морской болезни в своих каютах, капитан Мийассо получает радиogramму от карго «Жюмьеж» (капитан Магаге): «SOS! Серьезная авария, продолжать плавание не могу, трюмы залиты водой. Местоположение 40°25'N, 4°25'E». На борту «Жюмьежа» 1200

тонн угля, 249 тонн цемента и 53 тонны разных грузов. Он отплыл из Тулона в Бизерту в тот же день и час, что «Ламорисьер» из Алжира: 6 января в 16.00. В момент отправки сигнала бедствия судно находится в 40 морских милях к северо-северо-востоку от Менорки.

Морские законы неумолимы, и любой корабль, получивший «SOS», спешит на помощь терпящему бедствие, если только ему самому не угрожает опасность. Капитан Мийассо изменил курс слегка к востоку и приказал ускорить ход. Но плохой уголь засорил колосники котлов. Скорость увеличить не удается.

В три часа утра «SOS» от карго «Меканисьен Мутт», потерявшего управление из-за аварии руля. Это судно ближе к «Ламорисьеру», чем «Жюмьеж», и капитан Мийассо снова меняет курс, чтобы помочь ему. В восемь часов тридцать минут он вынужден отказаться от своего намерения: Средиземное море разбушевалось в полную силу (свидетельство тому два «SOS»), а главный механик «Ламорисьера» сообщает на мостик, что в котельную номер один через люки трюма по левому борту и кормовой угольный отсек левого борта поступает морская вода. Капитан Мийассо снова берет курс на Марсель.

Десять часов. Новое сообщение из машинного отделения на мостик: угольная пыль и мелочь забила фильтры трюмных насосов. Вода в котельной поднялась, и пришлось остановить первый и второй котлы. Скорость падает. Большинство пассажиров в изнеможении лежит в каютах. На завтрак в 12.30 явилось тринадцать человек. Один из них роняет:

— Несчастливое число.

Точнее не скажешь. Через четверть часа шум машин — глухая успокоительная пульсация — замедляется, а затем и вовсе стихает. Слышны лишь удары волн о корпус судна.

— Мы остановились? Почему?

На борту судна, как и в самолете, команда должна всегда успокаивать пассажиров:

— Скоро двинемся дальше. Пустяки.

Увы, не пустяки. Машины остановлены, чтобы обеспечить давление пара на динамомашину и трюмные насосы. Судно превращается в инертную игрушку моря. Его разворачивает бортом к волне, и оно начинает опасно крениться на левый борт. Тринадцать пассажиров вынуждены покинуть обеденный зал. Морьяки приглашают всех здоровых мужчин, и гражданских и военных, присоединиться к команде, которая выстроилась в цепочку и вычерпывает воду из трюмов. Это означает, что насосы не справляются с работой и вода все прибывает.

Пассажиры лежат в каютах в полной темноте — иллюминаторы задраили накануне из-за шторма. Они с опасением прислушиваются к ударам волн о судно и прочим шумам на борту. Машины стоят, но по пароходу разносится плеск воды и позвякивание ведер, передаваемых по цепочке стоящими в коридорах людьми. Из-за качки ведра ударяются о переборки. Кроме громовых ударов волн о судно слышен рев воды, стекающей с накренившейся палубы судна. Вода над головой, вода под ногами в нижних отсеках.

А «Жюмьеж»? Он давно уже затонул, вместе с грузом и людьми...

Четырнадцать часов сорок минут. Капитан Мийассо передает по радио, что судно в тяжелом положении и пытается достичь Менорки — необходимо привести в порядок котельные.

Но, чтобы судно двинулось в путь, надо поднять давление. Кочегарки судов, ходивших на угле, всегда были мрачным местом, а сейчас на «Ламорисьере» это настоящий ад. В тусклом свете едва горящих лампочек полуобнаженные, залитые потом кочегары по колено в воде пытаются очистить колосники, шуруя длинными и тяжелыми железными ломками; скверный уголь превратился в липкую асфальтоподобную массу, которая мешает тяге.

16.50. Новое радиосообщение капитана Мийассо: «Двигаться не могу, потерял возможность маневра. Прошу срочной помощи для буксировки судна. Положение 40°38'N, 4°38'E». Почти то же самое место, с которого давал "SOS" «Жюмьез» накануне вечером в 23.20.

Пытаясь развернуть «Ламорисьер» по волне, капитан Мийассо ставит плавучий якорь — громадный брезентовый мешок конической формы, удерживаемый в раскрытом состоянии стальным обручем и соединенный с судном снастью с разветвляющимися концами и тросом. Обычно плавучий якорь удерживает судно по ветру. Но «Ламорисьер» отяжелел от воды и накренился. Плавучий якорь почти не помогает.

В девятнадцать часов на «Ламорисьере» остается лишь один действующий котел. Команда продолжает работу. Горничные разносят по каютам куски хлеба. Каждому положен один ломоть. Так как нормальное время перехода истекло, на борту вводятся пайки. К счастью, многие пассажиры везут в багаже еду. В крайнем случае капитан может купить и раздавать ее. Вычерпывание воды продолжается, но люди вымотаны до предела, и ведра совершают свой путь все медленнее.

Двадцать часов. Гаснет свет. Давление упало еще ниже, и электроэнергии хватает только для мостика и радиопередатчика. Вычерпывание воды прекращается. Внезапная темнота в коридорах, каютах и салонах паники не вызывает: дело в том, что каждый третий пассажир на судне — военный, а гражданские лица слишком измотаны.

Опять шаги на палубе. Один из пассажиров с электрическим фонариком отправляется узнать, что происходит. Вскоре он возвращается.

— Команда переносит ящики с фруктами и овощами из левого трюма на верхнюю палубу, чтобы выровнять судно. Если оно примет горизонтальное положение, может быть, удастся разжечь котлы.

Трогательное невежество. Чтобы выровнять судно и создать противовес поднимающейся в трюме воде и увеличивающемуся от этого крену, нужно перенести сотни тонн ящиков с овощами. Грузы перемещают с борта на борт, чтобы хоть немного отсрочить гибель судна. «Ламорисьер» по-прежнему находится в положении смертельно раненного морского животного.

Двадцать три часа. Капитан Мийассо передает по радио: «Вода поднялась до уровня последнего действующего котла. Его пришлось остановить. Прошу немедленной помощи». Два пассажирских судна «Гувернер-женераль-де-Гейдон» и «Гувернер-женераль-Шанзи» принимают сообщение и направляются на помощь «Ламорисьеру».

Миновала вторая ночь.

Одна из пассажирок, спасенных с «Ламорисьера», мадам Мэг Дюмон, в 1943 году опубликовала свои воспоминания под названием «Потерпевшая кораблекрушение». Я нашел там множество интересных деталей, подтверждающих мой личный опыт, с той только разницей, что на нашем судне в момент кораблекрушения не было ни женщин, ни детей. Мадам Дюмон не указала, сколько их было на «Ламорисьере», и я не нашел никаких сведений в архивных документах. Другие участники драмы говорили мне, что детей было много, и большая часть их погибла. В этом нет ничего удивительного: нужны сила и невероятное самообладание, чтобы спастись во время кораблекрушения.

Утром 9 января сила ветра по-прежнему достигает девяти баллов, но дождь кончился, тучи рассеялись, и на синем небе засияло солнце. Зрелище, которое открывается с верхней палубы «Ламорисьера», и прекрасно, и ужасно одновременно.

Судно накренилось на левый борт так, что спасательные шлюпки почти черпают воду при качке. С другого борта море видно с восьмиметровой и даже большей высоты, когда волны приподнимают корабль на гребне. По склонам водяных гор стекают пенистые струи, играющие в лучах солнца. Впереди, по правому борту, темнеют Балеарские острова.

В восемь часов утра капитан приказал пассажирам собраться на верхней палубе и быть готовыми к посадке в спасательные шлюпки, как только подойдут спешащие на помощь суда.

Для многих путь на палубу мучителен. Жестоко измотанные морской болезнью, ослабевшие от вынужденного поста пассажиры могут передвигаться лишь с помощью матросов и военных.

На палубе собираются бледные, растерянно моргающие, полуослепшие люди: их глаза не видели дневного света уже шестьдесят часов, а с момента отключения электричества, то есть уже тринадцать часов, они находились в полной темноте.

Мужчин отправляют в бар первого класса, а женщин и детей — в салоны первого класса: их постараются эвакуировать первыми. Женщины и дети тут же валяются на пол, падая друг на друга. Дети кричат и плачут. Стюарды приносят из кают одеяла и укрывают ослабевших и иззябших детей и женщин, сбившихся в кучу.

Как это всегда бывает в минуты несчастья, несколько отважных сердец продолжают борьбу. Две медсестры французского Красного Креста (Жоржетт Рене и Одиль Орст) утешают и успокаивают детишек, которых им поручено сопровождать. Они начинают читать с ними молитвы.

В девять часов десять минут «Гейдон» посылает на «Ламорисьер» радиограмму: «Вас вижу», и почти тут же на горизонте, с севера, появляется высокий узкий силуэт корабля, идущего прямо на гибнущее судно. Его кочегары работают вовсю — из труб валит черный дым.

При виде его к пассажирам возвращается надежда.

Десять часов. «Гейдон» всего в четырехстах метрах. Пассажиры,

вцепившиеся в поручни, чтобы выстоять под ветром, видят, как его качает на громадных волнах.

— Как же он поможет нам?

«Ламорисьер» продолжает тяжелеть от проникающей в корабль воды и становится все более беспомощным. Водяные валы обрушиваются на борт судна, и оно выпрямляется со все большим трудом. Чтобы не мешать маневру спасательного судна, капитан Мийассо дает приказ обрубить трос плавучего якоря.

Вначале капитан «Гейдона» пытается передать на борт «Ламорисьера» буксировочный трос. Он ставит два плавучих якоря, чтобы удержаться с наветренной стороны тонущего судна, и сбрасывает в море линь с поплавком на конце. Морякам «Ламорисьера» надо выловить его и прикрепить к нему трос.

Время идет, а поплавок не приближается. Ветром его относит в сторону. Нужен другой маневр.

В салоне «Ламорисьера» рыдают женщины. Одна из них, одетая в траур, без конца повторяет, что в трюме судна находится гроб с телом ее мужа, пилота, погибшего несколько дней назад.

— Женщины и дети — в шлюпки!

Этой команды ждут давно. «Гейдон» дает задний ход, чтобы оказаться с подветренной стороны. Тогда шлюпки отнесет к спасателю. По крайней мере на это надеются. Уже около одиннадцати часов.

Спустить на воду спасательные шлюпки просто, если судно уходит под воду медленно, в тихую погоду, без крена (кроме того, может засть тросы талей, с помощью которых шлюпки подвешены к шлюпбалкам), но все эти условия редко встречаются вместе. Редкий корабль тонет без крена, и потому половину спасательных лодок — на борту, задравшемся кверху. — использовать невозможно, а ведь предполагается, что они все идут в дело.

Ален Бомбар давно осудил подобную судостроительную глупость, от которой никак не хотят отказаться с самого начала использования пара в мореходном деле. Бомбар не раз говорил, что наилучшим средством спасения являются резиновые надувные лодки, которые просто сбрасываются в море. Во время второй мировой войны эти лодки спасли жизнь тысячам людей. Вы надеваете спасательный жилет, прыгаете в море и плывете к надувной лодке (лодки надуваются автоматически, и их можно выбросить в море в большом количестве). Суровое испытание, но оно дает максимум шансов на спасение.

«Комфортабельная» посадка на борт традиционных шлюпок — иллюзия, которую поддерживают из бюрократических и финансовых соображений. Я испробовал эти разрекламированные «удобства» на собственной шкуре.

Быть может, читатель простит автору эти рассуждения, если мне удастся убедить его на примере «Ламорисьера», что классические спасательные шлюпки малоэффективны.

Женщины и дети с тремя членами экипажа (нужны гребцы) и одним офицером (нужен командир) не без трудностей, но в порядке и спокойствии уселись в одну из шлюпок левого борта. Над их головой трубы судна, они выглядят громадными и угрожающими. Шлюпку

спустили без помех—ее защищал от волн корпус судна,—и она коснулась воды дном.

К несчастью, заело задние тали. Качка выпрямляет судно, и лодка, соединенная с шлюпбалкой, косо повисает в воздухе! Женщины и дети в испуге кричат. Матросы в лодке безуспешно пытаются освободить тали.

Качка снова опускает борт судна. Лодка опять опускается на воду, чуть-чуть зачерпнув. Может быть, пассажиры будут спасены, ведь удастся же наконец расстопорить эти проклятые тали или обрезать пеньковый трос! Слишком поздно. Судно кренится все больше и больше, касается шлюпки, оседает на нее и переворачивает. Раздаются приглушенные вопли. «Ламорисьер» выпрямляется. Все кончено...

В официальном отчете записано: «Из-за этой трагической попытки пришлось отказаться от спуска других шлюпок». Не знаю, сколько спасательных шлюпок имелось на «Ламорисьере», но факт остается фактом: они оказались бесполезными.

Команда стала выбрасывать в море все плавающие предметы—спасательные круги, плотики, ящики, весла... На борту есть и большие плоты, но так как их можно спускать только после шлюпок, то времени часто не хватает. Либо матросы не успевают спустить эти хорошо закрепленные плоты, либо те скользят по палубе, раскачиваясь словно гигантские качели. Кормовой плот «Ламорисьера» наносит ранения нескольким пассажирам. «Какой-то человек в темно-синей форме теряет сознание от удара. Он скатывается в море, и его относит в сторону».

Солнце по-прежнему сияет в синем небе, не стихает яростный ветер. Появляется второе судно—«Шанзи». «Ламорисьер» кренится все больше, его корма начинает медленно погружаться в воду. Пассажиры спешат на корму и бросаются в море, чтобы добраться до больших и маленьких плотов, которые плавают вокруг; многие в панике вцепились в поручни по правому борту, лица других, наоборот, странно безразличны, они примирились с судьбой и наблюдают, как переполненные плоты относят к близко стоящему «Гейдону». Эти потерявшие надежду или испуганные люди мешают остальным пробраться на корму. Раздаются резкие слова, вспыхивают стычки. На терпящем бедствие судне атмосфера несколько иная, чем в светском салоне. Когда раздается клич: «Спасайся, кто может!»—жестоких сцен не избежать.

Капитан Мийассо в одиночестве стоит под ветром на открытой части мостика. Его лица не видно под козырьком глубоко надвинутой фуражки. Он уже ничего не может сделать, ему остается только последним покинуть борт судна. Но он его не покинет, он уйдет на дно вместе со своим кораблем и не успевшими спастись пассажирами—в одиннадцать тридцать пять по Гринвичу в точке с координатами 40° N и 4°22' E...

Вы бросились в море и хлебнули добрый глоток соленой воды. Вы задыхаетесь, но спасательный жилет выносит вас на поверхность и

держит на воде. Вы плывете к ближайшему плоту, добираетесь до него, обеими руками хватаетесь за любой выступ, отталкивая в сторону свисающие с плота ноги,—плот отнюдь не пуст, он перегружен. Не думайте, что сидящие на плоту люди протянут вам братскую руку: «Взбирайтесь!»

Плот, до которого удалось добраться Мэг Дюмон, был перегружен и уходил под воду при каждой сильной волне. Мэг Дюмон «не очень хорошо приняли многие из сидящих на плоту». Думаю, что большинство спасшихся смягчают рассказы о тяжелых минутах просто из милосердия, а также потому, что в будущем могут встретиться с товарищами по несчастью. Мой опыт подсказывает, что дела обстоят куда лучше, когда в беде оказываются лишь моряки. Не потому, что они ангелы или герои. Даже наименее мужественные из них, как и самые трусливые пехотинцы, поднимающиеся в атаку, вольно или невольно следуют традиции, своеобразному кодексу чести и солидарности.

Могли ей или нет, но Мэг Дюмон на плот взобралась. Она оставалась на нем пять часов. Многие из потерпевших кораблекрушение были в таком положении намного дольше, они провели целые дни, вцепившись в кусок плавающего дерева. Но и пятичасового пребывания на плоту вполне достаточно, чтобы по достоинству оценить весь ужас положения.

Залитое солнцем Средиземное море по-прежнему бушует под ледяным ветром. Полуодетые люди страдают больше других, их бьет конвульсивная дрожь (защитная реакция организма), они клацают зубами, пугая соседей. За маленький плотик цепляется женщина в светлоголубой кофточке с короткими рукавами и юбке; силы почти оставили ее, она медленно соскальзывает в воду; люди на большом плоту, проплывающем мимо, видят ее искаженное лицо, она плачет: ее плотик медленно удаляется...

— «Гейдон» уходит! Смотрите, он разворачивается!

Действительно. Уже 14.00. Пять часов «Гейдон» маневрировал почти на месте, борясь с ветром и морем, но запасы горючего не бесконечны. В это время оно отпускалось торговым судам с чрезвычайной скупостью. «Гейдон» подобрал 55 человек. Если он хочет добраться до порта назначения, ему надо уходить. Его капитан решил уйти, только удостоверившись, что подошедший «Шанзи» сменил его.

Мостика «Гейдона» «Шанзи» уже виден, но с плотов на уровне моря ничего различить нельзя. Представьте себе, если вам это удастся, отчаяние людей на плоту, которые наблюдают за удаляющимся «Гейдоном». Лучше не слышать несущихся ему вдогонку проклятий. (К счастью, существует защитная реакция памяти: потерпевшие кораблекрушение впоследствии забывают о нем.) Но вскоре отчаяние сменяется надеждой: дымя трубами, появляется «Шанзи». Он растет на глазах. Потом приостанавливается, как и «Гейдон», он маневрирует, чтобы подобрать людей с дрейфующего в направлении к нему плота. Время тянется невероятно долго!

15.30. Гигантская волна приподнимает плот, на котором находится Мэг Дюмон, и переворачивает его. Пассажиры, удивленные тем, что вода

теплее воздуха, мужественно борются с морем. Кажется, всем удалось взобраться на плот. Нет, не всем. Мужчина лет пятидесяти, который уцепился за плот, пытается взобраться на него.

— Нет, нет, нас и так слишком много!

И он остается в море, держась за край плота. Он слишком устал и не смог бы подтянуться на плот, даже если бы захотел. Он в упор смотрит на Мэг Дюмон.

— Вытащите его! — обращается она к соседям.

Никто не шелохнулся. Люди сбились в плотную кучу, пытаюсь хотя бы немного согреться. Человек в море бросает на них последний отчаянный взгляд. Его руки разжимаются. Он опускает голову вниз, лицом в море. Спасательный жилет держит его на поверхности и относит все дальше и дальше...

«Шанзи» все еще далеко, не менее чем в километре.

— Когда же он доберется до нас?!

Но «Шанзи» по той же причине, что и «Гейдон» (нехватка горючего), удаляется от места кораблекрушения, подняв на борт двадцать пять человек. Во второй раз оставшиеся в море люди теряют надежду. Что может быть ужаснее? Несчастные, держащиеся за любой плавучий предмет — связку раскладных стульев, связанные весла (после кораблекрушения на поверхности моря плавает множество самых различных вещей) — игрушку волн и разъяренного ветра, не выдерживают нового потрясения и перестают бороться, как и тот пятидесятилетний мужчина...

Шестнадцать часов. Люди на плоту по-прежнему жмутся друг к другу. Кто-то ест апельсины, выловленные из моря. Уже давно никто не произносит ни слова.

— Смотрите! Дым!

Верно, но что это за дым? Люди уже ничему не верят. И все же надежда возрождается в сердцах.

— Это военное судно!

Узкий корпус сторожевого корабля «Эмпетюоз» похож на лезвие ножа, но людям на плоту, мужчинам и женщинам (детей здесь нет) он кажется огромным. Судно как бы недвижно пляшет на громадных волнах, но черный дым и пенные буруны от форштевня свидетельствуют, что оно идет на максимальной скорости. Прямо на плот, ни на градус в сторону. Снова забрезжила надежда.

Сторожевой корабль маневрирует с большей легкостью, чем гражданское судно, а его капитан — истинный мастер своего дела. Он ставит свое судно с наветренной стороны плота и с невероятной точностью подходит вплотную. Сторожевой корабль и плот касаются друг друга. Связки веревок летят на плот, крепкие руки подхватывают почти безжизненные тела. Медицинский пост. Горячий грог, сухая одежда. Спасенные (какое чудесное слово — «спасенный»!) мужчины и женщины переодеты в матросское платье, их собственная одежда сушится. «Эмпетюоз» подобрал пятнадцать человек. 11 января утром их переправили на крейсер «Жан де Вьен». Крейсер взял курс на Марсель и 12 января в 12.30 прибыл в порт. Итог кораблекрушения — более двухсот жертв.

«Свод огней и сигналов при тумане» издается Центральной Гидрографической службой для штурманов и содержит все необходимые сведения о побережье. Он состоит из десяти томов, и статьи расположены в нем в алфавитном порядке. Маяки и сигналы ливанского побережья с их подробной характеристикой перечислены в томе «Д». Например, там можно прочитать, что маяк мыса Рас-Бейрут, указывающий вход в Бейрутский порт, имеет проблесковый огонь — свет на секунду вспышкает, гаснет на три секунды, зажигается на секунду и так далее. Это позволяет распознать маяк на большом расстоянии.

«Свод» переиздается каждые три года. Если за этот промежуток времени в строй входит новый маяк, о нем упоминается в «Уведомлении для штурманов». Таким образом, коррективы вносятся во все морские документы.

Инженеры и техники, которые в начале ноября 1952 года заканчивали наладку оптического и электрического оборудования аэропорта Халде, в нескольких километрах к югу от Бейрута, никогда не заглядывали ни в одно из этих периодических изданий. Да и зачем им было интересоваться морскими документами, ведь их маяк предназначался для самолетов. Если бы им сказали, что огонь их маяка виден с моря и что по стечению обстоятельств он работает с таким же ритмом проблесков, как и маяк Рас-Бейрута, — секундная вспышка с трехсекундным интервалом, — они бы ответили, что доводы против их маяка бессмысленны по одной простой причине:

— Между вспышками маяка на Халде три секунды горит зеленый свет. Ошибка невозможна. Разве есть морские маяки с зеленым промежуточным огнем?

Да, таких маяков никогда не существовало. И естественно, никто в то время еще не мог познакомиться с отчетом врача первого класса Риу, опубликованным во втором томе «Журнала морской медицины» за 1955 год (через три года после крушения «Шампольона»). Отчет назывался «Проблемы восприятия цветовых сигналов и дальтонизма на флоте». В частности, там можно было прочитать: «Если по какой-нибудь причине, например из-за тумана, сила света зеленого огня понижается, то с большого расстояния этот огонь кажется синим или вовсе не виден».

Вы несете ночную вахту на мостике, видимость плохая. Корабль постепенно приближается к берегу. Вы повторяете про себя: «В такое-то время я должен заметить такой-то огонь и должен взять такой-то курс, чтобы войти в порт». Вы всматриваетесь в тьму и вдруг видите огонь. Вы считаете вспышки. Все правильно, ваш путь верен.

В четыре часа утра 22 декабря 1952 года было еще довольно темно. Дул юго-восточный ветер силой шесть баллов. Вахтенный офицер, стоявший на мостике «Шампольона», вышедшего накануне утром из Александрии, заметил огонь маяка Рас-Бейрут и, согласно приказу, записанному в корабельном журнале, послал матроса за капитаном Бурде.

Выписка из судового журнала, сделанная капитаном Бурде:

«В четыре часа пять минут меня предупредили, что показался огонь маяка Рас-Бейрут. В четыре часа пятнадцать минут я проверил сам,

что огонь, вернее его отсвет, дает белую вспышку каждые три секунды в правильном направлении, то есть чуть-чуть справа».

Судно берет курс на этот огонь.

«В пять часов пятнадцать минут включен радар, но он дает очень неясное изображение, и судя по его показаниям, мы находимся в 9,5 милях от берега. В пять часов тридцать минут судно готово к выполнению маневра».

И вдруг между вспышками появляется зеленый свет. Почти тут же, левее, появляется истинный, легко распознаваемый огонь маяка Рас-Бейрута. Свою трагическую роль сыграл оптический феномен (зеленый огонь был издали неразличим). Капитан Бурде понимает, что корабль движется вбок от входа в порт. «Снижаю скорость, потом полный назад машинам. Примерно в пять сорок пять в неясном свете утра замечаю буруны спереди по левому борту. Почти тут же ощущается легкий удар, затем несколько толчков подряд по левому борту, сотрясающих все судно».

«Шампольон», лайнер водоизмещением 12 500 тонн, построен двадцать восемь лет назад (в 1924 году) и реконструирован в 1933 году. Его максимальная скорость равна 18 узлам. Он вышел из Марселя 15 декабря 1952 года с командой 120 человек и 111 пассажирами, 98 из которых совершают паломничество в Иерусалим. Во время стоянки в Александрии он принял на борт новых пассажиров.

Пассажиры тоже ощутили и услышали толчки, потрясшие корабль. Удары разбудили их, и они застыли в своих постелях, задаваясь множеством вопросов: «Ты слышал? Что это было? Больше ничего не слышно. Может быть, произошло столкновение?» Руки тянутся к выключателю в изголовье. Слава богу, свет есть. «Машин не слышно. Судно стоит. Может, мы сели на мель? Или ударились о причал в Бейруте? Который час?»

Вскоре мужчины и женщины, накинув на ночное белье пальто, выходят на палубу. «Мы сели на мель! Смотрите, земля рядом, видны дома! Это Бейрут. Да, но ведь это не порт! Взгляните, в окнах зажигается свет».

Странная сцена в предрассветном сумраке. Пассажиры видят на берегу дома, многоэтажные отели новых кварталов. Сквозь полумрак пробивается свет из окон. «Шампольон» недвижимой массой застыл на рифах в двухстах метрах от пляжа. Дует холодный ветер. На корабль несутся волны с пенными гребнями и с грохотом разбиваются о правый борт. Слышны стоны женщин и плач детей. Вдруг на корабль обрушивается тишина, а затем доносится испуганный ропот: на борту гаснут все огни.

Капитан Бурде на мостике выслушивает пессимистический доклад старпома и главного механика, которые только что осмотрели нижние помещения судна. «Шампольон» сел на мель, его обшивка пробита в двух местах острыми скалами. Пробоины огромны, машины и динамомашинны залиты, насосы использовать невозможно.

— Судну грозит опасность полностью лечь на борт,— говорит главный механик.

Офицеры успокаивают людей, сгрудившихся на накренившейся палубе.

— Нам скоро помогут, видите, сколько народу собралось на пляже. Уже рассвело, и толпа на берегу растет. Вскоре весь пляж становится черным от собравшихся людей. Позже становится известно, что президент Ливанской Республики Камилл Шамун с правительством прибыл к месту кораблекрушения и руководит спасательными работами. Какими?

Представьте себе всю сложность ситуации.

Я уже говорил о трудностях спуска спасательных шлюпок с накренившегося судна. Здесь положение еще хуже. Если удастся спустить шлюпку, то в девяноста девяти случаях из ста ее тут же разнесет в щепы о скалы, где кипит море. Что делать?

Классический способ спасения в этом случае — установка «подвесной дороги». Между судном и берегом надо натянуть канат и с помощью люльки по одному перетащить потерпевших кораблекрушение на берег. Операция долгая, но надежная. Канат толст и тяжел. Поэтому вначале нужно перебросить линь, к концу которого потом прикрепят канат.

Бейрутские пожарники устанавливают на берегу гарпунную пушку для переброски линя.

Выстрела крохотной пушки не слышно из-за рева моря и ветра. Линь тонкой змейкой вьется в небе. Он взлетает высоко, слишком высоко, сильный ветер перегибает его и относит в сторону — и линь падает метрах в ста от корабля! Если вы слышали на стадионе стон разочарования, когда нападающий упускает стопроцентную возможность поразить ворота, то добавьте к нему причитания женщин и проклятия — и вы поймете, какой шум поднялся на накренившейся палубе «Шампольона».

— Еще не все потеряно, — говорят офицеры. — Сделаем иначе. Линь на берег доставят на шлюпке.

Но на какой шлюпке? Ведь ее невозможно спустить на воду. Действительно, этого сделать нельзя, если речь идет о шлюпке, полной пассажиров; другое дело, если в нее сядут умелые, мужественные матросы. Капитан Бурде решил сделать попытку:

— Кто пойдет добровольцем?

В палубной команде шестьдесят матросов. И все шестьдесят вызываются добровольцами — в этом нет ничего удивительного. Отбирают семерых холостяков. На воду спускают самую маленькую шлюпку, и — о чудо! — она не разбивается о борт судна и удаляется, словно летя на пенистых волнах над рифами. Остальные сопровождают их сочувствующими взглядами:

— Ветер и волны в корму, они доберутся до берега!

За шлюпкой тянется линь, к которому затем привяжут канат.

Люди на пляже готовятся к встрече.

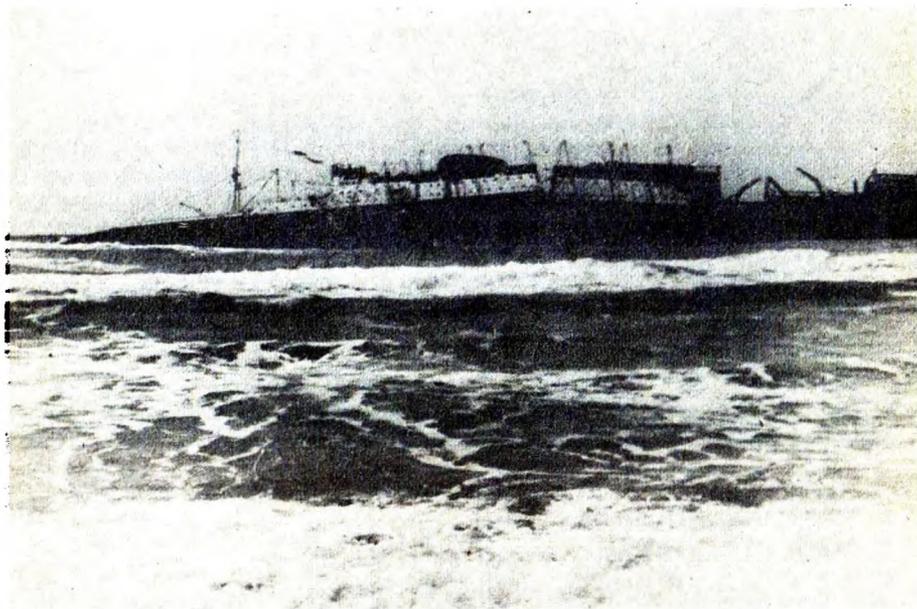
Солдаты, пожарники и ливанские моряки образовали нечто вроде стрелы, уходящей в море.

— Лодку развернуло боком к волне! Перевернуло! Проклятье!

Нет, ничего страшного не произошло. Шлюпка перевернулась, но матросы не упустили линя, и спасатели с берега подхватили его. Контакт установлен. К концу линя, оставшемуся на «Шампольоне»,

матросы привязывают канат, и тяжелая стальная змея начинает свой неспешный путь к берегу. Затем все останавливается. Уже двадцать метров стального троса весят много, а вытянуть вручную двести метров — задача невыполнимая. Нужна лебедка, но на пляже нет лебедки. Неужели затея обречена на неудачу? Нет, у одного из военных возникает спасительная мысль:

22 декабря 1952 года пассажирское судно «Шампальон», капитан которого был вынужден в заблуждении сигналами маяка аэродрома Халиде (неподалеку от мыса Раг-Беirut), село на либу и двухстах метрах от беirutского пляжа. Корабль разломился надвое. Близость берега не позволила спасать живых работ.

— Нужен танк. У танка мощности хватит.

Посылают за танком. Который час? Половина одиннадцатого? Сгрудившись на палубе, по которой гуляет ветер и на которую сыплется дождь мелких брызг, пассажиры с беспокойством наблюдают за этими маневрами, которым, кажется, нет конца. Наконец на пляже появляется танк. Пассажиры недоумевают, офицеры объясняют им ситуацию. Танк будет тянуть лить с канатом. Желтый танк ползет по светло-желтому песку пляжа, он лезет на склон дюны, буксует, снова двигается вперед и тянет лить.

Но слишком много рывков. Танк тянет неравномерно — это не лебедка. Опять в небо взмывает змея — лить лопнул. Проклятье! Но пассажирам не до лопнувшего лия. Раздается скрип, треск рвущегося металла — корабль разломился, вернее, начал разламываться надвое. В палубе появилась трещина — прямая глубокая щель. Но разлом еще не

велик — около двух метров. Люди в панике. Среди общего замешательства раздается мощный голос из громкоговорителя:
 — Всем уйти с кормы и перебраться на нос! Матросам помочь пассажирам! Соблюдайте порядок, никакой опасности нет!
 — Электричества на борту не было, капитан Бурде воспользовался батарейным мегафоном, — рассказывал позже один из офицеров. — Паника не возникла только потому, что команда самоотверженно помогала пассажирам. Двести человек сгрудились в обеденном зале. От голода никто не страдал — стюарды принесли холодную еду, но всех мучила жажда: цистерны с пресной водой оказались пробитыми, а ящики с напитками остались в затопленных отсеках. Полураздетые люди дрожали от холода.
 Замерзшие, страдающие от жажды люди с тоской смотрели, как в двухстах метрах от них дымились армейские кухни, подогнанные к

пляжу, и из машин Красного Креста выгружались груды одеял. Они испытывали танталовы муки и не знали, чем все это кончится. Радист принес капитану Бурде две радиограммы: на помощь «Шампольону» шли британский крейсер «Кения» и французский пароход «Сирия». Что они смогут сделать? Подойти поближе и тоже сесть на мель?

Капитан Бурде сделал в судовом журнале две записи: «Послал на берег вельбот для доставки линя. Новые попытки в тринадцать и пятнадцать тридцать». Шлюпки разбились о рифы, но матросы в спасательных жилетах с большим трудом вернулись на борт, кроме одного — ему раздробило череп о скалу.

Пассажиры не видели двух последних попыток. Подавленные и угрюмые люди молча сидят в обеденном зале. У женщин нет больше сил утешать плачущих детей. На «Шампольоне» едет карлик, клоун цирка, и он принимается развлекать и успокаивать детишек. Нелепое кораблекрушение. И беспомощные спасатели на расстоянии двухсот метров. Начинает темнеть.

Почему не пошлют шлюпки с берега?

По той же причине, по которой их не посылают с «Шампольона»: рифы.

Пассажиры начинают понимать, что судно, терпящее бедствие в открытом море, имеет больше шансов получить помощь, нежели раненый лайнер, лежащий на скалах у берега. «Шампольон» попал в ловушку. Падает ночь, и ледяной ливень разгоняет спасателей с пляжа.

При каждом кораблекрушении люди молятся. На борту «Шампольона» находится священник, отец Леша, сопровождающий пятьдесят паломников в «Святую землю». Эти мужчины и женщины проводят часть ночи в молитвах, потом к ним присоединяются другие пассажиры. К утру все засыпают.

Волны вымывают песок из-под корпуса судна, увеличивая опасность полного разлома и опрокидывания «Шампольона». На заре 23 декабря крен корабля достигает пятидесяти градусов. Нарисуйте квадрат, проведите диагональ — ее наклон составляет всего 45 градусов. «Шампольон» не тонет, но его пассажиры находятся в крайне неудобном положении. Не будь опасности, оно стало бы поводом для шуток. В нескольких сотнях метров, в море, виднеются силуэты британского крейсера «Кения» и итальянского буксира. Рифы мешают им подойти ближе. С наступлением дня на пляже снова собирается народ, но что могут предпринять спасатели? Вчера испробовали все, что возможно. На море сильное волнение, ветер крепчает.

— Капитан, пассажиры больше не в силах терпеть, их нервы на пределе. Те, кто умеет плавать, хотят попытать счастья.

С такими словами к капитану обращается отец Леша, пастырь иерусалимских паломников.

— Безумие! — отвечает капитан Бурде. — Волны пятиметровой высоты!

Вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-нибудь плывал в такой шторм?

— Со спасательными жилетами.

— Даже с жилетами! А потом взгляните туда, в направлении берега.

- Видите темное пятно? Это мазут. Я приказал сбросить его в море, чтобы уменьшить опасность пожара. Пловец задохнется там. Вы читали когда-нибудь военные мемуары?
- Две мои племянницы хотят попытаться счастья. Они чемпионки по плаванию.
- Решительные девушки уже готовы—близнецы Франсуаза и Дениза Ланде. Им по двадцати одному году.
- Капитан, вы не можете нам помешать.
- Капитан Бурде пожимает плечами, отдает приказ. Матросы спускают трап, сестры-близнецы скользят вниз и ныряют в бушующее море. Они действительно великолепные пловчихи. Все смотрят, как они плывут, поднимаясь и опускаясь на волнах. Каждый раз, когда они начинают взбираться по склону водяного холма, кажется, что они вот-вот заскользят назад, но нет—сестры переваливают через гребень на другую сторону волны.
- Они достигли пляжа!
- Двести метров за двадцать минут! Это далеко не олимпийское время, но ведь девушки плыли среди пятиметровых волн! Пример близнецов Ланде заразителен. Но он таит в себе опасность.
- Вы видите, доплыть можно! Я плыву!
- За час в море бросилось семьдесят человек—они хотели доплыть до берега. В итоге пятнадцать человек погибли: либо утонули, либо разбились о скалы, либо задохнулись от испарений мазута. И капитан Бурде запретил дальнейшие попытки.
- Борт не покидать. Погода может улучшиться, и нас спасут.
- Когда, капитан? Припасы и вода кончатся. Дети в опасности.
- Я запросил продукты, и их должны доставить на самолетах.
- Вскоре в темно-сером небе появляются четыре самолета. Борясь с яростным ветром, они кружат над кораблем, словно чайки, пикируют. Матросы бросаются на палубу, чтобы подобрать мешки. Несмотря на порывы ветра, шесть мешков из семи упали на палубу. В них имеется и вода, но не в бутылках, а в виде блоков льда. Стюарды разбивают их и раздают лед вместе с хлебом, сахаром, шоколадом, консервами.
- Сколько времени могут продержаться пассажиры «Шампольона» на потерпевшем крушение судне, продукты на которое доставляются по воздуху? А если лайнер полностью ляжет на бок, развалится и его обесцененные пассажиры очутятся в море? Уже не раз бывало, что потерпевшие кораблекрушение погибли вблизи от суши.
- Еще до того, как был замечен огонь (ошибочный) Рас-Бейрута, «Шампольон» сообщил радиogramмой о своем прибытии капитану порта. Около пяти часов утра лоцманское судно вышло ему навстречу. Лоцманские суда выходят в море в любую погоду. Это судно принадлежало двум братьям—Радвану и Махмуду Бальпажи. Профессия лоцмана требует мужества. Они причаливали к судам в штормовом море, влезали, как акробаты, по трапу, спущенному с палубы. Такие упражнения были для них обычным делом.
- Но они не встретились с «Шампольоном» в назначенном месте, а увидели смертельно раненое судно на рифах. Они не смогли подойти к «Шампольону». Лоцманское судно вернулось в порт.

Весь день 22 декабря 1952 года братья Бальпажи находились на пляже, наблюдая за бесплодными попытками установить висячую переправу между судном и берегом. Когда наступила ночь, президент Ливанской Республики поручил им руководство спасательными работами.

Подобная ответственность может лишить сна. Братья прекрасно представляли себе положение «Шампольона». Было ясно, что для спасения пассажиров необходимо подойти и пристать к судну. Со стороны моря сделать это было невозможно из-за очень сильного крена, а также ветра и волнения, гнавших мощные волны к берегу. Суденышко могло разбиться о сидящий на мели корабль.

— Выход один,— сказал Радван,— надо пристать к нему с подветренной стороны.

— Пройдя над рифами?

— Да.

Решение было принято. Радван надеялся, что ветер за ночь снадет. Но на следующий день, 23 декабря, он стал еще сильнее. Лоцманское судно с бензиновым двигателем отплыло ранним утром, но из-за бури пришлось вернуться, не дойдя до «Шампольона». Во второй раз оно отплыло около одиннадцати часов.

Братья Бальпажи вели судовой журнал, но они не занесли в него подробности. Можно только догадываться, сколько умения и мужества они проявили. Короче говоря, эту маленькую морскую операцию можно назвать шедевром. И этот маневр они повторили не раз. Потом Радвану и Махмуду стал помогать их юный брат Салах на еще одном суденышке с бензиновым двигателем. Я с удовольствием называю имена этих моряков, награжденных затем орденом «За морские заслуги» и, кажется, даже орденом «Почетного легиона».

Один из офицеров «Шампольона» сообщил: «Идет лоцманское судно». Некоторые из пассажиров вскарабкались по палубе, вцепились в поручни и стали смотреть вначале в сторону открытого моря, а затем в сторону берега. На их крики собрались и остальные пассажиры. Все забыли о холоде и ветре. Крохотное суденышко плясало на зеленых волнах, зарывалось носом в воду, снова взлетало вверх. Качка немного уменьшилась, когда «Шампольон» закрыл его от ветра. Оно казалось пассажирам крохотным, но уже через несколько мгновений они с помощью матросов спускались на него.

Капитан Бурде молчал и с беспокоеством наблюдал за шипящей пеной там, где волны разбивались о рифы. Ливанские лоцманы в тот день показали себя достойными потомками своих финикийских предков. Крохотные суденышки братьев Бальпажи совершили семь рейсов. Капитан Бурде отказался покинуть свой погибающий корабль. Тогда Радван Бальпажи поднялся по косо стоящей палубе и обратился к нему на прекрасном французском языке, но с истинно восточной пышностью:

— Да поможет вам бог! Я передаю вам привет от моего отца, которому поклялся привезти вас. Хотите ли вы гибели людей, которые находятся у меня на борту? Их жизнь, как и моя, в ваших руках. Я не повезу их на берег без вас. И я подчинюсь любому вашему решению. И капитан Бурде последовал за ним...

Х

«Центр мира»

— Я уехал из Пирея в августе 1923 года, когда мне было семнадцать лет. В кармане у меня лежал билет до Буэнос-Айреса и сто долларов. Из Пирея в Неаполь я добрался на борту торгово-пассажирского судна Ллойда «Триестино», а там пересел на «Томмазо ди Савоя», красавец лайнер водоизмещением 12 000 тонн. Пассажиры первого класса могли считать его роскошным. Но у меня был эмигрантский билет, а вы знаете, что это такое, если видели фильм Чарли Чаплина «Иммигрант». Мне было даже хуже, потому что Чаплин в фильме ест за столом, а нам приходилось дважды в день отправляться за едой на камбуз и есть как придется, то стоя, то сидя на палубе, если была хорошая погода. В противном случае мы не покидали так называемой «нижней палубы для пассажиров».

В сущности это был трюм, переоборудованный в дортуар. Никаких иллюминаторов. Только электрический свет, который гасили с десяти вечера до шести утра. Вентиляция с помощью воздушных рукавов, то есть практически никакого свежего воздуха. Запах стоял отвратительный, особенно в плохую погоду, когда эмигранты страдали от морской болезни. Я выдержал этот ужас всего несколько дней. Можно пережить суровые испытания, страдания, но нельзя мириться с отношением, которое низводит вас на уровень скота. Никогда. Всегда можно найти выход, если к нему стремишься. После пребывания в неаполитанском отеле денег у меня оставалось гораздо меньше ста долларов, а нужно было хоть что-то приберечь: неизвестно ведь, что ждало меня в Буэнос-Айресе, я не имел ни жилья, ни работы, ни друзей, ни родственников. Однако я не колебался. Я взял пятидолларовую бумажку и отправился к комиссару: «Не хочу жить в этом свинарнике». Он взял деньги и сказал: «На корме, в круглом помещении главной палубы, лежат бухты спасательных канатов. Если вы можете спать там, я не буду против и велю, чтобы вас оставили в покое». И я спал среди этих канатов. К счастью, в то время их делали из пеньки. Лето стояло хорошее, и я был счастлив...

Любой преуспевший человек охотно рассказывает о своем трудном

дебюте. Эти слова принадлежали Аристотелю Онассису, который давал очередное интервью на борту своей роскошной яхты «Кристина».

В 1906 году в Смирне (ныне Измир), оживленном многонациональном порту Малой Азии, проживало семейство зажиточных греческих торговцев (у них было три дочери и один сын). Юный Аристотель блестяще учился в колледже, с легкостью изучил английский, французский, итальянский языки, а также блистал во всех водных видах спорта — плавании, водном поло, парусном и гребном спорте. В четырнадцать лет он получает приглашение в команду ватерполистов Греции, которая должна была принять участие в Олимпийских играх в Антверпене.

— Нет, — заявляет отец, — пострадают его занятия.

Аристотель подчиняется без особых огорчений. А вскоре разворачиваются события, оказавшие решающее влияние на его жизнь: в город входят войска Мустафы Кемаля (Ататюрка). У семьи Онассис реквизируют дом, женщины семейства (элементарная предосторожность) уезжают. Мужчины считают, что рискуют меньше, и действительно, их жизнь вначале относительно нормальна. Юный Онассис, зная, что турецкий генерал, живущий в их доме, любит выпить, начинает тайно поставлять ему спиртное.

— Я представляю тебя полезному человеку, — обещает ему генерал.

Речь идет о вице-консule США в Смирне, некоем Паркере, которому Аристотель также оказывает несколько мелких услуг. Эти люди помогут ему позже, когда трое дядьев Аристотеля будут повешены; его отец, большой специалист по раздаче бакшиша, спасает себе жизнь и отделяется тюрьмой. Аристотеля ищут, но вице-консул Паркер переодевает его в форму американского матроса и сажает на борт эсминца. Через несколько месяцев семейство собирается в Афинах. Онассиса-отца освободили за выкуп в 25 000 долларов. А через некоторое время, в августе 1923 года, Аристотель уезжает из Пирея со ста долларами, эмигрантским билетом до Буэнос-Айреса и родительским благословением.

— В Буэнос-Айресе я делал все. В начале пути нужно браться за все, не упуская ни одной возможности заняться чем-нибудь получше. Чтобы получить разрешение на работу, я подделал паспорт, прибавив себе шесть лет. Я поступил в телефонную компанию «Ривер Плейт». Первая работа молодого образованного человека, говорящего на четырех языках (вскоре он выучит и испанский), — он паяет телефонные провода в подвальном помещении за 40 долларов в месяц. С американскими инженерами он разговаривает по-английски.

— Нам нужны телефонисты, владеющие английским.

У телефониста зарплата выше. Аристотель узнает, что требуются ночные телефонисты, поскольку аргентинцы считают такую работу слишком утомительной.

— Как платят?

— Вдвое больше.

— Согласен.

Ночной телефонист. Но Аристотель не похож на угрюмого одиночку. Он по-прежнему занимается спортом и состоит в гребном клубе. Он общителен и весел, пользуется симпатией других телефонистов, юношей и девушек, участвует в пикниках. Как-то один из его друзей закуривает сигарету:

— Аргентинский табак не слишком хорош!

В тот же вечер Онассис пишет отцу: «Пришли образцы греческого табака». В Буэнос-Айресе Аристотель Онассис (двадцать три года по поддельному паспорту, а на самом деле семнадцать) работает простым телефонистом. Но, получив образцы табака, отправляется не к мелкому перекушщику-посреднику. Телефонисту легко узнать телефоны крупных аргентинских импортеров. Аристотель выбирает самую respectable фирму.

— Я хочу встретиться с коммерческим директором.

— От чьего имени?

Неизвестное имя может оказаться преимуществом, если его произнести с достоинством. Аристотель уже знает о табаке все, по крайней мере он умеет создать впечатление глубоких знаний. Его принимает и выслушивает коммерческий директор Хуан Гаона. Ознакомившись с образцами, он делает заказ на 10 000 долларов. Через два месяца прибывают тюки с табаком. Товар принят.

— Я беру лишь обычные комиссионные,— заявляет Онассис.— Пять процентов.

— Чек получите завтра.

Следуют новые заказы. События развиваются быстро— а ведь Аристотель живет в Буэнос-Айресе только пять месяцев. С места телефониста он уходит в 1924 году.

— Сын мой, начиная жизнь, выслушай мое наставление: работай с упорством, трать меньше, чем зарабатываешь, и особенно— не делай долгов. Долги губят юных людей и даже семьи...

Нет, Аристотель Онассис не слышал от отца таких слов, которые скорее произнес бы робкий крестьянин. Упорная работа—его закон, его характерная черта, и он знает, что основа торговли—кредит. Неизвестно, как ему удастся занять крупную сумму денег, но в восемнадцать лет (через год после прибытия в Аргентину) Аристотель открывает свою первую табачную фабрику «Онассис и К°». В 1928 году оборот двадцатидвухлетнего бизнесмена превышает два миллиона долларов. Удача. Но не только. Он умеет мгновенно оценить обстановку, увидеть перспективу.

Продолжение карьеры Онассиса известно лучше, чем ее начало, и представляет определенный психологический интерес.

Экономический кризис 1929 года разорил многих крупных бизнесменов в разных странах и деморализовал деловой мир. А двадцатитрехлетний Онассис начинает карьеру судовладельца, купив по цене металлолома шесть судов водоизмещением 10 000 тонн каждое у «Канадиен Стил-шип Компани», желавшей избавиться от них. Через три года каждое отремонтированное судно приносит ему в год больше, чем он заплатил за все вместе. В 1934 году он решает купить свой первый танкер.

Самый крупный танкер того времени перевозит 13 000 тонн нефти. Он строит несколько танкеров такого типа, а в 1945 году собирается построить танкер водоизмещением 28 000 тонн.

— Невозможно.—возражают ему инженеры-строители «Битлим стил».—Крупнейший танкер в настоящее время—французский «Эмиль-Миге» водоизмещением 18 000 тонн. Увеличивать водоизмещение опасно, судно может развалиться надвое в первый же шторм. 28 000 тонн—это слишком много.

— Не верю. Стройте то, что я просил.

Требования клиента всегда стимулируют развитие техники. В момент, когда пишется эта книга (1974 год), Онассис заказал шесть новых танкеров по 420 000 тонн водоизмещением каждый. Два из них должны строиться во Франции.

В любой войне люди гибнут, кто-то разоряется, а кое-кто наживается. В начале войны, в 1939 году, Онассис живет в Лондоне, в отеле «Савой». Часть его танкеров стоит в шведских портах, другая часть, под панамским флагом,—в Америке. Известно, что по налоговым соображениям под панамским флагом ходит громадный международный флот. Суда Онассиса в шведских портах застряли на всю войну, а остальные снабжали американцев и принесли доход владельцу. Онассис уехал в США и поселился в Нью-Йорке, часто отправляясь на западное побережье для инспектирования своих судов.

Самыми крупными потребителями жировых веществ всегда были военные, вернее, оружие и военные машины. При каждой мобилизации курс жировых веществ резко подсакивает, и в начале 1943 года поставщики оружия в США платили бешеные деньги за китовый жир.

Деятельность Аристотеля Онассиса в области китовой охоты начиналась весьма скромно—со старого буксира, вооруженного одной гарпунной пушкой. Но миллиардер не отказывается от познания нового, и через несколько месяцев он знает все о китовой охоте и о рынке китового жира и других продуктов переработки этого морского гиганта. Он продает мясо на норковые фермы, костную муку—производителям удобрений, поджелудочную, щитовидную железы и яичники—лабораториям, извлекающим из них гормоны. Директор «Борден Компани» звонит ему по телефону:

— Китовая печень, которую вы нам продаете, нас интересует. Но акуляя печень еще лучше, в ней больше витамина А.

— Вы ее получите.

За считанные дни несколько мелких паровых суденышек переоборудованы из китобоев в акулобой—и снова в море! Эти второстепенные занятия не отвлекают Онассиса от его торговых судов и танкеров. После войны он вновь вступает во владение своими блокированными в европейских портах судами. Часть из них разрушена, проржавела и стала бесполезным металлом. Ну и что! Американские военно-морские силы по дешевке продают лишнее, и зачастую это большие суда. Закон запрещает продавать их частным лицам и неамериканским компаниям, но подобная мелочь не смущает потомка финикийцев:

— Я создам компанию, где не буду иметь контрольного пакета акций. Себе возьму сорок девять процентов, а американским гражданам,

владельцам контрольного пакета акций, я готов ссудить деньги на их покупку. Закон будет соблюден.

Онассис основывает одну, две, три, четыре компании, и в его деловом мозгу возникает новый замысел: китовый промысел. Война окончена, но китовый жир нужен не только военным. Из него производят не только смазочные вещества, но и глицерин, маргарин, мыло, косметические кремы и продукты, сырье для изготовления красок, лаков и тканей, а субпродукты—мясо, кости, внутренности и железы— продаются в мирное время не хуже, чем в военное.

Теперь речь идет не о переделке на скорую руку старых паровых судов. Создается современное производство с кораблями-заводами для переработки на месте животных, добытых китобоями. Первую флотилию составили семнадцать канадских и британских корветов, служивших во время войны для эскортирования конвоев. Онассис пошел на риск, но риск оправданный, рассчитанный. Он не надеется на случайность, тем более что речь идет о громадном предприятии.

— Известнейший специалист по миграциям крупных млекопитающих— биолог Броклесби, профессор Лос-Анджелесского университета. Пригласите его, он должен работать на нас.

Первый плавучий завод, танкер «Уиттон», куплен в Нью-Йорке за два миллиона долларов. Его реконструкция обошлась в четыре миллиона долларов. Онассис дает ему имя «Олимпик Челленджер».

Китобойная флотилия Онассиса готова к отплытию в Антарктику, но в это время начинается война в Корее. Онассис получает телеграмму от директора федерального банка Западной Германии:

— «Юниливер» заранее покупает всю вашу добычу. За тонну жира платим по сто фунтов стерлингов. Цену гарантируем. Она учитывает рост цен в связи с войной в Корее. Наша гарантия позволит вам заранее подсчитать прибыль.

— Благодарю вас, но я не продаю.

Еще до окончания первой охоты Онассис высылает в Антарктику одно из грузовых судов, чтобы забрать с борта плавучего завода 20 000 тонн жира, которые он продает по 170 фунтов стерлингов за тонну. В том авантюрном романе, каким была жизнь Онассиса, его китобойная эпопея— особая история, своего рода «роман в романе», мало известной широкой публике, но здесь не место распространяться о нем. ООН занималась делом Онассиса, словно делом отдельного государства, когда Перу, Чили и Эквадор обратились к этой международной инстанции с просьбой о помощи, поскольку его китобойный флот орудовал в их территориальных водах. «Олимпик Челленджер» подвергся бомбардировке со стороны перуанской авиации, часть флота Онассиса была задержана в Перу. Онассис заплатил за его освобождение три миллиона долларов. Но страховка покрывала и риск захвата его флота— Ллойд и другие страховые компании возместили потери.

Могло так случиться, что мне, человеку со слабым здоровьем, довелось бы принять участие в этом грандиозном предприятии. Какой-то продюсер решил сделать фильм по моей книге «Великий час китовой охоты», опубликованной в 1953 году, и пригласил меня принять участие в антарктическом плавании китобойного флота Онассиса. Я

был готов к отлету, когда пришла телеграмма: цена на китовый жир в связи с окончанием корейской войны резко упала, и Онассис отказался от экспедиции. В марте 1956 года он продал свой флот Японии за восемь с половиной миллионов долларов. Я без особого сожаления принял эту весть, поскольку знаю, что меня возмутило бы зрелище избияния синих китов в Антарктике.

Мы несколько удалились от Средиземного моря, а между тем нам пора завершить нашу хронику: ведь с современными событиями нас знакомят газеты, радио, телевидение. В конце нашего путешествия по Средиземному морю в разные века надо подвести краткий итог великой и парадоксальной истории человечества в Средиземноморье. Средиземноморье было колыбелью самых древних цивилизаций. Мы видели, как критяне, финикийцы, греки бороздили Средиземное море на своих утлых суденышках, и оно словно вливало в них новые силы. Эти народы, а также египтяне, которые не были великими мореплавателями, возвели на его берегах памятники несравненной красоты. Мы видели яростные схватки на Средиземном море, начиная с древних времен до наших дней. Наполеон хотел победить Англию в Египте. Черчилль желал нанести смертельный удар Германии и ее сателлитам путем захвата Дарданелл в 1915 году, а в течение первых двух лет второй мировой войны Средиземное море служило театром крупных военных операций. Весь мир с опасением прислушивается к любому пушечному выстрелу на берегах этого моря.

Мы видели, что это море было ареной невероятных по размаху пиратских операций. Сейчас, когда я заканчиваю эту книгу, весь мир питает надежду, что «нефтяной кризис» ни в коем случае не перерастет в военный конфликт. Но даже если он завершится мирным исходом, западный мир будет потрясен до основания и ему придется пересмотреть многие аспекты своей цивилизации. Средиземное море, в какой-то мере «центр мира» по своему положению, по-прежнему влияет на судьбы всего человечества.

Послесловие

Одна из древнейших профессий на Земле — профессия моряка популярна и в наши дни. Море влечет к себе сотни, тысячи романтических и сильных людей. Романтических, потому что мореплавание подчас связано с неизвестностью, приключениями, опасностями. Сильных, потому что мореплавание — это трудная работа, постоянная борьба со стихией.

Имя Жоржа Блона известно советским читателям по его книгам серии «Великий час океанов»: «Атлантический» (М., 1978) и «Тихий» (М., 1979). Эти увлекательно написанные книги, изобилующие интересными историческими сведениями, отличаются оригинальным изложением, казалось бы, уже известных фактов. Новая книга этой серии — «Средиземное море», безусловно, тоже заинтересует читателей, в том числе и тех, кто занимается вопросами истории мирового мореплавания.

Средиземное море — не океан, но в истории человечества оно сыграло более важную роль, чем любой из океанов. Оно было колыбелью древнейших цивилизаций, местом встречи самых разнообразных культур. Здесь плавали, торговали, сражались, учились друг у друга представители самых различных народов в течение нескольких тысяч лет. Значение Средиземного моря не уменьшилось и в современную эпоху. «Наше море» — так впервые назвали его древние римляне; сейчас можно повторить этот титул от лица всех народов Земли.

Жорж Блон приводит новые для широкого читателя факты, свидетельствующие о глубокой древности средиземноморского мореплавания. Теперь нет сомнений в том, что утлые суденышки первых моряков бороздили волны «Великого Зеленого моря» уже за несколько тысячелетий до того, как в этом районе расцвели первые цивилизации — Египет, Шумер и другие. Позднее большую роль в освоении Средиземного моря сыграли жители острова Крит, создавшие во втором тысячелетии до нашей эры первую морскую державу: память о ней живет до сих пор в мифе об Атлантиде. Их преемниками стали ставшие финикийские мореходы. Не было такого уголка в бассейне

Средиземного моря, куда бы они не ходили на своих «чернобоких» кораблях. Как и все народы Востока, они издревле занимались изучением небесных тел и хорошо умели ориентироваться по звездам и прокладывать курс корабля в открытом море. Они же стали пионерами в исследовании Эритрейского моря (так в древности называли Индийский океан).

Известно, что, когда египетский фараон Нехо пожелал получить более подробные сведения о побережье Африки, он нанял для этой цели финикийских мореходов. Поборов естественную для своего времени боязнь неизвестности, они вышли из Красного моря и впервые в истории человечества совершили путешествие вокруг Африки. Плавание длилось три года. Когда на судах кончались запасы еды и воды, люди высаживались на берег, сеяли зерно, собирали урожай и... плыли дальше. Преодолев пространства Индийского, а затем и Атлантического океана, пройдя путь в 13 000 миль, финикийские суда достигли Геркулесовых столбов (Гибралтарский пролив) и возвратились в Египет.

Есть сведения о том, что финикийцы совершали походы вокруг Пиренейского полуострова и далее на север, к берегам Англии. Вполне возможно, что они совершали и еще более далекие плавания, о которых не сохранилось никаких письменных упоминаний. Этот давно исчезнувший народ заслужил благодарную память человечества, и автор не случайно отдает должное их отваге и предприимчивости.

Финикийское господство в Средиземноморье окончилось в VI в. до н. э.; последующие века заполнены соперничеством новых морских сил — эллинов и персов, византийцев и арабов, норманнов и венецианцев, генуэзцев и турок, испанцев и англичан.

Римляне не были морским народом и не стали им даже после того, как их империя охватила все Средиземноморье, но многие решающие события римской истории разыгрывались на море.

Так было и в эпоху Клеопатры. Блон подробно описывает события той поры, но, к сожалению, мало внимания уделяет их истинным причинам. Египетская царица была, конечно, капризной красавицей — но прежде всего она была умным и опытным политиком, равно искушенным в интригах александрийского двора и римского сената. Она стремилась сохранить фактическую независимость богатого, но слабого в военном отношении Египта в условиях римской агрессии. Когда Цезарь был диктатором и планировал завоевание всего Ближнего Востока, Клеопатра активно помогала ему египетскими ресурсами. Царица рассчитывала, что, победив парфян, Цезарь останется на Востоке, Александрия станет второй столицей империи и автономия Египта будет обеспечена.

Расчет был, видимо, верен: Цезарь был последовательным империалистом и еще во время галльской войны понял, что наиболее выгодная для Рима форма экспансии — не просто ограбление завоеванных стран, а последовательный экспорт в них «римского образа жизни», включая торговые связи, унификацию правовых норм (и богов) и постепенное распространение римского гражданства на бывших побежденных. Но Цезарь пал от рук староримской партии; все его наследники были

римлянами старого закала и рассматривали Египет как «добычу римского народа». Полная победа любого из соперников означала аннексию Египта Римом, поэтому Клеопатра старалась поддерживать равновесие сил между Октавианом и Антонием, с вытекающим из этого разделом Средиземноморья на Запад и Восток. В связи с этим становится понятным поведение царицы во время битвы при Акции: Антоний-победитель стал бы для нее так же опасен, как был Октавиан, а побежденный Антоний поневоле превращался в сильного восточного правителя, опирающегося на Египет. Такую игру Клеопатра вела, пока могла, а после поражения покончила с собой.

Очень интересны страницы книги, посвященные средневековому мореплаванию. Пафос этой эпохи не в морских баталиях, а в освоении морской стихии новыми народами.

Описывая плавание той поры, Ж. Блон много говорит о крестовых походах. Следует заметить, что в оценке их он допускает некоторую неточность. Так, говоря о четвертом крестовом походе, Блон пишет: «И когда они (рыцари) сказали «да», цели крестовых походов перестали быть религиозными в своей основе». Обратимся к истории. В 1095 г. римский папа Урбан II созвал в Клермоне церковный собор. По окончании заседаний собора, 26 ноября 1095 г., папа выступил с торжественной речью перед огромными толпами собравшихся. В этой речи он призвал верующих взяться за оружие для похода против «персидского племени турок» и отправиться в крестовый поход на Восток ради «освобождения гроба господня» и «Святой земли» (Палестины).

Папский престол, затеявая эту «священную войну», хотел прежде всего освободить крупных землевладельцев (церковь была крупнейшим из них) от давления бунтующих народных масс, готовых на любое деяние ради избавления от феодального ига. Урбан II обещал участникам похода — «борцам и мученикам за веру» — отпущение грехов, вечную награду на небесах и пр.

Однако папа понимал, что одних только обещаний загробного блаженства будет недостаточно для привлечения к задуманному предприятию большого количества людей. Поэтому он счел необходимым посулить народу не только «небесные», но и земные блага. Там, на Востоке, говорил он, бедняков ждет иная, безбедная жизнь. Земля в этих странах «течет медом и млеком», «Иерусалим — это пуп земли, земля плодоноснейшая по сравнению со всеми остальными, она словно рай». Папа призывал крестьян и безудельное, бедное рыцарство к прямому грабежу Востока, к тому, чтобы «захватить сокровища... врагов».

И не случайно латинские хронисты, рассказывая о переходе крестоносцев через Малую Азию, о происходивших там битвах с сельджуками, самыми тщательным образом перечисляют все, что доблестные рыцари креста приобрели в результате успехов своего оружия. Золото и серебро, а также захваченные крестоносцами богатые города «неверных» в этих описаниях фигурируют на первом месте. «Гроб господень» и освобождение «братьев-христиан» были отодвинуты в сторону...

Таким образом, организованные западноевропейскими феодалами и католической церковью крестовые походы (с первого по восьмой

включительно) имели в своей основе грабительские и захватнические цели и причинили, по выражению К. Маркса, «страшные кровопускания»*.

XVI в. открыл новую эпоху в истории морских конфликтов в Средиземноморье: если крестовые походы XI—XIII вв. были первым актом европейского колониализма, то теперь сильнейшая европейская держава — Австрийско-Испанская монархия Габсбургов боролась с Османской империей за передел известного в то время мира. Ж. Блон подробно описывает лишь один аспект этой борьбы «креста и полумесяца» — алжирское пиратство. Но фронт был гораздо шире, чем даже соперничество испанско-венецианского и турецкого флотов за контроль над Средиземным морем, разрешившееся в 1571 г. кровопролитной битвой при Лепанто. Война за новые колонии охватила весь мир: стоит вспомнить, что в 1529 г., когда европейские мореплаватели уже достигли Китая, а конкистадоры укрепились в Вест-Индии и Мексике, турецкая армия, захватив Балканы, осаждала Вену, а флот султана овладел всем североафриканским побережьем вплоть до Алжира и стремился отрезать Европу от рынков Востока. В эту войну ведущих колониальных держав оказались вовлечены их соперники: Франция выступала против Габсбургов, т. е. на стороне Турции; именно поэтому король Франциск I поддерживал алжирских корсаров. Затянувшееся противоборство «креста и полумесяца» было закономерно: молодой европейский капитализм, начиная борьбу за мировое господство, впервые (и в последний раз) встретил равносильное военное сопротивление. Таков был внешнеполитический фон эпохи европейской Реформации.

Заключительные главы книги посвящены новой и новейшей истории Средиземного моря. Здесь автор сознательно, видимо ради большей увлекательности изложения, нарушает принцип равномасштабности изображаемых событий. Например, оборона Мальты во второй мировой войне — важное событие, но далеко не столь важное, как битва при Лепанто или создание Суэцкого канала; еще меньше влияния, естественно, оказывают на современную историю кораблекрушения, даже очень крупные. Но каждое кораблекрушение — это неожиданный экзамен для человеческой психики. И оказывается, что огромные успехи современного кораблестроения не обеспечивают нам сдачу подобных экзаменов. Современному лайнеру в открытом море не страшны бури, которые губили его деревянных предшественников. Зато те могли без риска подойти почти к любому берегу, а теперь корабль может погибнуть в сотне метров от безопасного пляжа; такие примеры разбирает Блон в главе «Жестокое море».

И сейчас не снижаются требования к мужеству, изобретательности и выносливости людей, постоянно имеющих дело с морем. Пожалуй, можно говорить об особом психологическом типе «средиземноморского человека», который оформился в непрерывном общении с переменчивой морской стихией и с еще более сложным миром людей, которых кормит море. Но даже таким людям, во всеоружии современной

* К. Маркс. Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 154.

техники, нелегко дается морское дело. Каким же опасным было море для тех, кто уходил в эту неведомую даль на заре мореплавания!

Довольно много места в своей книге Ж. Блон отводит биографии Аристотеля Онассиса. Такое повышенное внимание к греческому судовладельцу-миллиардеру кажется на первый взгляд странным. Действительно, трудно включить этого дерзкого, хитрого и изобретательного предпринимателя в число творцов истории Средиземноморья; но как продукт этой истории личность Онассиса представляет большой интерес. Этот «скоробогач» — яркий представитель типа средиземноморского купца, готового делать деньги всеми возможными и невозможными способами, не задумываясь о последствиях своей деятельности. Много веков вызревал этот купеческий тип. Духовные предтечи Онассиса ради сверхбарышей торговали рабами-единоверцами и продавали оружие врагам своей страны, а их потомок — наш современник — активно поддерживал самые реакционные тенденции в политической жизни Греции, от переворота «черных полковников» до вступления страны в НАТО. Огромное богатство Онассиса позволило ему проявить свои амбиции во всей полноте, и в нем мы наблюдаем, с близкого расстояния и под большим увеличением, черты характера, общие для финикийского купца эпохи фараонов, римского публикана-колонииста и средневекового «ренегата», наживавшегося на распрях между христианами и мусульманами Средиземноморья.

Блон изображает Онассиса этаким предприимчивым, удачливым дельцом. Однако на самом деле все обстоит гораздо сложнее. Истинное лицо этого человека, скрыто, как и его роль в политике Греции. Концерн Онассиса — один из десяти самых крупных греческих концернов, задающих тон не только в экономике страны, но в ее внутренней и внешней политике. Эти концерны представляют собой могущественную силу, без «вотума доверия» которой не смог бы продержаться на вершине пирамиды государственной власти ни один кабинет министров. К 1971 г. Онассис владел танкерным флотом, по общему тоннажу составлявшим почти половину всего танкерного флота Греции. Он был также владельцем авиакомпании, имевшей в 1972 г. в своем распоряжении 36 самолетов и 5633 служащих.

Онассис поддерживал тесные связи с военно-промышленным комплексом США. Даже его женитьба на Жаклин Кеннеди преследовала своей целью прежде всего укрепление финансовых связей с США и усиление авторитета Онассиса в политических делах обеих стран (хорошо известен брачный контракт, подписанный Жаклин Кеннеди и Онассисом и предусматривавший целый перечень обязательств сторон, и прежде всего — финансовых).

Думается, что читатели прочитают новую книгу Блона с неослабевающим интересом, по достоинству оценят ум, отвагу и мужество моряков прежних и нынешних времен. Ведь отношения между человеком и морем всегда были и поныне остаются волнующей драмой. Эту драму талантливо описывает Жорж Блон.

Комментарии

I

- ¹ *Атриды*—династия, родоначальником которой считается дневногреческий мифологический царь Микен—Атрей, отец героев Троянской войны Агамемнона и Менелая.
- ² *Тира* (74 км²)—остров вулканического происхождения в группе островов Санторин архипелага Киклады (Эгейское море). Извержение вулкана Санторин на о. Тира (около 1500 г. до н. э.) нанесло большой ущерб Критской державе. Это событие, видимо, послужило основой мифа о гибели Атлантиды.
- ³ *Ираклион* (бывшая Кандия)—город на о. Крит. 78 тыс. жителей. Археологический музей с богатейшим собранием эгейского искусства. Вблизи Ираклиона—руины древнего города Кнос.
- ⁴ *Гребки*—короткие весла, чаще всего с округлыми лопастями.
- ⁵ *Соломон*—царь Израильско-Иудейского царства в 965—928 гг. до н. э.
- ⁶ *Ганза*—торговый и политический союз северонемецких городов во главе с Любеком, существовавший в XIV—XVI вв. (формально до 1669 г.).
- ⁷ *Эс-Сувейра*—небольшой порт на атлантическом побережье Марокко. Около 30 тыс. жителей.
- ⁸ *Минос*—мифологический царь Кноса (на о. Крит), согласно легенде—сын Зевса и Европы.
- ⁹ *Лоуренс Аравийский* (1888—1935)—английский разведчик. По образованию археолог. Вел разведывательную работу в Сирии, Палестине, Аравии, Египте, Пакистане. Занимался подрывной деятельностью против Афганистана и СССР.
- ¹⁰ *Элиан* (II—III вв. до н. э.)—римский писатель, писавший на греческом языке. *Немезиан*—латинский буколический поэт родом из Карфагена. *Оппиан*—греческий дидактический поэт родом из Корики. Прославился поэмой в пяти книгах о рыбной ловле.
- ¹¹ *Диадочи* (преемники)—полководцы Александра Македонского, боровшиеся после его смерти за верховную власть, следствием чего был распад империи Александра Македонского.
- ¹² 28 (или 27) сентября 480 года до н. э. в Саламинском проливе (Эгейское море) произошло морское сражение между греками и персами. Греки победили, уничтожив 200 кораблей противника и потеряв только 40.
- ¹³ *Хатшепсут*—египетская царица в 1525—1503 гг. до н. э. Вела большое храмовое строительство, снарядила экспедицию в Пунт. Ее пасынок—

- Тутмос III, фараон в 1525—1473 гг. до н. э.
- ¹⁴ *Сенусерт I*—фараон XII династии Среднего царства. Правил примерно с 1970 по 1928 г. до н. э.
- ¹⁵ *Арматор*—судовладелец, распорядитель груза, экспедитор.
- ¹⁶ *Митридат VI Евпатор* (132—62 гг. до н. э.)—царь Понтийского царства. *Лукулл*—римский полководец.
- ¹⁷ *Ромул* и *Рем*—легендарные основатели Рима, вскормленные, по преданию, волчицей.
- ¹⁸ «*Сабинская война*», или «*похищение сабинянок*», относится к легендарному периоду римской истории. По приказу Ромула во время одного праздника были похищены дочери гостей из племени сабинян. Началась война, но сабинянки, успевшие полюбить своих мужей, помешали кровопролитию и примирили враждующих.
- ¹⁹ *Горации*—три легендарных юношеских близнеца из древнеримского патрицианского рода, победившие во время войны Рима с Альбой-Лонгой трех юношей-близнецов *Курцияев* из Альбы-Лонги (VII в. до н. э.).
- ²⁰ *Лациум*, *Лаций* (ныне Лацио)—область в центральной Италии, в бассейне р. Тибр; место возникновения Рима.
- ²¹ *Пунические войны*—между Римом и Карфагеном за господство в Средиземноморье (1-я Пуническая война—264—241 гг.; 2-я—218—201 гг.; 3-я—149—146 гг. до н. э.). Завершились победой Рима.
- ²² *Светоний Гай Транквила* (ок. 70—ок. 140 гг. н. э.)—римский историк и писатель. Автор сочинения «О жизни двенадцати цезарей» (в 8 книгах).
- ²³ *Ширстрек*—самый верхний утолщенный пояс бортовой обшивки, идущий вровень с верхней непрерывной палубой. Увеличивает продольную прочность судна.
- ²⁴ *Апостол Павел*—один из персонажей христианской мифологии. Часть советских историков считает его лицом вымышленным, другие признают историческим лицом. Крупнейший

проповедник христианства в I в. среди язычников, прозванный вследствие этого «апостолом язычников». Родился в семье зажиточных иудеев, получил блестящее образование. Первоначально был яростным гонителем христиан, затем, после «чудесного» перелома, превратился в проповедника христианства. Благодаря его проповедям образовались центры христианства в Азии и по северному побережью Средиземного моря, по которому он совершил множество плаваний, неоднократно терпя кораблекрушения. По преданию, закончил свою жизнь в Риме, где был обезглавлен вместе с апостолом Петром. Павел считается одним из плодотворнейших писателей своего времени. Его перу принадлежит 14 посланий, в которых выражено его религиозно-нравственное мирозерцание.

II

- ¹ *Птолемей I*—основатель царской династии в эллинистическом Египте. Был полководцем Александра Македонского, одним из его диадочов (преемников).
- ² *Кадис*—город и порт на юге Испании. 142 тыс. жителей.
- ³ *Каркопино Жером* (1881—1970)—французский историк и политический деятель.
- ⁴ *Баллиста*—метательная машина древности (до V в. н. э.).
- ⁵ *Эпир*—историческо-географическая область на западе Греции, первоначальное местопребывание греков. В конце IV—начале III в. до н. э. на территории Эпира образовалось государство, завоеванное в 168 г. до н. э. Римом.

III

- ¹ *Авары*—большой племенной союз (VI—VIII вв. н. э.), главную роль в котором играли тюркоязычные племена.
- ² *Остготы* (остроготы, грейтунги)—

германское племя, восточная ветвь готов.

³ *Вестготы* (визиготы)— германское племя, западная ветвь готов.

⁴ *Сеута*— город и порт на средиземноморском побережье Марокко, в восточной части Гибралтарского пролива (под управлением Испании). Около 90 тыс. жителей.

⁵ *Мостаганем*— город и порт на северо-западе Алжира, административный центр вилайи Мостаганем. Около 80 тыс. жителей.

⁶ *Наргиле*— восточный курительный прибор, похожий на кальян, но имеющий длинный рукав вместо трубки.

⁷ *Ибн Хальдун*— арабский историк и философ (1332—1406).

⁸ *Иберия*— древнее название Испании. *Иберийский полуостров*— Пиренейский полуостров.

⁹ В XI в. смысл слова «норманн» меняется. Прежде так называли скандинавских викингов; теперь их набеги на Европу прекращаются, и норманнами зовут их потомков— нормандцев, осевших на севере Франции и перенявших французский язык, христианство и феодальную государственность. Именно нормандцы завоевывают в это время Южную Италию, Сицилию, а в 1066 г.— Англию.

¹⁰ 14 октября 1066 г. войска герцога Нормандии Вильгельма высадились на побережье Англии и в битве при Гастингсе разгромили войска англосаксонского короля Гарольда II, который пал в бою. Вильгельм стал английским королем (Вильгельм I Завоеватель).

¹¹ *Сантьяго-де-Компостела*— город в Испании, где находится могила св. Якова— известное место паломничества.

¹² *Жуанвиль Жан де* (1224—1317)— французский хронист, спутник и биограф короля Людовика IX Святого (1214—1270).

¹³ «*Veni creator*»— литургический гимн, начинающийся словами: «Приди к нам, творец...»

¹⁴ «*Libera me*»— заупокойный гимн, на-

чинающийся словами: «Освободи меня...»

¹⁵ «*Salve regina*»— литургический гимн, начинающийся словами: «Смилуйся, царица...»

¹⁶ *Дориля*— древний турецкий город, стоявший вблизи современного города Эскишехир.

¹⁷ *Св. Бернар* (1091—1153)— известный французский церковный идеолог, основатель монастыря в Клерво; был вдохновителем второго крестового похода, составил устав ордена тамплиеров.

¹⁸ *Отранто*— небольшая деревня на юго-восточном побережье Италии. Когда-то большой порт, давший имя проливу Отранто.

¹⁹ *Дандоло Энрико* (ок. 1108—1205)— венецианский дож с 1192 г. При нем было завершено создание Венецианской колониальной державы.

²⁰ *Ангелы*— династия византийских императоров в 1185—1204 гг.

²¹ *Салах-ад-дин* (Саладин) (1138—1193)— египетский султан с 1171 г. Основатель династии Айюбидов. Возглавлял борьбу мусульман против крестоносцев в 1187—1192 гг. В 1187 г. завоевал Иерусалим, что было причиной третьего крестового похода.

²² *Филипп II Август* (1165—1223)— французский король с 1180 г.

²³ *Троица* (пятидесятница)— один из главных христианских праздников. Отмечалась на пятидесятый день после пасхи (конец мая— начало июня).

IV

¹ *Левант* (от фр. Levant или итал. Levante— восток)— общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Египет, Турция, Греция, Кипр, Израиль); в узком смысле— Сирия и Ливан.

² *Магриб* (араб.— запад)— регион в Африке, включающий Тунис, Алжир, Марокко (собственно Магриб), Ливию, Мавританию, Западную Сахару.

- ³ *Османская империя*—название султанской Турции. Сложилась в XV—XVI вв. в результате турецких завоеваний в Азии, Европе и Африке. Распалась после поражения в первой мировой войне. *Османы*—династия турецких султанов в 1299/1300—1922 гг.
- ⁴ *Ренегаты*—христиане, принявшие ислам. Церковь считала их «отступниками».
- ⁵ *Фердинанд II Арагонский* по прозвищу Католик (1452—1516)—король Арагона (с 1479 г.) и Сицилии (с 1468 г.), король Кастилии под именем Фердинанда V (1479—1504), король Неаполитанского королевства под именем Фердинанда III (1504—1516). Вступив в брак с Изабеллой Кастильской (1469), объединил Арагон и Кастилию и основал единое государство Испанию. В годы его царствования была открыта Америка и положено начало испанской колониальной экспансии.
- ⁶ *Карл V* (1500—1558)—испанский король под именем Карлоса I (1516—1556). Император Священной Римской империи (1519—1556). Проводил политику создания «мировой христианской державы».
- ⁷ *Пашалык*—провинция или область в Османской империи, находившаяся под управлением пашы.
- ⁸ *Сулейман I Кануни* (Законодатель)—турецкий султан с 1520 по 1566 г. При нем Османская империя достигла наивысшего могущества. В европейской исторической литературе известен под именем Великолепного.
- ⁹ В 1453 г. Константинополь был взят турками (переименован в Стамбул). С 1453 по 1918 г.—столица Османской империи.
- ¹⁰ *Лепанто*—ныне г. Нафпактос (Греция). Битва при Лепанто (1571)—последний крупный бой гребных флотов.

V

- ¹ *Соединенные провинции* (или Республика Соединенных провинций)—семь нидерландских провинций, освободив-

шихся в результате нидерландской буржуазной революции XVI в. от испанского владычества и образовавших первую в мире буржуазную республику.

- ² *Ла-Гулетт* (ныне Хальк-эль-Уэд)—город на северо-востоке Туниса. 46 тыс. жителей.
- ³ *Нантский эдикт* подписан в апреле 1598 г. в Нанте французским королем Генрихом IV. Согласно эдикту, католицизм оставался господствующей религией, но гугеноты получали свободу вероисповедания и богослужения. В 1685 г. Людовик XIV отменил Нантский эдикт.
- ⁴ *Сале*—город и порт на атлантическом побережье Марокко в устье реки Бу-Рейрег. 156 тыс. жителей.
- ⁵ *Дюкен Авраам* (1619—1688)—маркиз, один из известнейших французских адмиралов.

VI

- ¹ *Тартана*—одномачтовое судно.
- ² *Ромни Джордж* (1734—1802)—английский живописец-портретист.
- ³ *Рейнолдс Джошуа* (1723—1792)—известный английский живописец-портретист.
- ⁴ *Арпан*—мера площади, равная примерно 34,2 ара.
- ⁵ *Институт Франции*—основное официальное научное учреждение Франции, созданное в 1795 г. Объединяет пять академий: Французскую академию, Академию надписей и изящной словесности, Академию наук, Академию искусств, Академию моральных и политических наук.
- ⁶ *Намек* на известного карфагенского полководца Ганнибала. В 215 г. до н. э., овладев Капуей (после Каннской битвы), он остался там на зиму, проводя (согласно легенде) все время в развлечениях и удовольствиях.
- ⁷ *Намек* на персонажей поэмы «Освобожденный Иерусалим» итальянского поэта Тассо, где рассказывается о французском рыцаре *Ринальдо*, попавшем в любовные сети волшебницы *Армиды*.
- ⁸ *Чиппендейл*—стиль мебели, создан-

ный английский мебельным мастером Томасом Чиппендейлом (1718—1779).

VII

- ¹ *Сен-Симон Клод Анри де Рувруа* (1760—1825)—граф, французский мыслитель, социалист-утопист. Учение Сен-Симона—один из идейных источников научного социализма.
- ² *Бланки Луи Огюст* (1805—1881)—французский революционер, коммунист-утопист.
- ³ *Римская республика* была провозглашена в феврале 1849 г. в Папской области во время революции 1848—1849 гг. в Италии. Пала 3 июля 1849 г.
- ⁴ *Дизраэли Бенджамин* (1804—1881)—премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874—1880 гг.
- ⁵ Европейцы продолжали называть Стамбул Константинополем до 1930 г.
- ⁶ *Кларендон Джордж Уильям Фредерик Вильерс* (1800—1870)—государственный деятель Великобритании, министр иностранных дел (1853—1858, 1865—1866, 1868—1870).
- ⁷ *Пальмерстон Генри Джон Темпл* (1784—1865)—государственный деятель Великобритании, премьер-министр в 1855—1858 гг. и с 1859 г.
- ⁸ Индийское народное восстание 1857—1859 гг. (*Сипайское восстание*) против английского колониального господства. Военное ядро—сипай (наемные солдаты, вербовавшиеся в английскую колониальную армию в Индии из местных жителей). Восстание было жестоко подавлено. Управление Индией перешло от английской Ост-Индской компании к английскому правительству.
- ⁹ *Орсини Феличе* (1819—1858)—член тайной патриотической организации «Молодая Италия». Позже стал на путь индивидуального террора и 14 января 1858 г. бросил бомбу в карету Наполеона III. Был казнен.
- ¹⁰ В середине 1967 г. в связи с агрессией Израиля против АРЕ судоходство по Суэцкому каналу было прервано; возобновилось 5 июня 1975 г.

VIII

- ¹ *Наваринское сражение* (1827) состоялось в Наваринской бухте (Южная Греция). Турецко-египетский флот был разгромлен соединенным флотом России, Великобритании и Франции, что способствовало победе Греческой национально-освободительной революции 1821—1829 гг.
- ² *Кокто Жан* (1889—1963)—французский писатель, художник, театральный деятель, кинорежиссер, сценарист.
- ³ *Сезанн Поль* (1839—1906)—французский художник-постимпрессионист.
- ⁴ *Моне Клод* (1840—1926)—французский художник-импрессионист.
- ⁵ *Синьяк Поль* (1863—1935)—французский художник-неоимпрессионист.
- ⁶ *Дарданелльская (или Галлипольская) операция*—действия англо-французского флота и десантных войск во время первой мировой войны (19 февраля 1915 г.—9 января 1916 г.) с целью овладения Дарданеллами, Босфором и Константинополем, вывода Турции из войны и восстановления связи с Россией через Черное море. С 19 февраля англо-французская эскадра бомбардировала турецкие форты, однако ее попытка прорваться 18 марта через проливы в Черное море окончилась неудачей. 25 апреля высаженный на п-ов Галлиполи десант (до 80 тыс. человек, 178 орудий), потеряв при высадке 18 тыс. человек, начал наступательные действия, но успеха не добился. Дарданелльская операция не достигла цели. С 10 декабря 1915 г. по 9 января 1916 г. англо-французские войска были эвакуированы в Салоники (Греция) для усиления Салоникского фронта. Общие потери союзников—145 тыс. человек, турок—186 тыс. человек.
- ⁷ *Амьенский мирный договор 1802 г.* между Францией и ее союзниками, с

одной стороны, и Англией — с другой. Один из пунктов этого договора обязывал Англию вывести свои войска с о. Мальта, занятого ею в 1800 г. Однако Англия отказалась выполнить категорическое требование Наполеона вывести войска с Мальты и объявила войну Франции. Амьенский мирный договор утратил свою силу.

⁸ В 1962 г. Англия была вынуждена вновь предоставить Мальте внутреннее самоуправление, а в сентябре 1964 г. — независимость в рамках Содружества. В 1964 г. Мальта стала членом ООН. С 1964 г. столица Мальты носит название Валлетта (до этого — Ла-Валлетта).

⁹ В конце 1941 г. боевые действия в бассейне Средиземного моря носили упорный характер. В частности, немецко-итальянское командование стремилось парализовать коммуникации противника и приостановить поступление английских грузов в Тобрук и на Мальту. Для достижения этой цели Германия усилила свой подводный флот в Средиземном море. В декабре 1941 г. там уже действовало более 20 ее подводных лодок. К боевым действиям были привлечены также значительные силы немецко-итальянской авиации из резерва.

На восточном фронте для немецко-фашистской армии сложилась в это время трудная обстановка. Наступление на Ленинград было остановлено: под Москвой гитлеровцы встретили ожесточенное сопротивление советских войск. Советское Верховное Главнокомандование, готовя контрнаступление, в первых числах ноября 1941 г. приняло решение о формировании десяти резервных армий. Но даже после этого немецко-фашистские войска превосходили советские войска, привлеченные к контрнаступлению, в живой силе — в 1,5 раза, артиллерии — в 1,4 раза и в танках — в 1,6 раза, и только по авиации советская группировка превосходила противника в 1,6 раза. Советская авиация завоевала господство в воздухе. Таким обра-

зом, немецко-фашистское командование не могло снять авиацию с восточного фронта для нужд боевых действий на Средиземном море.

Многие буржуазные историки по сей день утверждают, что главными причинами поражения немецкой армии под Москвой были не величайший героизм и боевое мастерство советских войск и высокое искусство советского командования, а прежде всего неблагоприятные климатические условия и многократное превосходство Советской Армии. Факты, однако, опровергают эти измышления.

¹⁰ В это время (с 27 мая по 4 июля 1942 г.) германо-итальянское командование предприняло в Северной Африке наступательную операцию под кодовым наименованием «Тезей», конечной целью которой было овладение Тобруком и выход на египетскую границу. Пройдя за время наступления около 600 км, немецко-итальянские войска захватили большие трофеи и нанесли ощутимый урон 8-й британской армии, потери которой достигли 80 тыс. человек. В связи с успешным продвижением немецко-итальянских сил Гитлер и Муссолини отказались от проведения намеченной операции «Геркулес» по захвату Мальты и решили продолжать наступление, чтобы «отторгнуть Египет от Англии». Поэтому командующий немецко-фашистской армией в Северной Африке генерал-фельдмаршал Роммель готовился к проведению операции «Аида» и рассчитывал 30 июня достичь Александрии и Каира и завершить изгнание британских войск из Египта. Однако англичане успели усилить 8-ю армию танками и авиацией, в то время как силы противника были ослаблены и его наступательные возможности исчерпаны. В ожидании подкреплений Роммель вынужден был 4 июля приостановить наступление.

На фронтах России немецко-фашистские войска в 1942 г. также имели временный успех. Опередив Советскую Армию в открытии активных

действий весной 1942 г., гитлеровцы добились крупных успехов в Крыму (после 250-дневной героической обороны 4 июля наши войска оставили Севастополь) и в районе Харькова и вновь овладели стратегической инициативой. 17 июля немецко-фашистские и итальянские войска подошли к Сталинграду. Начался оборонительный период (17 июля—18 ноября) Сталинградской битвы и битвы за Кавказ (23 июля—31 декабря 1942 г.).

¹¹ К концу 1942 г. во второй мировой войне произошел поворот: гитлеровский блок потерпел ряд серьезных поражений.

После майско-июньского наступления группировка немецко-итальянских войск в Северной Африке оказалась значительно ослабленной. Обстановка еще более ухудшилась вследствие отправки на русский фронт основной части оставшейся в Сицилии немецкой авиации. Фронт в Северной Африке стабилизировался у Эль-Аламейна. Таким образом, замысел германо-итальянского командования разгромить британские войска, войти в Египет, захватить Александрию, Каир и Суэцкий канал и тем самым завершить овладение всей Северной Африкой был сорван. Превосходство в силах перешло к войскам Великобритании. Создались благоприятные условия для подготовки и проведения крупного наступления в Северной Африке. 8—11 ноября 1942 г. англо-американские войска высадились на побережье Северо-Западной и Северной Африки в районах Алжира, Орана и Касабланки (операция «Торч»). 13 мая 1943 г. капитуляцией немецко-итальянских войск в Тунисе военные действия в Северной Африке закончились.

На фронтах России, несмотря на благоприятные для себя условия, фашистская армия вынуждена была к концу 1942 г. второй раз за время мировой войны перейти к стратегической обороне. В ходе активных оборонительных операций советских войск

под Сталинградом (с 17 июля по 12 сентября и с 13 сентября по 18 ноября 1942 г.) вермахту были нанесены огромные потери. 19 ноября началось контрнаступление Советской Армии на Сталинградском фронте, а 1—3 января 1943 г. войска северной группы Закавказского фронта начали наступление против 1-й танковой армии вермахта. 23 ноября 1942 г. войска Советской Армии закончили окружение группировки немецко-фашистских войск фельдмаршала Паулюса в междуречье Волги и Дона. 2 февраля 1943 г. 6-я армия Паулюса капитулировала.

Победа под Сталинградом явилась началом коренного перелома в Великой Отечественной войне и оказала определяющее влияние на дальнейший ход всей второй мировой войны.

IX

¹ 1 сентября 1939 г. нападением фашистской Германии на Польшу началась вторая мировая война. 3 сентября правительства Англии и Франции объявили войну Германии. 10 мая 1940 г. немецко-фашистские войска вторглись в обход «линии Мажино» через Арденнские горы во Францию и начали стремительное продвижение к Парижу. 17 июня правительство Петена обратилось к народу Франции с призывом «прекратить борьбу». 22 июня генерал Хюнтцигер от имени французского правительства подписал акт о капитуляции Франции. С германской стороны этот документ подписал Кейтель. После заключения перемирия Франция оказалась разделенной на две зоны: оккупированную (Северная и Центральная Франция), на которой проживало 65 процентов населения страны, и неоккупированную (Южная Франция), тем не менее полностью зависевшую от Германии. Однако в ноябре 1942 г. немецко-фашистские войска оккупировали всю территорию Франции с целью захвата в Тулоне

французского военно-морского флота и оказания помощи войскам Роммеля в Тунисе, которые находились в бедственном положении.

В г. Виши (Южная Франция) обосновалось правительство предателя Пете-

на. По своему классовому содержанию это был фашистский коллаборационистский режим, который известен в истории как режим «Виши». Правительство «Виши» просуществовало с июля 1940 г. по август 1944 г.

Примечание к карте

Поскольку в книге идет речь о разных периодах истории Средиземноморья, на картах (помещенных на второй и третьей сторонах обложки) пришлось для наглядности «совместить времена» и показать одновременно древние и современные города и другие объекты (наиболее важные из упомянутых в тексте).

На первой стороне обложки:

21 октября 1805 года. Смелый и неожиданный маневр адмирала Нельсона при Трафальгаре увенчался полным успехом. Но сам Нельсон смертельно ранен...

На четвертой стороне обложки:

9 января 1942 года французское почтово-пассажирское судно «Ламорисьер» затонуло в Средиземном море, став жертвой шторма

В XVI веке на Мальте были возведены замечательные фортификационные сооружения

Оглавление

I	
Обсидановые пластинки	3
II	
Носик Клеопатры	36
III	
Крест и полумесяц	55
IV	
Гробница Барбароссы	84
V	
Неведомый Алжир	108
VI	
Охота на Орла	126
VII	
Лессепс Великолепный	151
VIII	
Балы и порох	167
IX	
Жестокое море	187
X	
«Центр мира»	204
Послесловие	210
Комментарии	215

Блон Ж.

Б 70 Великий час океанов: Средиземное море. Сокр. пер. с фр./Послесл. В. А. Дыгало, С. Г. Смирнова; Коммент. А. М. Григорьева и др.—М.: Мысль, 1982.—223 с., ил.—(Путешествия. Приключения. Поиск).

1 р. 80 к

Эта книга — третья в серии «Великий час океанов».

Значение Средиземного моря в истории куда больше, чем любого океана. Оно было колыбелью древнейших цивилизаций: Критяне, финикийцы, египтяне, греки путешествовали по нему и оставили на его берегах замечательные памятники. Ни один океан не кишел таким количеством пиратов, как это «цивилизованное» море с самых древних времен и вплоть до начала XIX века. Благодаря своему срединному положению это море играет важную роль и в судьбах современного мира.

Б 1905020000-059
004(01)-82 137-82

ББК 26.89(9)
91(09)

ИВ № 1931

Жорж Блон

**ВЕЛИКИЙ ЧАС
ОКЕАНОВ**

● ● ● **Средиземное море**

Заведующий
редакцией

А. П. Воронин

Редактор

Т. М. Галицкая

Редактор

карт

О. В. Трифонова

Младшие

редакторы

Н. Н. Игнатова,

Т. А. Шешина

Оформление

художника

А. В. Кузнецова

Художественный

редактор

Е. М. Омеляновская

Технический

редактор

Л. В. Барышева

Корректор

И. В. Равич-Шерб

Сдано в набор 09.11.81

Подписано в печать

19.04.82

Формат 60×90^{1/16}.

Бумага офсетная

Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Усл.-печатных листов 14.

Учетно-издательских

листов 16,75.

Усл. кр.-отг. 28,75.

Тираж 125 000 экз.

Заказ № 3420

Цена 1 р. 80 к.

Издательство

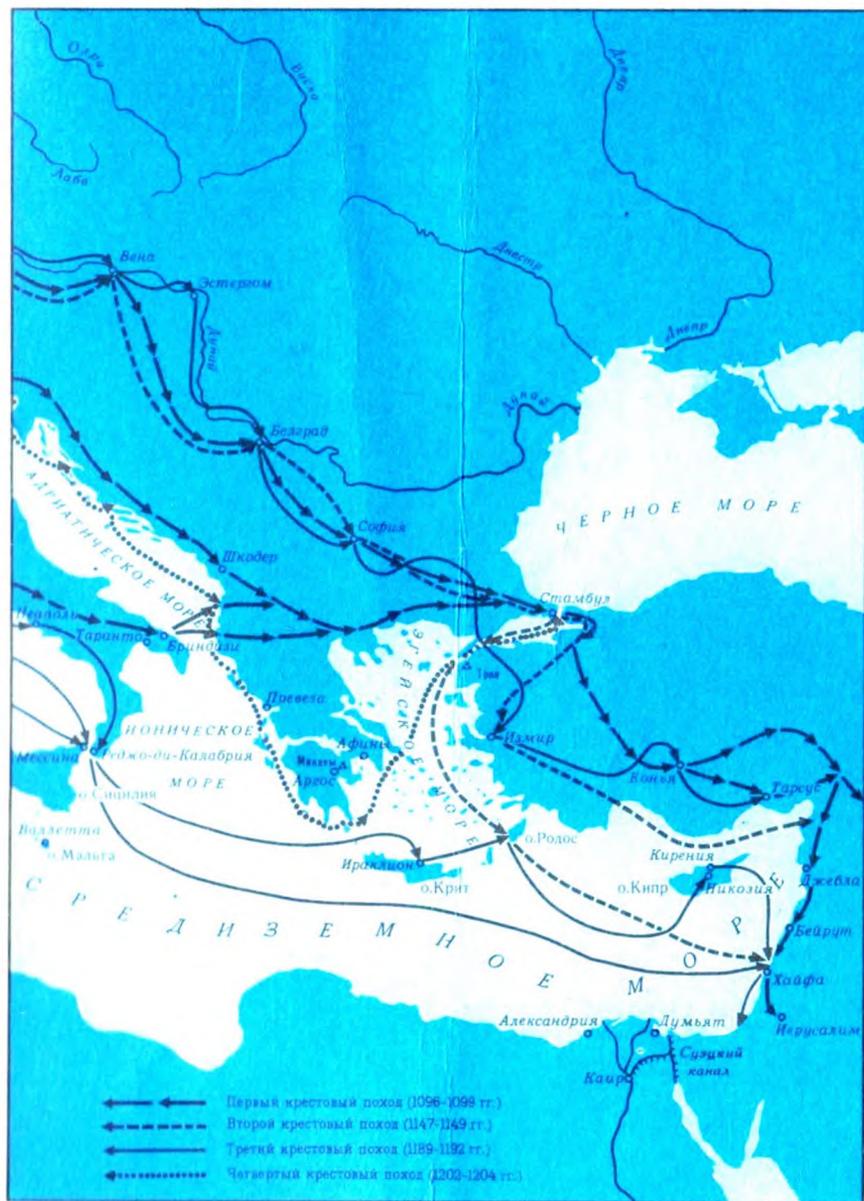
«Мысль».

117071, Москва, В-71,

Ленинский

проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, М-54, Валовая, 28.

F. D. 80 K.

7397-7
1908

